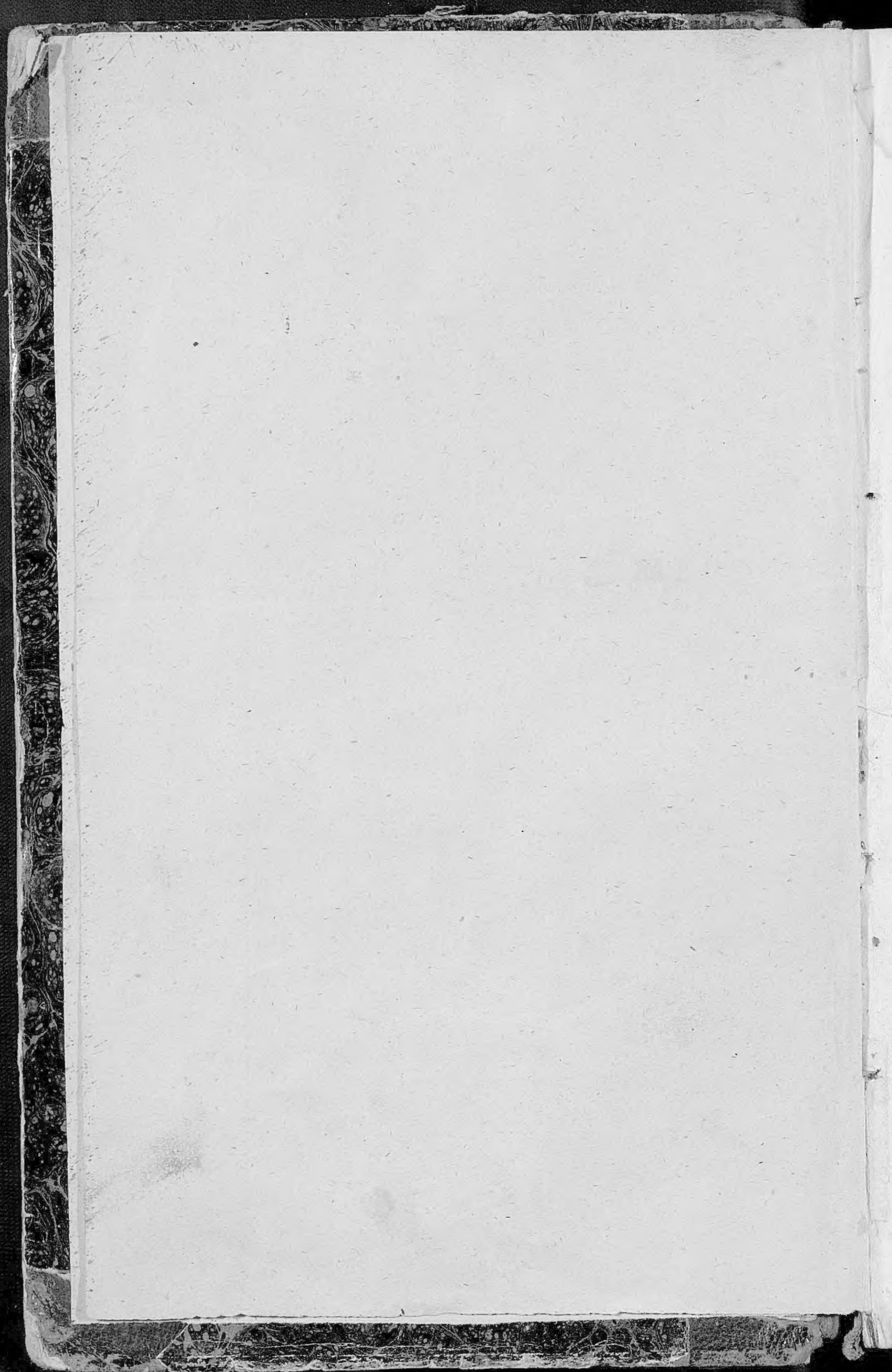

51 6/49
Г 1-2

РУСКІЕ ПРОСТОНАРОДНЫЕ

ПРАЗДНИКИ

И

СУЕВѢРНЫЕ ОБРЯДЫ.

ВЫПУСКЪ I.

На нашей улицѣ праздникъ.

Руская поговорка.

МОСКВА.
Въ Университетской Типографіи.
1837.

Печатать позволяется

съ тѣмъ, чтобы по напечатаніи представлены были въ Ценсурный Комитетъ три экземпляра. Москва. Февраля 20 го дня 1837 года.

Ценсоръ Д. Перевощиковъ.

ЕГО ВЫСОКОПРЕВОСХОДИТЕЛЬСТВУ,

Господину Министру Народнаго Просвѣщенія, Государственнаго Совѣта Члену и разныхъ орденовъ Кавалеру

СЕРГІЮ СЕМЕНОВИЧУ

УВАРОВУ

съ достодолжнымъ высокопочтеніемъ

посвящаетъ

сіи воспоминанія отечественной народности

Сочинитель.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Рускіе праздники простонародные и соединенныя съ ними древнія повѣрья, составляя завѣтныя стихіи народности, входятъ во внутреннюю Исторію Рускаго народа и его Древности. О важности и необходимости изслѣдованія сего предмета говорили Шлёцеръ, Карамзинъ и Митрополитъ Кіевскій Евгеній. Представлено было нѣсколько опытовъ, достойныхъ вниманія, Гг. Глаголевымъ, Макаровымъ и И. Сахаровымъ. Почтенный Сочинитель книги: *о великихъ Господскихъ и Богородичныхъ праздникахъ, Кіевъ,* 1835 г., при нѣкоторыхъ изъ нихъ приводитъ *народные обычаи.* Послѣ этого, наконецъ и я отваживаюсь представить свой опытъ *Руской Еортологіи*, въ коемъ излагается общій и частный обзоръ простонародныхъ праздниковъ съ обрядами и относящимися къ нимъ пѣснями. Сколько можно, мною обращено вниманіе на время и мѣсто, гдѣ и когда возникали и продолжаются сіи праздники. Самое происхожденіе, содержаніе и цѣль оныхъ рѣшительно отдѣляетъ ихъ отъ церковныхъ св. празднествъ.

Я не ограничивался извѣстными и доступными мнѣ источниками письменными (*). Какъ старинные обычаи живутъ болѣе въ народѣ, чѣмъ въ книгахъ: то я сбиралъ мѣстныя объ этомъ свѣдѣнія и живыя преданія посредствомъ переписки или путешествій по Россіи. Не могу умолчать искренней моей благодарности тѣмъ почтеннымъ особамъ, кои содѣйствовали мнѣ въ трудѣ моемъ совѣтами, указаніями и доставленіемъ матеріяловъ: Гг. Профессорамъ Ѳ. А. Голубинскому, П. М. Терновскому, И. И. Давыдову, М. П. Погодину, Ѳ. Л. Морошкину, С. П. Шевыреву, Г. Магистру М. С. Гастеву и достойнѣйшимъ сочленамъ по Обществу Исторіи и Др. Рос. А. Ѳ. Вельтману, Н. А. Полевому и Князю М. А. Оболенскому. Гг. Директоры Гимназій, Костромской Ю. Н. Бартеневъ и Тверской И. И. Лажечниковъ радушно сообщали мнѣ свѣдѣнія, собранныя ими по учебному округу чрезъ Гг. Смотрителей и Учителей. Профессоръ И. Н. Лобой-

(*) Жалѣю, что я не могъ пользоваться Ключемъ къ Карамзину, сост. П. М. Строевымъ, изданіями Археографической Експедиціи, новыми сочиненіями о Миѳологіи и Древностяхъ Гримма, Шеллинга и Шаффарика.

ко въ Вильнѣ, для меня отобравъ отъ своихъ студентовъ, урожденцевъ изъ малой, бѣлой, красной и черной Руси, записки о мѣстныхъ обычаяхъ и повѣрьяхъ, обогатилъ мое собраніе. Почтенный сочленъ по Обществу Исторіи и Древностей Росс., нашъ ревностный изыскатель отечественной старины, М. Я. Діевъ дополнялъ мои изслѣдованія своими наблюденіями въ Костромской, Ярославской и частію во Владимірской Губерніяхъ. Касательно Славянскихъ Древностей я пользовался совѣтами и матеріялами Гг. Ю. И. Венелина и І. М. Бодянскаго; а въ Литовскихъ и Польскихъ руководителями моими были Гг. В. Г. Анастасевичь и И. Н. Лобойко. Самъ постигая всю важность и обширность избраннаго мною предмета, объемлющаго внутреннюю жизнь Рускаго народа въ разныхъ ея епохахъ, нахожу, что онъ требуетъ бо́льшихъ и разнообразнѣйшихъ познаній и средствъ, постояннѣйшихъ наблюденій и изслѣдованій, нежели какія я имѣлъ. Чѣмъ далѣе иттти по этому поприщу, чѣмъ глубже вникать въ этотъ предметъ, повидимому, столь обыкновенный и знакомый, но по сущности многосложный и разносторонній, тѣмъ болѣе откроется новыхъ свѣдѣній и сообра-

жений, важныхъ для Исторіи, Филологіи и Философіи. Какъ во время печатанія книги попадались мнѣ неизвѣстные матеріалы: то въ нѣкоторыхъ мѣстахъ были неизбѣжными повтореніе и отступленія; въ чемъ я прошу извиненія у строгихъ требователей порядка.

Кажется, мой опытъ уже сдѣлается нелишнимъ, если послужитъ матеріаломъ для будущихъ изыскателей Руской Древности въ живыхъ ея источникахъ, кои время отъ времени изсякаютъ въ народѣ; а трудъ мой будетъ награжденъ, если вызоветъ новыхъ изслѣдователей (*) и если заслужитъ вниманіе благонамѣренныхъ соотечественниковъ, и тѣмъ самымъ поощритъ меня къ продолженію сего изданія, въ коемъ помѣстится самое описаніе простонародныхъ праздниковъ въ древнія и новыя времена.

И. Снегиревъ.

1837 г.
Февраля 3.

(*) Я готовъ съ благодарностію помѣщать въ слѣдующихъ книжкахъ дѣльныя замѣчанія благонамѣренныхъ наблюдателей для того, чтобы въ одномъ сочиненіи соединялось то, что къ нему относится.

Однимъ изъ сильнѣйшихъ средствъ къ сближенію людей и народовъ и однимъ изъ обильнѣйшихъ источниковъ къ познанію внѣшней и внутренней жизни каждаго народа служатъ его праздники съ относящимися къ нимъ суевѣрными обрядами, хороводами, пѣснями и играми. Вмѣстѣ съ первыми вѣрованіями возникши въ колыбели человѣчества, по откровенію самой природы, при образованіи перваго общества, они выражаютъ въ себѣ древній бытъ народа, климатъ той страны, гдѣ онъ жилъ, его понятія объ Астрономіи, Естествовѣдѣніи, Нравственности — его Вѣрованіе, Исторію и Поэзію. Какъ Вѣрованіе проникаетъ цѣлую жизнь народа: то и гражданскія постановленія и сѣмейные обычаи связуются тѣснѣйшимъ союзомъ съ его миѳами и повѣрьями, съ его преданіями и сказаніями, съ колыбельными пѣснями его младенчества, къ коему сердце невольно обращается во всѣхъ возрастахъ человѣка. Народные праздники торжественно и радостно обнаруживая нравственныя и религіозныя чувствованія, доставляютъ участникамъ въ оныхъ льготу и наслажденіе. Нигдѣ съ такою полно-

шой и свободою не раскрывается личность народная, какъ въ праздникахъ; нигдѣ столько, какъ въ нихъ, не сближаются люди душею и сердцемъ. Тамъ укрѣпляется старое и заводится новое знакомство, тамъ обмѣниваются мыслями и чувствованіями, тамъ частное дѣлается общимъ, прошедшее и будущее обращается въ сладостное настоящее: тамъ любимый *просторъ уму и разгулъ души.*

Большая часть праздниковъ народныхъ родилась въ древнемъ Язычествѣ, гдѣ съ богослужебными обрядами соединяемо было судопроизводство и промышленность; отъ сего гдѣ былъ торгъ, тамъ судъ и расправа. Имѣя тѣсную связь съ внѣшнею природой и съ внутреннею жизнію народа, праздники ведутъ свое начало отъ его глубокой Древности, входятъ въ составъ его Исторіи, живописуютъ его духъ и характеръ, намѣкаютъ на коренный бытъ и на основныя его идеи. Учрежденные по естественнымъ епохамъ года, они объясняются и освящаются миѳами народными, кои содержатъ въ себѣ повѣрья о божествѣ, человѣчествѣ и природѣ. Какъ поезія жизни народной, они сливаются съ сумволами и иносказаніями, пѣснію и пляскою — языкомъ души и сердца для всѣхъ понятнымъ.

Всѣ народы имѣютъ природную склонность выражать торжественно радость и печаль. Самъ Богъ учредилъ и освятилъ праздники въ народѣ Еврейскомъ для воспоминанія Своихъ къ нему благодѣяній, для возбужденія въ немъ благоговѣйныхъ чувствованій и для обвеселенія сердецъ въ дни покоя и свободы (1). »Первые праздники у Грековъ, говоритъ Аристотель, ознаменованы были радостію и благодареніемъ. По собраніи плодовъ земныхъ, народъ сходился въ избранныя мѣста для жертвоприношеній и для веселія, ощущаемаго имъ при изобиліи благъ земныхъ.« (2)

Хотя праздники у всѣхъ народовъ древняго и новаго міра имѣютъ общія начала, какъ бы прирожденныя человѣчеству; однако естественныя и нравственныя причины различія людей отличаютъ оные по цѣли и по выраженію: отъ сего происходитъ различіе въ праздникахъ у воинственныхъ и мирныхъ племенъ, у земледѣльческихъ и пастушескихъ, у дикихъ и просвѣщенныхъ, у языческихъ и Христіанскихъ, у жителей горъ и

---

(1) Dictionnaire historique, critique etc. de la Bible, par *A. Calmet*, t. III. à Toulouse, 1783. 8.

(2) *Aristot.* polit. 2, 7. — *Strabo* Geogr. IX. Wachsmuths Hellenische Alterthumskunde. T. I. Halle, 1826. 8.

долинъ, у восточныхъ и сѣверныхъ народовъ. Вмѣстѣ съ переселеніемъ и смѣшеніемъ племенъ переселяются и смѣшиваются съ другими ихъ повѣрья и обычаи; отъ сего въ Римскихъ праздникахъ находимъ слѣды Греческихъ, въ Славянскихъ вліяніе тѣхъ и другихъ, съ примѣсью Скандинавскихъ, Германскихъ, Финскихъ и Восточныхъ.

Болѣе или менѣе явственные останки Славяно-Рускаго богоученія въ Язычествѣ замѣтны въ повѣрьяхъ, обрядахъ и праздникахъ народныхъ, какіе сохранились преданіями и донынѣ существуютъ въ Россіи и въ тѣхъ странахъ Европы, гдѣ только прокладывало себѣ слѣдъ Славянское племя и гдѣ звучало его слово. Священныя торжества у етаго племени, подобно какъ и у другихъ сѣверныхъ народовъ, сопровождались мольбами, обѣтами и жертвоприношеніями, гаданіемъ, пѣніемъ и плясками, или играми, общественными пиршествами и взаимными дарами: онѣ служили къ утвержденію союза и братства, свойственнаго пастушескимъ и земледѣльческимъ племенамъ. Сіи дни общаго веселія, приурочиваясь къ временамъ *года*, бывали у нихъ днями судовъ народныхъ и торговъ, сроками работъ и полюбовныхъ сдѣлокъ. У Поляковъ gody

значитъ народный увеселительный праздникъ, пиршество, которое у другихъ Славянскихъ племенъ называется Swatki (Святки) и Lato. Руское слово *торжество* происходитъ отъ *торга*, сроднаго съ Свео-Готескимъ torg. Самое слово *праздникъ* выражаетъ упразднені е, свободу отъ буднишныхъ трудовъ, соединенную съ веселіемъ и радостью. *Праздникъ* есть свободное время, освященное богопочтеніемъ, *обрядъ* — знаменательное дѣйствіе, принятый способъ совершенія торжественныхъ дѣйствій; послѣдній содержится въ первомъ.

Рускіе народные праздники, по ближайшему отношенію къ миѳамъ и повѣрьямъ, къ внутренней Исторіи и Древностямъ народа, составляютъ часть Археологіи — *Еортологію* (ἑορτὴ праздникъ и λόγος ученіе), или ученіе о праздникахъ, входящихъ въ составъ народнаго календаря. Различествуя по цѣли и сущности своей отъ церковныхъ, хрістіанскихъ празднествъ, древніе праздники народа остались отъ древняго его быта, какъ отечественные обычаи, обратившіеся въ игру его жизни (3).

---

(3) Die Feste der alten Christen, von D. J. Augusti, I — IV. Leipzig. 1817. 8. — Religions de l'Antiquité,

Источникомъ простонародныхъ праздествъ и обрядовъ суть вѣрованія и обычаи, кои даютъ имъ особенную форму и характеръ сообразно съ мѣстностію. Отъ различія въ духѣ тѣхъ и другихъ происходитъ различіе въ самыхъ праздникахъ, какое видимъ въ Россіи, по количеству великой и малой, по качеству бѣлой, черной и красной. Древній лѣтописецъ изобразилъ намъ несходство нравовъ и обычаевъ у старожиловъ и заморскихъ пришлецовъ въ Рускомъ мірѣ (4), у которыхъ были свои вѣрованія и обряды, такъ какъ у племенъ, въ послѣдствіи населившихъ южную и сѣверовосточную Россію. Хотя у етихъ племенъ, и потомковъ и преемниковъ ихъ, открывается нѣкоторое сходство въ повѣрьяхъ и обычаяхъ; однако есть многія мѣстныя особенности, о коихъ гласитъ и пословица: *Что городъ, то норовъ; что деревня, то обычай; что подворье, то повѣрье.*

Съ перемѣною образа жизни и правленія, вѣры и нравовъ, перемѣнялись въ суще-

---

ouvrage du F. *Creuzer*, trad. par I. Guignaut, t. I—III. à Paris. 1825. 8. — Antisymbolik von *I. F. Voss*, Stuttg. 1824. 8.

(4) Лѣтопись Несторова по Лаврент. сп. М. 1824, въ 4.

ствѣ и видѣ своемъ, или совершенно уничтожались древніе миѳы и праздники въ Рускомъ мірѣ, замѣняясь священными, хрістіанскими, или обычаями благочестивыми, кои противоположны были языческимъ. Ревность пастырей Церкви истребляла капища и кумиры отечественныхъ боговъ, строго запрещая суевѣрія, кои называли они въ посланіяхъ своихъ *Еллинскими, Латинскими, бѣсовскими, дьявольскими* (5). О подробностяхъ языческой религіи умалчиваютъ благочестивые лѣтописцы наши, вѣроятно по тому, чтобъ самымъ напоминаніемъ не подать повода къ соблазну соотчичамъ, еще неутвердившимся въ православіи. Охуждая внѣшніе языческіе обычаи, обряды и повѣрья, какъ противные чистотѣ вѣры Хрістіанской, первые ея проповѣдники въ Россіи — Греки не говорили о чуждыхъ себѣ божествахъ, въ честь коихъ по привычкѣ совершались оные, и даже послѣ введенія Хрістіанской вѣры, еще удерживались въ народѣ древнія суевѣрія, съ коими онъ сроднился и не легко могъ отъ нихъ отстать; подъ видомъ обычной игры и потѣхи онъ уклонялся въ дремучія дубравы или въ клѣти совер-

(5) Antichità Romantiche d'Italia: sulle feste. Milano, 1829. 8.

шать тайкомъ завѣтные обряды. Въ двухвѣковое владычество Татаръ надъ Россіею священные уставы Церкви, по выраженію Царя Іоанна IV, *поизшатались*, и возобновились суевѣрные обряды, *поганскіе обычаи*, *игры*, *коби бѣсовскія*, *Радуницы*, *Русальи* объ Ивановѣ дни и *кудесы*, кои запрещаются Стоглавомъ и о коихъ въ послѣдствіи предложится объясненіе. Изъ лѣтописи видимъ, что Новгородцы 1358 г. „утвердились между собою крестнымъ цѣлованіемъ игранія бѣсовскаго не любити и бочекъ не бити (6).“ Кормчая, Номоканонъ, Стоглавъ, Духовный Регламентъ и пастырскія посланія Святителей Россійскихъ упоминаютъ о разныхъ повѣрьяхъ Язычества, кои изъ городовъ переселялись въ села и деревни, отъ высшаго сословія народа переходили къ низшему. Сколь ни вытѣснялись и ни искоренялись старые народные обычаи въ вѣкъ Петра I; однако они пробивались въ разныхъ мѣстахъ и при разныхъ случаяхъ. Что истреблялось въ одномъ мѣстѣ, то удерживалось въ другомъ. Нерѣдко отъ древняго языческаго богослуженія оставались въ народѣ однѣ принад-

---

(6) Софійскій временникъ, или Руская лѣтопись съ 862 по 1534 г. М. 2 ч. 1820. 4.

лежности онаго — игра, хороводъ, пѣсня, пиршество, заповѣдное дерево, камень, источникъ, городище, мѣста̀ прежнихъ *требищъ, тризнищъ, торжищъ*, или сборовъ праздничныхъ (7). Но какъ самородныя, коренныя мысли народа и признаки древняго его быта и вѣрованія открываются и въ етихъ немногихъ остаткахъ: то изъ нихъ мы постараемся вывести черты его Миѳологіи, какъ основанія праздниковъ народныхъ.

Дунайскіе Славяне, извѣстные Византійскому Историку Прокопію, VI вѣка по Р. Х., по свидѣтельству его, „признавали единымъ Богомъ и владыкою міра, Творца молніи; сверхъ того, почитали рѣки, нимфъ и другихъ духовъ (8).“ Но когда сіи Славяне разселились и раздробились по сѣверо-восточнымъ странамъ Европы: то и религіозныя понятія ихъ смѣшались съ понятіями тѣхъ народовъ, съ коими они сближались; отъ сего и различіе въ Миѳологіи Славянъ юго-западныхъ и сѣверо-восточныхъ, у которыхъ единство мысли о божествѣ, происшедшее отъ первобытнаго единства вѣрованія, распалось на части и образы.

---

(7) Примѣчанія на Исторію Леклерка, соч. *Болтина*. 2 ч. С.П. 1788. 4. (8) de bello gothico, III, 14. *Helmoldi* Chron. Slavorum, 1, c. 84.

Вѣроятно, что и религія заморскихъ пришлецевъ слилась съ религіею Финновъ и Славянъ; потому что тѣ и другіе находили сходство въ божествахъ своихъ. Скандинавскій *Фіоргунъ* (Fiörgyn), жизнодатель, нечуждымъ показался Славянскому *Перуну* (πῦρ огнь, piorun молнія), оплодотворяющему землю, а *Волосъ* послѣднихъ *Валассу* (Vali-áss, Val-ass) первыхъ, какъ божества, покровительствующія земледѣлію и скотоводству. Скандинавскій *Белъ*, или Балъ, божество огня и свѣта, сходное съ Азіатскимъ Баломъ, и *Торъ* громоносный, съ млатомъ въ рукѣ (Mjölner молнія?) перешли въ *Бѣлбога* и *Чернобога*, означающихъ двойственность Славянской религіи, отъ коей Германская различается своею тройственностію; Скандинавскій *Одинъ* или *Водинъ* вѣроятно преобразился въ *Водянаго* (9).

В. К. Владиміръ I въ язычествѣ своемъ, вмѣстѣ съ соединеніемъ разныхъ народцевъ, населявшихъ тогдашнюю Русь, соединилъ въ стольномъ градѣ своемъ Кіевѣ и семь ихъ главныхъ Божествъ, именно: *Перуна*, *Волоса*, *Даждъбога*, *Стрибога*, *Хорса*, *Семаргла* и *Мокоша*. Кумиръ первенствующаго изъ нихъ, Перуна, обо-

---

(9) Wassermann. Edda Saemund. t. III. Havniae, 1828. 4. Волосъ (Val-ass) состоитъ изъ словъ: *волъ*, туръ и *асъ*, *азъ* (Скандин. ás, áss) богъ.

жаемъ былъ и на Днѣпрѣ и на Волховѣ, первый низринутъ былъ по введеніи Христіанства (10). Въ Четьи Минеи Св. Димитрія описываются слѣдующія, поставленныя въ Кіевѣ Владиміромъ божества: „Начальнѣйшій *Перунъ*, его же вѣроваху быти бога грому и молніямъ и облакомъ дождевымъ; вторый *Волосъ*, мнимый быти богъ скотовъ; третій *Позвиздъ* или *Вихоръ*, богъ воздуха; четвертый *Ладо*, богъ веселія; пятый *Купало*, богъ плодовъ земныхъ; шестый *Коляда*, богъ празднованія, въ зимѣ бывающаго, и иніи меньшіи боги, не точію въ Кіевѣ, но и по всѣмъ Россійскія державы странамъ“ (11). Въ большой Макарьевской Минеѣ упоминаются только истребленные В. К. Владиміромъ идолы: *Перунъ*, *Хорсъ*, *Дажбъ*, *Мокошь*, *Волосъ*.

Подъ вліяніемъ Христіанства, народъ, забывая наконецъ своихъ главныхъ боговъ, припоминалъ только второстепенныхъ и особенно миѳы физическіе, кои имѣютъ предметомъ олицетворенныя явленія и силы естества, или символы житейскихъ потребностей,

---

(10) Краткое обозрѣніе Миѳологіи Славянъ Росс. *П. Строева*. М. 1815. 8. — Mythologie der alten Teutschen u. Slaven, von Dr. Tkany. 2 Tl. Znaim, 1827. 8.

(11) *Четьи Минеи*, Іюля 15, житіе В. К. Владиміра.

каковы: *Ярило, Купало, Ладъ, Чуръ, Авсень,* или *Таусень, Зничь, Веснянки, Осенянки* и *Зимнянки, Водяны,* или *Водяныя, Моряны, Огняны,* извѣстныя и Карпатороссамъ, *Вѣтряны*, также *Русалки* (12), *Кикиморы, Карачуны, Яга-баба* и *Вѣдьмы*. По мнѣнію народа, въ лѣсахъ владычествовалъ *Лѣшей*, въ поляхъ *Полевой*, въ домахъ *дѣдушка Домовой*, который бывалъ и *Постенемъ*, а въ подпольяхъ *Лизуномъ*. Всѣ сіи существа миѳическія болѣе или менѣе входятъ въ семейный бытъ простаго народа, содѣйствуютъ или противодѣйствуютъ ему въ жизни, ублажаются жертвами или изгоняются заклинаніями и особенными обрядами (13), изъ коихъ многіе недавно истребились. Только 1765 г. уничтоженъ Тихономъ I въ Воронежѣ, 1771 г. въ Костромѣ Симономъ, а въ Твери Меѳодіемъ 1805 г. праздникъ въ честь *Ярила*, нашего Ерота и Лингама (14), который, по словамъ Іерарха, въ тѣхъ странахъ почитаемъ былъ за

---

(12) По свидѣтельству Татищева, Св. Димитрій Рост. написалъ о *Русалкахъ* пространное сочиненіе, которое онъ у него самъ видѣлъ. И. Р. кн. I, г. 2.

(13) Опытъ повѣствованія о древностяхъ Руских, Г. *Успенскаго*, 2 ч. Харьковъ. 1818. въ 8.

(14) Описаніе жизни и подвиговъ Преосв. Тихона. изд. 2. М. 1820. 8.

бога до введенія Хрістіанской вѣры: Ярилу представлялъ избранный отъ міра человѣкъ, котораго, предъ заговѣньемъ Петрова поста, обвязывали всякими цвѣтами, лентами и колокольчиками, и надѣвъ на голову высокій колпакъ съ лентами, водили съ плясками по площади. Такое жъ почти празднество бывало въ селеніяхъ Рязанской и Тамбовской Губерній. — Хотя *Лады*, Нарушевичь не находитъ ни въ Литовской Миѳологіи, ни у Германскихъ Славянъ, но у однихъ Рускихъ, у которыхъ Ладо вспоминается въ слѣд. пословицѣ: *Не недобно и кладъ, коли у мужа съ женою ладъ* (15); однако въ екземплярѣ Кромеровой Исторіи, хранящемся въ Рижской публ. библіотекѣ, написано стариннымъ почеркомъ слѣдующее: „И въ „наше время Литовцы, равно какъ Летты „и Кури призываютъ Ледо или Ладо около „Иванова дня. Тогда, по старинному суевѣ„рію, украшаютъ они цвѣтами и древесными „листьями источники, и собираютъ травы, „кои почитаютъ полезными отъ всякой бо„лѣзни.“ Ладѣ у Карпато-Россовъ празднуется въ день Купалы. Нашъ *Ладъ* и *Ладо*, какъ

(15) Извѣстный припѣвъ: ай *дидо ладо*, не состоитъ ли изъ Греческаго слова *δέιδω дидо*, боюсь и *ладо*—мужа? что̀ подтверждается смысломъ пѣсни.

купа, сходны съ Римскими *Яномъ* и *Яною,* (Deiva Jana), богомъ солнца и богинею луны, воспѣваемыми въ Салiйскихъ пѣсняхъ. Хотя Карамзинъ и говоритъ, будто не извѣстно ни одной старинной пѣсни, гдѣ бы воспѣвалось имя *Купала* (16); но мы представимъ довольно такихъ пѣсенъ. *Купало* и *Купальница*, какъ увидимъ, извѣстны почти во всей Россiи.

Сколько въ Россiи есть урочищъ, запечатлѣнныхъ именемъ языческихъ боговъ и служащихъ мѣстомъ для игрищъ! *Перунъ* есть урочище въ Новгородской Губернiи въ Устюженскомъ уѣздѣ; *Перунина пустыня* въ Весьегонскомъ уѣздѣ на ручьѣ Задворевскомъ; *Поруново* или *Ладовичино* въ Ржевскомъ уѣздѣ; *Перуновъ* въ Полоцкомъ повѣтѣ; *Перунова рѣнь* въ Кiевѣ. Воспоминанiе о Волосѣ сохранилось въ *Волосовой улицѣ* или *Волосовѣ* въ Новгородѣ и въ суевѣрныхъ обрядахъ *Опахиванья,* или *Коровьей смерти.* *Туръ* часто повторяется въ названiяхъ рѣкъ, горъ, селенiй *Туровыхъ*, *Туровскихъ.* По Троицкой дорогѣ близъ Воздвиженскаго есть городецъ *Бѣлые боги,* нынѣ *Бѣльскiй станъ*, или *Бѣлухинская роща* (кортомá), гдѣ, по старому преданiю, на высокомъ холмѣ стояла дубрава

(16) *Карамз.* И. Г. Р. I. прим. 208. Сходство есть съ Лат. copula, союзъ, купа.

заповѣдная, а въ ней было капище. *Яриломъ* слыветъ ярмарка въ Оренбурской Г., а *Купальницею* — въ Переславлѣ Залѣсскомъ, гдѣ, подобно какъ въ Ростовѣ въ XII в., при Царѣ Василіѣ Шуйскомъ существовалъ камень (Волосъ вѣроятно), въ честь коего совершалось празднество 19 Іюня (16). Подобно древнимъ народамъ міра, у Славянъ огромные камни были предметами обожанія: слѣды сего донынѣ сохранились суевѣріемъ. Недалеко отъ Москвы близъ села Архангельскаго въ лѣсу находится яма, которую почитаютъ мѣстомъ идола *Тучева*, вѣроятно, аеролита, упавшаго изъ тучи. Въ описаніи древнихъ городовъ Рускихъ дальнихъ и ближнихъ упоминается *Корочюновъ камень* (17). Въ Тульской Губерніи въ Одоевскомъ у. у простолюдиновъ находятся въ великомъ уваженіи два большіе камня, *Башъ* и *Башиха*, подобно Черемисскому Чембулаткѣ; на Ладожскомъ озерѣ, на островѣ Коневцѣ лежитъ въ лѣсу *Конь камень*, коему въ XV вѣкѣ ежегодно приносили въ жертву коня (18), а въ Ефремовскомъ у. на берегу Красивой Мечи вокругъ *Коня камня* совершается

---

(16) рукоп. житіе Преп. Иринарха Ростовскаго.

(17) *Карамз.* И. Г. Р. IV, прим. 387.

(18) Исторія Росс. Іерархіи, ч. IV, М. 1812. стр. 627.

Опахиванье во время скотскаго падежа. Доселѣ еще не истребилось въ простомъ народѣ особенное почтеніе къ нѣкоторымъ колодезямъ или студенцамъ и озерамъ, коимъ, по свидѣтельству лѣтописей нашихъ, онъ приносилъ требы и тамъ совершалъ гаданія и омовенія, также древнимъ дупловатымъ деревьямъ, особенно дубамъ, кои и въ Сѣверной Германіи почитались священными даже по водвореніи Христіанства.

Вообще все, что сохранилось въ народѣ преданіемъ отъ древняго богоученія, болѣе и болѣе принимало форму простаго суевѣрія и теряя коренное свое значеніе, присоединялось къ христіанскимъ праздникамъ и обрядамъ въ видѣ стараго обычая и повѣрья; нерѣдко невѣжество и закоснѣлая привычка смѣшивали давно знакомыя имъ принадлежности языческихъ божествъ съ христіанскими святыми, съ торжествами церкви обряды капищь идольскихъ, на мѣстѣ коихъ, большею частію, сооружены первыя церкви или часовни, какія находятся въ Кіевѣ, Новгородѣ и т. д. Не возможно было искоренить однимъ разомъ то, съ чѣмъ свыклась душа и что поддерживало самобытность народа, который старался удержать празднества и повѣрья своей древности потому еще,

что они соединены были съ различными играми и увеселеніями. Константинъ Великій, уже по введеніи Христіанской вѣры въ Имперіи, не запретилъ продолжать древніе обычаи, въ постановленіи своемъ касательно оныхъ. В. К. Владиміръ I, уже просвѣщенный Евангеліемъ, допускалъ нѣкоторые обычаи старинные — *живяше по устроенію дѣдню и отчу* (19). Изъ снисхожденія къ закоснѣлымъ суевѣріямъ и простотѣ ума народа, проповѣдники Христіанской вѣры, желая ослабить языческія суевѣрія, терпѣли ихъ между самыми Христіанами (20), у которыхъ унижались оные превращеніемъ въ потѣхи и увеселенія; они переводили имена отечественныхъ боговъ народа на имена святыхъ, и чѣмъ прежде въ его быту завѣдывали первые, тѣмъ въ послѣдствіи стали завѣдывать другіе: отъ сего вѣроятно произошли прозванія святымъ, заимствованныя отъ стихій, климата, временъ года, отъ предметовъ домашняго быта и сельскихъ трудовъ, напр: *Борисъ* и *Глѣбъ*, въ Бѣлоруссіи черный и бѣлый хлѣбъ, по всей Россіи *Илья Пророкъ*, представитель грома, заступившій мѣсто

(19) Обозрѣніе книги Кормчей, объясн. *Барона Розенкампфа*. М. 1829. 8.

(20) Вѣстникъ Европы, 1826, No 4.

Перуна (21), Св. Іеремія *запрягальникъ*, Св. Θеодосія *колосяница*, Св. Агриппина *купальница* и т. д. Св. Власій замѣнилъ низверженнаго *Волоса*, бога скотія; о которомъ донынѣ напоминаетъ праздникъ *Велъ-оксъ*, отправляемый Мордвою, потомками Ростовской Мери; *Богданъ* замѣстилъ *Даждь-бога*. И наоборотъ, иногда Хрістіанскимъ святымъ невѣжество черни придавало видъ кумировъ своего Язычества: такъ Св. Крестителя Іоанна оно обратило въ К у п а л у, Св. Вита на островѣ Рюгенѣ, по свидѣтельству Гельмольда, въ С в ѣ т о в и д а на бѣломъ конѣ, или святаго витязя, котораго смѣшивали съ Св. Георгіемъ (22); даже св. иконы называли *богами* и св. церкви *божницами*. Помoряне, въ 1124 г., изъявляли желаніе покланяться и старымъ божкамъ своимъ и вмѣстѣ Іисусу Хрісту; въ старинныхъ пѣсняхъ Рускихъ Троица и Богородица воспѣвается вмѣстѣ съ Ладо. Потомъ, собственныя имена боговъ переходили въ нарицательныя, подобно какъ онѣ прежде изъ нарицательныхъ сдѣлались собственными, отличая предметы чувственные, ихъ дѣйствія и

---

(21) Руские въ своихъ пословицахъ. И. С. кн. 4, 1834. 12.

(22) Pommerische Kirchenchronik, d. D. Cramerum. zu alt. Stettin, an. 1603. 4.

свойства, напр: *Перунъ*, *Погода*, *Ладъ*, *Чуръ* и т. д. Возбужденное благоговѣніемъ къ Хр. вѣрѣ омерзѣніе къ древнему идолопоклонству превращало имена боговъ въ ругательства— *Тора* въ *чёрта*, въ Нѣмецкаго Thor болвана, дурака, сходнаго съ Черемисскимъ *чортомъ*, *Буга* или *Бука* въ пугалища, кумиры боговъ въ *болваны* и *чурбаны* (23), также самыхъ божичей, не упоминая ихъ настоящія имена, просто называли *бѣсами*.

Чествовать предметы своего благоговѣнія праздниками сродно человѣку, для котораго вѣрованіе заключаетъ въ себѣ протекшее и будущее, божество и міръ духовный, природу и его самого. Въ его праздникахъ выражаются его обѣты, надежды и воспоминаніе собственнаго прошедшаго, которое для него становится кумиромъ. Съ истребленіемъ внѣшняго идолослуженія при введеніи вѣры Христіанской въ Россію, понятія тогда преобладавшаго Язычества, внѣдрясь въ духъ и бытъ народа, проявлялись въ древнихъ праздникахъ его и повѣрьяхъ, даже Христіанскія торжества Церкви получали названія языческихъ, какъ напр: *Русальская недѣля*, *Купало*, *Ра-*

(23) У Исландцевъ Puki, у Шведовъ Puke, у Англичанъ Puck, встрѣчающійся у Шекспира.

душица. Но праздники церковные и народные по духу и цѣли своей различны, хотя суевѣріе и невѣжество примѣшиваютъ одни къ другимъ. Церковные праздники, кои свидѣтельствуютъ объ истинѣ событій, составляющихъ сущность Вѣры Христіанской, представляютъ разительную противоположность съ древними языческими, простонародными; ибо одни, какъ живые уроки объ истинахъ Евангельскихъ, введены Церковію для возбужденія въ насъ благоговѣнія и благодарности къ Богу (24), а другіе, созданные свободною фантазіей народа во тьмѣ Язычества, имѣютъ отношеніе и приложеніе къ древнему его быту, жизни, и какъ поэтическое выраженіе оныхъ. У первыхъ предметомъ духовность, у другихъ болѣе чувственность: одни возбуждаютъ благоговѣйныя и высокія ощущенія, а другіе обращаются въ веселіе и забаву, какимъ предается народъ по естественному влеченію поврежденнаго человѣчества и по укоренившейся привычкѣ. Хотя послѣдніе иногда совпадаютъ въ дни первыхъ; но мы будемъ разсматривать отдѣльно простонародные праздники Рускихъ Славянъ, какъ

(24) О великихъ Господскихъ и Богородичныхъ праздникахъ. Кіевъ. 1835. 12.

остатки языческихъ, отъ христіанскихъ торжествъ, подчиняя первые, сколько возможно, условіямъ времени и мѣста.

§ 1. Въ первомъ отношеніи они *древніе* и *новые*: одни образованные въ Язычествѣ и удержавшіеся въ Христіанствѣ до XVIII, а другіе съ XVIII вѣка до нашихъ временъ.

Не извѣстно, какъ Славяне жили въ дикомъ и грубомъ состояніи — сперва родами, потомъ и племенами; праздники ихъ климата и духа, вѣроятно начинаются вмѣстѣ съ удовлетвореніемъ главныхъ потребностей жизни, вытекаютъ изъ общежительства. Глубокая древность есть причина, что мы не знаемъ съ хронологическою точностію установленія религіозныхъ торжествъ, кои древнѣе житейскихъ; праздники, происходящіе отъ разныхъ занятій въ году, у Славянъ Рускихъ появились позднѣе, чѣмъ у Славянъ западныхъ; ибо въ Руской землѣ, по суровому климату и мѣстности, жили единообразно; начало ихъ праздниковъ съ вѣроятностію отнести можно не далѣе, какъ къ VII или VIII вѣку по Р. Х.

Праздники съ жертвоприношеніями были главною принадлежностью древняго богослуженія у Славянъ, такъ какъ у наро-

довъ древняго міра; жрецы, которые вѣдали лѣтосчисленіе и времена праздниковъ въ честь разныхъ божествъ, назначали метаніемъ жребія торжества и жертвоприношенія, на кои стекались мужи и жены съ дѣтьми (25). У народцевъ, населявшихъ Сѣверъ нашъ, въ самой Древности существовали *игрища межу селу*, на коихъ они брали себѣ женъ; и *Тризна* надъ мертвецемъ; отечественные писатели наши, упоминая о сходбищахъ на игрища, на плясанье, пѣніе, на борьбы и битвы дреколіемъ, кои бывали въ божественные праздники, умалчиваютъ о томъ, въ честь какихъ божествъ совершались сіи позорища. Съ точностію нельзя сказать, чтобы существовали на нашемъ Сѣверѣ храмы и капища боговъ и божницы, изъ коихъ упоминается въ лѣтописи одна *Турова божница* (26). Вѣроятнѣе, что мѣстами богослуженій были городищи, камни жертвенные, берега рѣкъ и озеръ, мосты, горы и дубравы священныя, кои у Германскихъ племенъ были также мѣстами суда и расправы, а жрецы ихъ судьями.

---

(25) *A. Crantz* Saxonia. Francof. 1611, f.

(26) *Карамз.* И. Г. Р. ч. I.

Въ приписанномъ В. К. Владиміру Уставѣ, впрочемъ важномъ для насъ по своей древности, упоминаются обряды и повѣрья Язычества, какъ-то: „о моленьѣ подъ овиномъ и рощею, „или у воды, чародѣяніи, волхвованіи" и т. д. Преп. Несторъ, близкій ко временамъ Язычества въ Россіи, свидѣтельствуетъ, что еще при немъ „схожахуся на игрища, и на „плясанье и на вся бѣсовская игрища. Видимъ „бо игрища утолоченна и людій много множе„ство, яко упихати начнутъ другъ друга, позо„рища дѣюще отъ бѣса замышленнаго дѣла." Сходное съ етимъ упоминается въ Кормчей кн. гл. 17. Рускій переводчикъ Св. Григорія Богослова въ XI вѣкѣ вставилъ отъ себя въ текстъ слѣдующее замѣчаніе, касающееся суевѣрій его отечества: „Овъ трѣбоу сотво„ри на стоуденьци дьжда искы отъ ніего, „забывъ яко Богъ съ небесе дьждъ даетъ. Овъ „несущимъ богомъ жретъ и Бога створь„шаго небо и землю раздражаетъ. Овъ рѣку „богиню нарицаетъ и звѣрь живущь въ ней „яко Бога нарицая, трѣбу творить" и т. д. (27). Въ Номоканонѣ, напечатанномъ во Львовѣ 1646 г., пишется слѣдующее: „О

---

(27) Библіографическіе листы *П. Кеппена*, С. П. 1825, No 7. стр. 88. 4.

„вѣрныхъ, послѣдующихъ Еллинскимъ обычаямъ и плясаніемъ на брацѣхъ, и на стогну „творящихъ, или русалкомъ, или гласовомъ „птичимъ вѣрующихъ, или новомѣсячію, или „усрѣтеніямъ, или испязаніемъ внимающыхъ, или огня паленія на стогнахъ, яже „творяху Еллини древле. А нынѣ яко же „видимъ хрістіанскія дѣти сія творятъ (ку„пала), въ навечерія праздничныя по нѣко„ему обычаю древнему: или въ одежду жен„скую мужіе облачатся и жены въ муже„скую: или наличники, яко же въ странахъ „Лапцнскихъ злѣ обыкши творятъ.“ Митрополітъ Рускій Кириллъ, въ XIII в., въ правилѣ своемъ замѣчаетъ: „Пакы же увѣдѣхомъ „бѣсовская еще дьржаще обычая преклятыхъ „Еллинъ, въ божественныя праздьники позоры „нѣкакы бѣсовскыя творити, съ свистаниемъ „и съ кличемъ и въплемъ съзывающе нѣкы „скарѣдныя пьяница, и бьющеся дрьколѣіемъ „до самыя смерти и възимающе отъ убивае„мыхъ порты. На укоризну се бываетъ Бо„жиимъ праздникомъ и на досажение Божи„имъ церквамъ. Паче о семъ досажаютъ на„шему Спасу и Заступу, иже насъ избави „ѿ проказы смерьтныя и ѿ туги дьяво„ля и ѿбъвеселивый сердца наша святыми „честьными праздьники“ и т. д. Изъ древ-

нихъ письменныхъ памятниковъ видно, что съ самаго принятія Христіанской вѣры по XVIII столѣтіе было много язычниковъ въ областяхъ Россіи и древнихъ суевѣрій, къ коимъ относится и встрѣча съ монахомъ, какъ предвѣстіе несчастія, обливаніе водою въ праздники и на свадьбахъ и волшебства, противъ коихъ возставали Іерархи Россійскіе. Даже въ XVII вѣкѣ Митрополитъ Бѣлогородскій и Обоянскій Мисаилъ въ грамотѣ своей въ Курскъ упоминаетъ, что тамъ „въ Воскресные, Господскіе и Богородичные „дни умножилось великое пьянство и бѣсовское „глумленіе и скоморошество со всякими бѣсов„скими играми: сходились по вечерамъ и во „всенощныхъ позорищахъ по улицамъ и на „поляхъ, слушать богомерзкихъ пѣсней и „всякихъ бѣсовскихъ игръ; а о Рождествѣ Хр. „и до Богоявленьяго дни сбиралися по вече„рамъ и въ нощи на бѣсовскія игры" и т. д. (29).

Какъ у Римлянъ гладіаторскія игры (ludi funebres), такъ у Славянъ *Тризна*, соотвѣтствующая Скиѳо-Гуннской Strava, Чехской Strowa, учреждены были въ память усопшихъ. „Уже поздно, говоритъ Тертулліанъ,

---

(29) Рускія достопамятности. ч. I. М. 1815. — Руская Вивліоѳика, *изд. Н. Полеваго.* ч. I. М. 1834. 8.

„игры перешли отъ чествованія боговъ и „усопшихъ къ чествованію живыхъ.“ Пиршество въ честь мертвыхъ, или *Страва*, по свидѣтельству Византійскихъ историковъ, было причиною великаго бѣдствія Славянъ въ VI вѣкѣ, тогда побитыхъ Греками (30). У Сѣверныхъ народовъ, по мнѣнію Вормія, de rebus Danicis, *Страва* было пиршество въ память и честь усопшихъ, на ихъ могилахъ; объ немъ упоминаетъ и Карлъ Великій въ Капитул. VI, с. 194. В. К. Ольга, въ Язычествѣ совершившая по своемъ мужѣ тризну, соединенную съ убійствами, въ Христіанствѣ своемъ, по сказанію нашихъ лѣтописателей, запретила сыну своему дѣлать въ память себѣ тризну по обычаю языческому (31). Какъ лѣтописи ясно говорятъ, что Кривичи, Сѣверяне, Вятичи и Радимичи, подобно Римлянамъ, сожигали мертвыхъ: то заведеніе это на Сѣверѣ, особливо въ Скандинавіи общее, пере-

---

(30) *Jornandes* de reb. Geticis, c. 49, de Attilla: Postquam talibus lamentis est defletus, *stravam* super tumulum ejus, quam appellant ipsi, ingenti commessatione concelebrant, et contraria invicem sibi copulantes, luctum funereum mixto gaudio explicabant, noctuque secreto cadaver ejus terrae reconditum.

(31) Dissertations sur les antiquités de Russie, par *M. Guthrie*, à S. P. 1795. 8.

несено Варяго - Руссами въ Россію, и недавно повторялось при борьбѣ Греціи съ Турціей: тогда Паргиноты, проданные Али-пашѣ, покидая свою родину, сожгли кости своихъ предковъ. Самое слово *Тризна*, сходное съ Богемскимъ trúzneni, умерщвленіе, *терзаніе*, объясняется въ Словарѣ Памвы Берынды поединкомъ, ширмѣрствомъ (32). Посему очевидно, что она сопровождалась единоборствами, убійствами и *терзаніями* себѣ лица и груди, на могилѣ покойника, какъ благоугодными тѣни его жертвами, и пиршествомъ, на коемъ поминались дѣла его съ похвалами. Къ тризнамъ отнести можно *Родительскія* (Parentalia, "Οσια) и наши *Радуницы*, о коихъ скажемъ подробнѣе въ своемъ мѣстѣ.

Во многихъ Германскихъ и Славянскихъ земляхъ доселѣ сохранились слѣды праздниковъ въ честь мертвыхъ: въ Саксоніи, Лаузицѣ, Богеміи, Силезіи и Польшѣ народъ хаживалъ 1го Марта, въ часъ разсвѣта, съ факелами на кладбища, и тамъ приносилъ жертвы усопшимъ. На кладбищахъ, кои въ Псковской и Тверской губерніяхъ называются *буя-*

---

(32) Лѣтописъ Несторова по Лаврент. сп. М. 1826. 4. Исторія Княжества Псковскаго, соч. *М. Евгенія.* Кіевъ. 1831. ч. I — 4. 12.

ми и буйвицами, доныне въ Святки дѣлаютъ гаданія. Празднованіе Семика приходилось въ тотъ самый день, когда, по древнему обычаю, погребали и поминали убогихъ на скудельницахъ, или убогихъ домахъ. Въ Троицкую субботу, какъ видно изъ Стоглава, „сходились мужи и жены на жальники, т. е. на „кладбища, и плакали на могилахъ съ великимъ кричаніемъ, и когда тамъ станутъ „играть скоморохи и гудошники: то они „перестанутъ плакать и начнутъ скакать, „плясать и въ ладоши бить на тѣхъ жальникахъ.“ Съ исключеніемъ послѣдняго, подобный обрядъ наблюдается и донынѣ въ Смоленской губерніи. Олай великій и другіе описываютъ старинные обряды предъ наступленіемъ великаго Поста въ мертвое воскресеніе (Todsonntag), изгнанія зимы, или смерти, кои встрѣчаются у Славянскихъ и Германскихъ племенъ, а въ Польшѣ извѣстенъ подъ именемъ *Маржаны.* Въ это же время Франки совершали подобное торжество въ память усопшихъ, соединенное съ мимическими представленіями и пѣснопѣніями.

Къ древнимъ праздникамъ Язычества принадлежатъ *Русаліи,* кои совершались на Русальной недѣлѣ, т. е. недѣлѣ Св. Отецъ.

Вальсамонъ называетъ сеитъ праздникъ *древнимъ*, *чужестраннымъ*, о коемъ упомянемъ особенно. При Длугошѣ въ XV. в. у Поляковъ повторялось въ Пятидесятницу языческое празднество *Стадо*, сходное съ Сибирскою и Московскою *Тюлпою*, или *Семикомъ* (33).

Иностранные путешественники въ Россію XVII вѣка описываютъ древній народный *праздникъ*, приходившійся въ *Петровъ день*; тогда жены и дѣвицы, дотолѣ сидѣвшія въ заперти до́ма, наряженныя выходили на луга и тамъ качались на качеляхъ и скакали на доскахъ, пѣли пѣсни въ веселыхъ хороводахъ съ рукоплесканіями (34). Въ Стоглавѣ упоминается о *наливкахъ*, на кои хаживалъ народъ въ первый понедѣльникъ Петрова поста. Торжество сіе вѣроятно совершалось въ честь Ярилы, который и нынѣ около сего времени воспоминается въ разныхъ губерніяхъ Россіи, особливо сѣверныхъ и южныхъ. Въ Тульской Г. на Петровъ день за часъ до разсвѣта крестьяне и крестьянки въ праздничныхъ нарядахъ сбираются на холмъ *караулить*

---

(33) *I. Dlugossi* historiae Polonicae libri XII, ed. G. Groddeckii. Lipsiae, 1711. f.

(34) Status et ritus ecclesiae graecae, graece descr. a *Chr. Angelo*, latine a G. *Fhelavio*. Francof. 1655, 12.

солнце (35), которое, по ихъ мнѣнію, согласному съ мнѣніемъ Исландцевъ (36), на своемъ восходѣ *играетъ*, такъ какъ и въ свѣтлое Воскресенье. Ладо воспѣвается въ *праздникъ солнца* и въ Семикъ, прообразующій въ себѣ символическій союзъ неба съ землею и плодотворную любовь между обоими полами.

Изъ явленій въ природѣ, столь ощутительныхъ для человѣка, повороты солнца, раздѣляющіе годъ на двѣ равныя части, были сильнымъ поводомъ къ учрежденію среди племенъ Славяно-Рускихъ праздниковъ *Коледы* и *Купалы*, сколь важныхъ своимъ отношеніемъ къ нуждамъ человѣка, столь же древнимъ и по своему происхожденію. Они не только существовали у Славянъ, но и у многихъ народовъ Европы и Азіи подъ разными только именами, имѣя символами своими въ одномъ воду, въ другомъ огонь. Въ нихъ замѣтно сродное человѣку стремленіе къ сближенію съ духовнымъ міромъ, и поклоненіе первенствующимъ стихіямъ міра, которое, вѣроятно, есть остатокъ Славянскаго богослуженія; ибо на сѣверѣ

(35) Путешествіе отъ Тріеста до С.-Петербурга В. *Броневскаго*. 2 ч. Москва. 1828. 8.

(36) Edda Saemundina, t. III.

Россіи доселѣ простой народъ величаетъ огонь и воду *Царемъ* и *Царицею.* Относящіеся къ тому и другому празднику миѳы болѣе физическіе, чѣмъ историческіе. Византійскіе историки упоминаютъ о принадлежностяхъ праздника Коледы (рожденіе непобѣдимаго Солнца, natalis Solis invicti, у Римлянъ), извѣстнаго у Скандинавовъ подъ именемъ Jol, у Англо-Саксовъ подъ именемъ Материнской ночи (Moedre-nicht) (37).

У земледѣльческихъ племенъ древнѣйшіе и важнѣйшіе праздники были послѣ жатвы, кои только одни упоминаются у Гомера въ Одиссеи и Иліадѣ (38). Какъ Славяне были земледѣльческимъ народомъ, который имѣя свою систему земледѣлія, сообщилъ оную и другимъ сосѣдственнымъ племенамъ: то они отправляли при началѣ и концѣ сельскихъ работъ разные праздники, коихъ слѣды и донынѣ сохраняются въ *дожинкахъ*, *обжинкахъ*, *засѣвкахъ*, *досѣвкахъ*, *толокахъ*.

Датчанинъ Саксонъ въ XII в. повѣствуетъ о праздникѣ, совершавшемся къ Арконѣ, по со-

---

(37) *Homeri* Il. I, 530. Od. XXI, 258.

(38) Edda rhythmica, s. antiquior, Saemundina, p. III. Havniae. 1828. 4. v. Lexicon mythol.

бранія хлѣба, въ честь Свѣтовида, которому приносился медовый пирогъ (пряникъ) въ ростъ человѣческій. Самый Бѣлъ - богъ, какъ виновникъ хорошей жатвы (39), назывался *богомъ мухъ* вѣроятно потому, что въ концѣ лѣта бываетъ множество мухъ. Славяне посвящая земледѣльческіе труды свои и плоды оныхъ разнымъ божествамъ, учреждали въ честь ихъ празднества, сходныя съ Іудейскимъ праздникомъ жатвъ первородныхъ. Обычай этотъ перенесли они въ свое Христіанство, и донынѣ во многихъ странахъ Россіи послѣ жатвы приносятъ въ церковь для освященія первые снопы и хлѣбъ изъ первыхъ зеренъ, а послѣ выемки сотовъ изъ ульевъ, первые соты меда. Родившіеся отъ нуждъ и отношеній общественныхъ праздники *житейскіе* на Югѣ и Сѣверѣ Россіи получали различную физіономію какъ отъ климата, почвы и давности занятія земли, такъ равно и отъ нравовъ и образа жизни жителей; чѣмъ дальше къ Сѣверу, тѣмъ ихъ было менѣе.

Какъ религіозные языческіе, такъ и житейскіе праздники, по своей внѣшности, внут-

---

(39) Въ Палестинѣ былъ идолъ Аккаронскій *Веелзевулъ* (Beelzebul), начальникъ надъ житницами, который отгонялъ мухъ и также почитался хранителемъ навоза. 4 *Царствъ*. I, 2. *Матѳ*. X, 25. *Луки* XI, 15.

ренности и знаменованію измѣнялись въ разныя епохи, въ кои они протекали, именно: въ *Языческую*, или дохрістіанскую, *Греческую* до Татаръ, въ *Восточно-Европейскую* отъ вліянія Татаръ, Литвы, Польши, и въ *Западно-Европейскую* отъ Петра I до нашихъ временъ.

Не останавливаясь болѣе здѣсь на Язычествѣ Славяно-Рускомъ, о коемъ выше сказано, перейдемъ къ Греческой Хрістіанской епохѣ, въ коей являлись слѣды онаго; тогда коренныя идеи у народа облекались въ разные новые образы и проникали чуждыя ему мысли: нерѣдко выходила *старая погудка на новый ладъ.*

Въ разныхъ областяхъ Россіи еще оставались древнія повѣрья и обряды долго послѣ введенія Вѣры Хрістіанской въ Кіевѣ и Новгородѣ.

При Несторѣ лѣтописцѣ, въ праздники церковные св. храмы стояли пусты и народъ сходился на игрища *дѣять позоры* и, по его выраженію: *Хрістіане суще, а жили по поганскимъ обычаямъ.* Являлись кудесники, или волхвы, какъ представители древняго Язычества, и нерѣдко возмущали простодушныхъ жителей Россіи, еще не твердыхъ въ Хрістіанствѣ, которые колебались между старымъ вѣрованіемъ и вновь принятою ими вѣрою, между заблужденіемъ и истиною. При Новгородскомъ Епіскопѣ Ѳеодорѣ весь народъ

принялъ сторону такого кудесника и хотѣлъ убить своего Архипастыря; на сторонѣжь Епископа остался одинъ съ боярами Князь Глѣбъ, который поразилъ топоромъ проповѣдника Язычества и тѣмъ кончилъ мятежъ (40). Въ XII вѣкѣ Св. Авраамій, сокрушившій чудесно кумиръ Велеса, или Волоса, крестилъ въ Ростовѣ многихъ язычниковъ тогда, какъ етотъ городъ былъ Владимірскою областью (41); въ XIII вѣкѣ Муромъ наполненъ былъ язычниками, какъ видно изъ житія Благовѣрнаго Князя Константина (42).

Въ ету епоху встрѣчаются языческія имена и прозвища, какія давались Христіанамъ, напр.: *Волосы*, *Водовики*, *Русалки* (43), двойственныя имена языческія и Христіанскія.

Когда Татары изневоливали Россію, когда ея Великіе Князья хаживали въ Орду съ выходомъ въ теченіе болѣе нежели двухъ вѣковъ; тогда свободнѣе продолжались различныя языческія суевѣрія между жителями разобщен-

---

(40) Софійскій Временникъ. I. стр. 167.

(41) *Карамз.* И. Г. Р. III, прим. 153.

(42) *Карамз.* И. Г. Р. II, прим. 463. Въ Прологѣ и Мінеѣ (Октября 29) сказано: въ XI вѣкѣ.

(43) Исторія Росс. Іерархіи. ч. 2, и Соф. Временникъ, 2 ч. М. 1820. 4. *Карамз.* И. Г. Р. III. пр. 331.

ныхъ областей Россіи, закоснѣвшими въ оныхъ. Хотя при Монголо-Татарахъ, съ XIV вѣка Магометанъ, самые Князья и вельможи Рускіе принуждены были проходить сквозь огонь, *покланяться кусту и идоламъ*; но какъ народъ гнушался *поганскими обычаями*: то они и не могли въ немъ укорениться. Если и было вліяніе Татаръ на Россію: то болѣе внѣшнее, чѣмъ внутреннее (44).

Хотя съ освобожденіемъ Россіи отъ Татарской неволи и съ постепеннымъ уничтоженіемъ Удѣльной системы истреблялись или измѣнялись древніе обычаи и повѣрья Язычества; однако при переселеніи жителей изъ Новгорода, Пскова и другихъ областей, переносились съ пепелищъ на новоселья, гнѣздясь то въ дремучихъ лѣсахъ, то на горахъ, то на погостахъ и жальникахъ, то на берегахъ рѣкъ и озеръ. — Послѣ родственнаго союза Іоанна III съ домомъ Палеологовъ, на Московщинѣ, какъ средоточіи Россіи, изъ Греціи и Рима перешли нѣкоторые тамошніе обычаи и преданія: тогда, по выраженію лѣтописца, *земля наша замѣшалася и ста-*

---

(44) Собраніе путешествій къ Татарамъ въ XIII, XIV и XV вѣкахъ. С. П. 1825. 4.

рые обычаи переставились (45). Но какъ *обычай*, по старой пословицѣ, *не клѣтка, не переставишь*: то многіе изъ нихъ оставались у простаго народа въ своей силѣ даже и тогда, когда между высшимъ сословіемъ замѣнялись новыми, иноземными.

Грамоты Новгородскихъ Архіепископовъ, Макарія въ Водскую пятину 1534 г. и Θеодосія 1548 г. и посланіе Игумена Памфила, 1505 г., въ Псковъ, свидѣтельствуютъ о существованіи тамъ языческихъ требищъ и обрядовъ (46). Въ Стоглавѣ упоминаются совершавшіяся дотолѣ *Русальи* объ Ивановѣ дни, сходбища въ навечеріе Рождества Христова и Богоявленія на нощное плещеваніе, безчинный говоръ, бѣсовскія пѣсни и пляски, кои оканчивались на утренней зарѣ омовеніемъ въ рѣкахъ, и *Кликаніе мертвыхъ* въ Великій Четвергъ, въ который утромъ жгли солому, *Оклички* въ первый день Пасхи, *Вьюнецъ* на Радоницы, *Наливки* въ понедѣльникъ Петрова поста. Тамъ же запрещается присутствіе кудесниковъ и ворожей при судебныхъ поединкахъ и скомороховъ на жальникахъ въ Троицкую субботу, въ которую тамъ на могилахъ за воплями и плачемъ слѣдовали скоморошскія игры съ

---

(45) *Карамз.* И. Г. Р. VI.

(46) Библіографическіе листы *П. Кеппена*, 1825, № 19.

пѣніемъ, плясками и рукоплесканіемъ и т. д. Но и самъ предсѣдатель Стоглаваго собора, Царь Іоаннъ Васильевичь, съ опричниками надѣвалъ на себя личины о Святкахъ и Масляницѣ (47). Въ Руских соборахъ XVI и XVII вѣковъ, въ грамотахъ, пастырскихъ посланіяхъ и житіяхъ Святыхъ въ Россіи упоминаются древнія языческія суевѣрія и обычаи, кои иногда входили въ составъ расколовъ и ересей, тогда возникавшихъ. — По сближеніи Россіи съ Европейскимъ Западомъ черезъ Литву и Польшу и по присоединеніи малой Россіи къ великой, перешли на Сѣверъ нашъ нѣкоторыя западныя суевѣрія и обычаи. Въ судебныхъ актахъ того времени часто встрѣчаются слѣдствія о *колдовствѣ* и *чародѣйствѣ*, составляющихъ также народное вѣрованіе, и о другихъ дѣйствіяхъ Магіи, коимъ вѣрили во всей Европѣ.

Въ 1684 г. Патріархъ Іоакимъ указомъ своимъ запретилъ бывшія на Москвѣ »скверная и бѣсовская дѣйства и игрища въ на»вечеріи Рождества Хрістова. Тогда — пи»шетъ онъ — ненаказанніи мужескаго полу »и женскаго собравься многимъ числомъ, отъ »старыхъ и молодыхъ, мужи съ женами и »дѣвки ходятъ по улицамъ и переулкамъ къ »бѣснованнымъ и бѣсовскимъ пѣснямъ, сло-

(47) *Карамз.* И. Г. Р. VIII.

»женнымъ ими, многія скверпословія присо»вокупляютъ, и плясаніе творятъ, на раз»женіе блудныхъ нечистотъ и прочихъ грѣхо»паденій, и преображающееся въ неподобная отъ »Бога созданія, образъ человѣческій премѣня»юще, бѣсовское и кумирское личатъ, косма»тые, и иными бѣсовскими ухищреньми со»дѣянные образы надѣвающе, плясаньми и »прочими ухищреньми православныхъ Хрісті»анъ прельщаютъ; такожъ и по Рождествѣ »Хрістовѣ во 12 днѣхъ до Крещенія Господа »нашего І. Хріста таковая жъ бѣсовская игра»лища и позорища содѣваютъ.« Такъ какъ Кормчая запрещаетъ *Хрістіаномъ играти и на позорища ходити:* то Патріархъ Адріанъ 1697 г. въ инструкціи своей старостамъ поповскимъ предписываетъ »не хоронить ни на »кладбищѣ, ни на убогомъ дому, а на полѣ »и въ лѣсу тѣхъ, которые играя утонутъ »или съ качели убьются.«

Въ епоху преобразованія Россіи Петромъ І личность народная сильно измѣнилась отъ вліянія Европейскаго образованія; многіе старые обычаи въ городахъ вытѣснились новыми, иноземными, или запрещались Царскими указами; самая одежда, жилища, образъ жизни испытали перемѣны, кои неохотно принимали не только простолюди-

ны, но и высшее сословіе народа. Изъ духовнаго Регламента, Розыска Св. Димитрія Туптала, проповѣдей и указовъ того времени видно, что въ теченіи 40 лѣтъ борьбы старины съ новизною не вездѣ и не совсѣмъ истребились прежнія суевѣрія Язычества, являясь въ разныхъ мѣстахъ Россіи, какъ-то: благоговѣніе къ старымъ деревьямъ въ лѣсахъ, олицетвореніе Пятницы и т. п. Самъ преобразователь иногда невольно обращался отъ чужеземныхъ забавъ къ Рускимъ потѣхамъ, давая *просторъ Рускому уму:* въ Святые вечера онъ съ любимцами своими святошничалъ переряженный, славилъ Христа по домамъ (48) и совершалъ другіе старинные обряды, вѣроятно, для того, чтобы сдѣлать оные смѣшными и етимъ средствомъ уничтожить. Указомъ 1722 г. Сентября 27, позволены »въ храмовые праздники при монастыряхъ и знатныхъ приходахъ, по совершеніи литургіи и крестнаго хожденія, *народныя забавы для народнаго полированія, а не для какого безобразія.*«

Святѣйшій Правительствующій Сунодъ 1721 Апр. 17 приказали объявить нарочно: »Понеже въ Правительствующемъ Духовномъ »Сунодѣ вѣдомо учинилось, что въ Россійскомъ

(48) Дѣянія Петра I. т. I—XX. см. Донесеніе Посошкова въ Руск. Достоп. М. 1815. 8.

»Государствѣ какъ въ городахъ, такъ и въ ве-
»сяхъ происходитъ отъ невѣждъ нѣкоторое
»непотребство, а именно, во всю Свѣтлую
»седмицу Пасхи, ежели кто не бываетъ у
»утрени, таковаго, аки бы штрафуя, обли-
»ваютъ водою и въ рѣкахъ и въ прудахъ ку-
»паютъ; и хотя сіе простый народъ дѣлаетъ
»себѣ будто за забаву праздничную, однако
»отъ той суетной забавы дѣется не токмо
»здравый, но и животу человѣческому тще-
»та; ибо онымъ отъ невѣждъ купаніемъ въ
»глубинахъ, иногда людей потопляютъ или
»разбиваютъ, а сонныхъ и хмѣльныхъ, внезап-
»нымъ обліяніемъ, ума лишаютъ; къ тому жъ
»будто бы воспоминаютъ *мерзкихъ идоловъ*,
»*въ нихъ же былъ нѣкій идолъ Купало, ему же*
»*на Великъ день приносили жертву онымъ ку-*
»*паніемъ; о чемъ пространно зрится въ лѣто-*
»*писцѣ Кіевскомъ.* Но понеже во оныя вре-
»мена Россійскій народъ еще не совершенно
»воспріялъ святую православную Вѣру и въ
»ней не крѣпко утвердился, а нынѣ уже ми-
»лосердіемъ Божіимъ оный во благочестіи сі-
»яетъ, а помянутаго обычая невѣжды оста-
»вить не могутъ: того ради оный богопро-
»тивный и животъ человѣческій вредящій
»обычай весьма истребить, и впредь того въ
»Россійскомъ Государствѣ отнюдь не было бъ.«

Послѣ Бироновскихъ ужасовъ, стѣснившихъ Рускую душу, Руские, въ царствованіе Елисаветы Петровны, стали свободнѣе дышать, какъ говорится: *жить припѣваючи.* Тогда народъ увидѣлъ самую Государыню, въ старинномъ Рускомъ платьѣ, услышалъ ея голосъ въ своихъ пѣсняхъ среди веселыхъ хороводовъ на игрищахъ; при самомъ Дворѣ бывали и святочныя игры и оперы Италіанскія и маскарады. Въ это время пробудилась народность въ своихъ праздникахъ и потѣхахъ, откликнулась въ пѣсняхъ и прибауткахъ, сказкахъ и загадкахъ: не боялись о Масляницѣ кататься, въ Святки ходить наряженные по улицамъ гурьбами, спрашивать имена у встрѣчныхъ и поперечныхъ, подслушивать подъ окнами, на перекресткахъ гадать, свободно носили по улицамъ въ городахъ и селахъ березку въ Семикъ съ пѣснями. Это продолжалось и при Екатеринѣ II, которая любила Рускія игры и одежды, сама сочиняла сказки въ Рускомъ вкусѣ, сбирала пословицы народныя и писала Исторію Рускаго Государства.

Съ открытіемъ Намѣстничествъ въ Россіи послѣдовала большая перемѣна какъ въ нравахъ и обычаяхъ народныхъ, такъ въ общественныхъ празднествахъ, потѣхахъ и играхъ, кои сдѣлались скромнѣе и пристойнѣе; постепен-

но оставляемы были буйства и безчинства, коими сопровождались оныя. Вдали отъ столицъ, въ разныхъ областяхъ Россіи старинные праздники и повѣрья Язычества сохранялись одни въ бо́льшей, другіе въ меньшей силѣ; дни оныхъ праздновались гуляньями или увеселеніями на прежнихъ мѣстахъ, нерѣдко самыя ихъ названія или преданы забвенію, или получили другое значеніе, отдаленное отъ древняго, до коего трудно и добраться. Наслѣдственныя преданія у народа нерѣдко согласуются съ лѣтописями, или дополняются ими, самыя игрища и гульбища своими названіями напоминаютъ о древнемъ бытѣ, подтверждаемомъ повѣрьями и обычаями, пѣснями и сказаніями, пословицами и сказками: изъ нихъ слагается, хотя и въ неясныхъ чертахъ, картина древняго вѣрованія народа, самородное произведеніе его почвы, совокупность его изконныхъ праздниковъ, а въ нихъ проявляется его духъ, его жизнь внутренняя. Преслѣдуя сіи остатки древняго вѣрованія и быта народа въ разныхъ епохахъ его жизни, видимъ, что языческія торжества сперва удерживались какъ отеческіе благоговѣйные обряды, а потомъ превратились въ игры и увеселенія, сдѣлавшіяся какою-то житейскою

необходимостью. Хотя древнее иногда уступало место новому; однако оно часто клало свою печать на последнее (49).

Къ новымъ праздникамъ относится *Первомайское гулянье* (Meye-tag), или *Нѣмецкіе станы* въ Москвѣ, которое, по преданію, заведено при Царѣ Алексіѣ Михайловичѣ Нѣмцами, имъ вызванными. Какъ у Европейскихъ народовъ прежде годъ начинался Маіемъ: то Вальпургіева ночь, на 1е Маія, и относящіяся къ ней суевѣрія остаются еще при перемѣнѣ времени года. Забавный обычай обманывать *перваго Апрѣля* перенесенъ на Русь Нѣмцами, которые въ 1700 г. сдѣлали изъ этаго первое представленіе въ Москвѣ. *Новый годъ* съ XV вѣка въ Россіи празднованъ съ Сентября по церковному чиноположенію, въ день Сумеона *лѣтопроводца*, въ который Государи Россійскіе назначали срокъ личнаго суда своимъ подданнымъ; съ 1700 г. новолѣтіе начинается Январемъ мѣсяцемъ, который Петръ I ознаменовалъ торжествомъ въ Европейскомъ вкусѣ съ невиданными дотолѣ на Руси церемоніями и обрядами. Вѣроятно, съ того времени старый Сентябрскій годъ прослылъ *бабьимъ лѣ-*

---

(49) *Карамз.* И. Г. Р. XI, прим. 68.

томъ (50), которое Г. Шишковъ правдоподобно производитъ отъ созвѣздія *Бабы* (семь звѣздъ, птичье гнѣздо, Плеяды), появляющагося съ половины Августа до половины Сентября (51). Но сіе названіе найдемъ у Нѣмцевъ, Поляковъ и Сербовъ. По примѣру Европейскихъ Государствъ, Петръ I давалъ всенародные праздники по случаю знаменитыхъ побѣдъ и заключенія мира, полезнаго или славнаго для отечества, завелъ ассамблеи; въ его царствованіе блистательны были праздники Князя Меншикова, такъ какъ при Екатеринѣ II Князя Потемкина. Кому не извѣстенъ достопамятный этнографическій маскерадъ, бывшій при Императрицѣ Аннѣ Ивановнѣ, рыцарскій карусель и другіе великолѣпнѣйшіе праздники при Екатеринѣ II, достойные особеннаго описанія (52); ибо въ нихъ выражается духъ того времени и память великихъ событій.

§ 3. Какъ сама природа имѣетъ свои праздники, на кои приглашаетъ человѣка; то и онъ, торжественно и благоговѣйно встрѣчая и провожая каждое время года, заимствуетъ

---

(50) Библіотека для чтенія, Январь, 1836.
(51) Но сіе созвѣздіе видимо во всю зиму. Сочиненія *А. Шишкова*, т. V, стр. 48.
(52) Haigold's Beylagen. II, 54.

отъ природы бѣлые или черные краски, радостные или унылые звуки, дѣлитъ съ нею веселье и горе; ощущая жизнь въ природѣ, самъ въ ней живетъ и все собою олицетворяетъ. Видимыя періодическія перемѣны въ природѣ, раздѣляющія продолженіе времени на равныя части, подали поводъ ознаменовать каждое время года сперва религіозными, потомъ житейскими праздниками, кои относятся къ земледѣльческимъ трудамъ и хозяйственнымъ занятіямъ; въ нихъ впадаютъ сроки и сдѣлки, торги и сходы мірскіе, какъ то: въ *Юрьевъ* и *Семенъ дни*, въ *Пятницы* и т. д.

Подобно Англо-Саксамъ, Славяне раздѣляли годъ свой на зиму и лѣто, или на зимнее и лѣтнее солнцестояніе, Коледу и Купало, коихъ сvмволами было колесо (коло), емблема солнечнаго поворота, а самые праздники на *зимніе* и *лѣтніе*, сообразно своему климату и мѣстности. У древнихъ Нѣмцевъ годъ раздѣлялся на три части: *зиму, весну и лѣто*; первая почиталась священнѣйшею порой, когда торжествовались главные праздники въ честь боговъ (53). При распространеніи Славяно-Рускихъ племенъ по черной, чермной и бѣлой, малой и великой Рос-

---

(53) Menzel's Geschichte der Deutschen bis auf die neuesten Tage. I Th. Stuttgart u. Tübingen. 1834. 8.

сіи, въ послѣдствіи праздники ихъ религіозные и житейскіе, съ умноженіемъ нуждъ и отношеній, съ развитіемъ ихъ народности и гражданственности, умножались и могли уже дѣлиться на *весенніе* и *лѣтніе, осенніе* и *зимніе*.

Съ красною весною празднуется союзъ (ладъ) двухъ началъ одушевленнаго человѣкомъ міра, который представляетъ небомъ и землею оба пола; растенія, животныя, люди суть плоды этого лада (54). Въ древности у Рускихъ *пролѣтіемъ* назывались три весенніе мѣсяца, съ коихъ начинаются обновленіе природы, новолѣтіе и праздники народные, какими встрѣчается весна при появленіи первой хлѣбной птицы, грача, и весенней пташки, жаворонка: по ихъ прилетанію народъ дѣлаетъ свои авгуріи объ урожаѣ хлѣба и печетъ изъ тѣста изображенія сихъ перелетныхъ пташекъ. Первый пролѣтній мѣсяцъ, или Березозолъ, Мартъ, коему самъ Богъ даровалъ первенство (55), у Славянскихъ и Скандинавскихъ племенъ, такъ какъ у Пер.

---

(54) Religions de l'Antiquité, par F. *Creuzer*, refondu et developpé par *J. D. Guignaut*. t. I, et 2 partie, à Paris. 1825. 8.

(55) Исхода XII, 18.

совъ, сопровождается разными торжествами и играми въ честь усопшихъ; Богемцы, отчасти Германцы этотъ день почитаютъ первымъ весеннимъ (56); въ Россіи у простолюдиновъ тогда празднуется *Авсень, Овсень*, или *Таусень*, который перенесенъ на новый годъ съ Января и заключаетъ въ себѣ другіе праздники, такъ какъ *Васильевы вечера*, или *Святки* предъ Январемъ и послѣ онаго (57). Но какъ, по различію климата, въ разныхъ полосахъ Россіи праздники сіи переходятъ въ разные дни мѣсяцевъ, кои посему имѣютъ названія народныя, кромѣ книжныхъ (58); то пастушескія и земледѣльческія празднества въ средней и сѣверной полосѣ Россіи начинаются позднѣе, чѣмъ въ южной, заимствуя отъ мѣстности и отъ нравовъ жителей особенное выраженіе. Такимъ образомъ собственно *красная весна* и *Красная горка*, начинающаяся *Закликаніемъ весны* и *Радуницею*, празд-

---

(56) Edda Saemundina, t. III.

(57) М. Н. Макаровъ полагаетъ, основываясь на преданіяхъ, что прежде преполовеніе Святокъ было въ день С. Василія, 28 Февраля, а потомъ перенесено къ 1 Января. см. *Дамскій Журналъ*, No 34, 1832 г.

(58) *Карамз.* И. Г. Р. V, прим. 254, подъ 1409 г.

нуется или въ *Ѳомипъ понедѣльникъ*, или въ Егорьевъ день, въ срокъ хозяйственныхъ условій и время выгона скота въ поле съ пѣснями объ охраненіи стадъ и съ ночными хожденіями: что̀ и донынѣ бываетъ около Буя, Солигалича и въ другихъ странахъ Россіи. Олицетворяя *Пятницу*, народъ особенно празднуетъ ей, въ *обѣтныя пятницы* не работаетъ, во *временныя* послѣ Пасхи по разнымъ мѣстамъ сбирается на ярмарки или торги, на кои, по преданію, вывозили изображеніе св. Параскевіи, обвѣшенное платками и лентами. Въ Духовномъ Регламентѣ замѣчено, что »въ малой »Россіи, въ полку Стародубскомъ, въ пяток »водятъ жонку простовласу, подъ именемъ »Пятницы, и водятъ въ ходѣ церковномъ и »при церкви честь оной отдаетъ народъ съ »дары и со упованіемъ нѣкія пользы.« Самыя часовни съ образомъ св. Параскевіи Пятницы, стоящія обыкновенно на перекресткахъ, слывутъ между простолюдьемъ *Пятницами*. Переходомъ отъ весеннихъ праздниковъ къ лѣтнимъ служитъ *Первомайское гулянье*.

Изъ лѣтнихъ праздниковъ извѣстны въ Россіи: *Семикъ*, или Тюльпа, *Ярило*, *Девятая пятница*, *Купало и Купальница*, *Русаліи*, о коихъ подробно скажемъ въ своемъ мѣстѣ.

Изъ осеннихъ: *Обжинки, Спожинки, овинные имянины, Бабье лѣто,* или *Семенъ день,* или *Лѣтопроводица, Аспосовъ* день, или *Госпожка* въ Минской Губерніи 8 Сент., *Осенины, Дмитріевская суббота,* соотвѣтствующая Дѣдинамъ и Задушному дню въ Литвѣ и Польшѣ (Dziady, Dzien zaduszny), а въ Костромской губ. называемая *вселенскою, поминальною, Юрьевъ день* или *Егорій осенній* и пр.

Къ зимнимъ относятся: *Каледа*, или *Святки,* извѣстныя у Карпатороссовъ и другихъ Славянскихъ племенъ, подъименемъ *Корочуна, Васильевъ вечеръ, Масляница* съ предшествующею ей *родительскою,* которая приходится въ Февралѣ, бывшемъ у Римлянъ послѣднимъ мѣсяцемъ года, когда у нихъ отправлялись Feralia и когда въ Германіи на сѣверѣ и югѣ и у Славянъ совершались пиршества и игрища, съ коими соединялось драматическое представленіе — *изгнаніе зимы,* или *смерти,* какъ бы предпразднество обновленія года съ наступленіемъ весны и символическое представленіе борьбы смерти съ жизнію въ природѣ (59). Какъ весна въ Малороссіи *встрѣчается закликаньемъ,* или *веснянкою,* сходною съ Грече-

---

(59) Edda Saemund. t. III. Lex. Mythol. *Карамз.* И. Г. Р. I. стр. 287 и пр.

скимъ *χελιδόνισμα*, такъ равно *провожается* весна и зима съ разными обрядами, особенно ношеніемъ соломенной куклы, одѣтой въ сарафанъ кумачный и въ кокошникъ, и украшенной лентами и цвѣтами: что донынѣ бываетъ въ Саратовской Губерніи не только при проводахъ весны и зимы, но и въ Госпожинки по уборкѣ хлѣба. Въ другихъ праздникахъ представляетъ главное дѣйствующее лице, вѣроятно, какое либо божество, избранный отъ міра человѣкъ, иногда юноша, иногда старикъ, иногда дѣвица, напр: въ Ярилу, въ Семикъ, въ Всесвятское заговѣнье водятъ избраннаго человѣка, украшеннаго цвѣтами и лентами; объ Масляницѣ возятъ на колесѣ, укрѣпленномъ на столбѣ, въ большихъ саняхъ наряженнаго мужика, который напоминаетъ собою древняго Крода, и т. д.

Кромѣ сихъ народныхъ праздниковъ, бываютъ въ теченіи четырехъ временъ года *братчины*, *ссыпчины*, *холки*, *посидѣлки*, *бесѣды*, *Никольщины*, *приходскіе праздники* и т. д., на кои сборомъ со всего міра готовится кушанье и варится пиво.

§ 4. По отношенію къ годовымъ временамъ и къ самымъ церковнымъ празднествамъ, въ кои впадаютъ народные праздники, одни

изъ нихъ предшествуютъ Пасхѣ; другіе послѣдуютъ за оною (60); одни изъ нихъ приходятся въ разныя числа мѣсяцевъ, то ранѣе, то позже, и называются *подвижными*; напр: *Радуница*, *Семикъ*; *Масляница*; а постоянно случающіеся въ одинакія числа мѣсяцевъ именуются *неподвижными*, какъ-то: *Семинъ день*, или *Бабье лѣто*, *Купало и Купальница*; *Святки*. Въ разныхъ полосахъ Россіи нѣкоторые изъ сихъ праздниковъ, особливо примѣненные къ годовымъ временамъ по климату, столь разнообразному, отправляются то ранѣе, то позднѣе, напр: *Авсень*, *Ярило*, *Красная горка*, *Госпожинки* и пр.

Нѣкоторые изъ праздниковъ и обрядовъ бываютъ *чрезвычайные*, или *обѣтные*, какіе отправляются по особеннымъ случаямъ, напр: во время мора, скотскаго падежа и другихъ напастей, какъ-то: *Пятницы*, *изгнаніе коровьей смерти* или *опахиванье* и пр.

Какъ народные, такъ и семейные праздники продолжаются обыкновенно три дни, а иногда и цѣлую недѣлю. Какъ у Скандинавовъ Іолійскія игры, такъ у Рускихъ Святки

---

(60) Руководство къ Пасхаліи соч. *А. Тяжелова*, изд. 2. М. 1830. 8.

продолжались двѣнадцать сутокъ (die zwölf Nächte), см. выше стр. 38.

Большая часть праздниковъ народныхъ отправляется днемъ, а нѣкоторые изъ нихъ ночью, какъ увидимъ въ частномъ описаніи оныхъ: одни изъ нихъ цѣлый день съ утра до̀ ночи, другіе послѣ полудня вечеромъ и даже ночью, особливо соединенные съ гаданіями. Въ Тверской и Новгородской Г. съ Петрова дни дѣвушки цѣлый мѣсяцъ гуляютъ по ночамъ. Навечерія и кануны нѣкоторыхъ праздниковъ церковныхъ посвящались простымъ народомъ на празднества и обряды языческаго происхожденія: что̀ самое подтверждается Номоканономъ, Стогдавомъ и Прологами. Такое навечеріе описывается въ Стоглавѣ слѣд. словами: »На канунѣ, на вечеріи »праздниковъ Рождества Христова, Богоявленія и Ивана Предтечи сходились мужи, »жены и дѣвицы на нощное плещованіе, без»чинный говоръ, на бѣсовскія пѣсни и скака»ніе до самаго разсвѣта до заутрень, когда »они, умывшись въ рѣкѣ водою, расходились »по домамъ.« Сходно съ Стоглавомъ свидѣтельствуетъ Кранцъ въ описаніи Саксоніи, въ XVII в., что »въ Галберштадтской деревнѣ Шолбекѣ на канунѣ Рождества Христова »ночью, на погостѣ Св. Магна, юноши и му-

»жи съ дѣвицами провожали всю ночь въ пьян»ствѣ и безчинныхъ пляскахъ, коими пре»рывали утреннее богослуженіе« (61).

§ 5. Естественно, народныя повѣрья и праздники должны дѣлиться на *отечественные* и *заимствованные* отъ чуждыхъ племенъ, съ коими сближались Славяне въ предъисторическія и историческія времена. Но весь объемъ тѣхъ и другихъ указать и съ точностію разграничить едва ли возможно, такъ какъ описать ихъ начало, измѣненіе, переходы, развитіе, распространеніе и заимствованіе; посему должно ограничиться только главными чертами.

Судя по степени образованности Рускихъ Славянъ, какъ намъ описываютъ ихъ западные и восточные историки, между ними возникли немногіе праздники, истекшіе изъ мѣстности, быта и духа, кои положили на оные свою печать. Сколь время ни изглаживало ее; однако оттиски ея проглядываютъ на почвѣ родной, какъ черты древней живописи изъ подъ новыхъ красокъ, на нее наложенныхъ.

У южныхъ Славянъ, жившихъ на щедрой землѣ и подъ яснымъ небомъ, на привольѣ лу-

(61) *A. Crantz* Saxonia. Francof. MDCXXI. p. 109—110.

говъ и лѣсовъ, могли скорѣе родиться праздники, чѣмъ у сѣверныхъ, у которыхъ была продолжительнѣйшая зима, обширныя болота и скудныя средства для житья-бытья. Когда стала развиваться жизнь народная въ обществахъ и городахъ у жителей Рускаго сѣвера и когда они вошли въ сношенія съ другими племенами: тогда у нихъ съ торгами появились праздники, кои носятъ на себѣ знаменіе любимыхъ ихъ занятій скотоводствомъ и земледѣліемъ, отпечатокъ качествъ ихъ климата, мѣстности и нравовъ. Какъ годовое время дѣлилось у нихъ на *зиму* и *лѣто*: то и весь кругъ ихъ трудовъ и религіозныхъ и житейскихъ празднествъ заключался зимнимъ и лѣтнимъ солнцестояніями, или *Коледою* и *Купалою*, о коихъ сказано выше. Въ этотъ кругъ внѣшней и внутренней ихъ жизни входили всѣ торжественныя проявленія народности и вѣрованія. Хотя въ Славянскомъ переводѣ Кормчей въ 62 пр. пропущены *Русаліи*, о коихъ упоминается въ Стоглавѣ; но Патріархъ Вальсамонъ и Дмитрій Хоматинъ въ толкованіяхъ на Кормчую приводятъ *Русаліи*, кои отъ нихъ вошли и въ Стоглавъ. Они называютъ сей праздникъ происходящимъ въ чужихъ земляхъ (*ἐν ταῖς ἔξω χώραις γενόμενα*). Такъ какъ Греки употребляли сіе выраженіе, говоря о странахъ *сѣверныхъ* въ отношеніи къ

себѣ, по замѣчанію одного изъ схоліастовъ на Basilica (62): то и относится оно къ Болгарскимъ Славянамъ, у коихъ существовали Русаліи, извѣстные и у Рускихъ Славянъ на югѣ: любимый свой цвѣтъ *красный* или *русый* клали они на близкіе къ нимъ предметы: на времена года, на стихіи, на страну, на горы, на лѣса и на жито, отсюда: *красная весна*, *красное лѣто*, *красное солнце*, *красная (червонная) Русь*, *красная горка*, *красный холмъ*, *красный лѣсъ*, *красный хлѣбъ* и т. д. Какъ *бѣлый* цвѣтъ былъ символомъ воды и воли, такъ *красный* — огня и войны, а *черный* — неволи и смерти. Кромѣ Русалій, праздника духовъ, коимъ присвоивались и свадьбы на водахъ, *тризна* принадлежала Славяноруссамъ и *родительскія*, совершавшіяся съ языческими обрядами. Поклоненіе *Перуну*, главному божеству Руссовъ, Поляковъ, Пруссовъ, Вендовъ, Чеховъ и Моравовъ, сопровождалось празднествами, такъ какъ служеніе богу скотоводства, *Волосу* и другимъ, болѣе или менѣе извѣстнымъ кумирамъ Славяно-рускаго міра. Особенное благоговѣніе

---

(62) Pandectae canonum Beveregii, can. LXII. Ea, quae dicuntur *Rusalia*, quae post sanctum Pascha ex mala consuetudine fiunt in externis regionibus. — Въ Потребникѣ, напеч. въ Москвѣ 1639 г. въ листъ, упоминаются между Еллинскими обычаями *Русаліи*.

къ силамъ міровымъ и планетнымъ огню и водѣ, какое видимъ въ *Купалѣ* и *Купальницѣ*, безъ сомнѣнія, есть остатокъ древняго Славянскаго богослуженія, общаго съ Восточными племенами и принесеннаго на югъ и сѣверъ Россіи изъ общей ихъ колыбели. По свидѣтельству Византійскихъ и отечественныхъ писателей, Славяно-руския племена чтили *рѣки* и *колодези*, или *кладенцы, студенцы* (63), поклонялись дубамъ, подобно Германцамъ, и приносили тѣмъ и другимъ жертвы, по коимъ дѣлали гаданія, кидали жребіи (64). На островѣ Рюгенѣ въ дремучемъ лѣсу находилось святое озеро *Студенецъ*, предъ коимъ благоговѣли Славяне. Слѣды этого благоговѣнія къ водѣ остались въ нѣкоторыхъ областяхъ Россіи: между прочимъ въ Буѣ, уѣздномъ городѣ Костромской Губерніи, доселѣ дѣвки въ великій Четвертокъ

---

(63) *Procopius* de bello Gothico, III, 14. — *Constantini* porphir. de administratione. 44. — Изслѣдованія, служащія къ объясненію древней Руской Исторіи, А. Х. *Лерберга*. С. П. 1819. 4.

(64) Имена рѣкъ, по замѣчанію Г. Глаголева, на сѣверѣ имѣютъ родъ и окончаніе одинакіе съ городами на *а* женск. р.; а на югѣ, т. е. въ областяхъ древнихъ Руских и вообще Славянскихъ (въ Новгор. области также) есть рѣки женскаго и мужескаго рода. см. Журналъ Д. М. вн. д. Январь, 1835.

кликаютъ весну и, ежели раскрылась вода, входятъ въ рѣку и, одна съ другою схватясь за руки, припѣваютъ: *весна, весна красна, приди весна, съ милостью, съ милостью, съ великою благостью!*

Особенное вниманіе заслуживаютъ обряды, совершаемые при свадьбахъ, погребеніяхъ, на сельскихъ праздникахъ и въ хороводныхъ играхъ. Многіе изъ нихъ столь древни, что напоминаютъ намъ объ изконномъ сродствѣ нашемъ съ Греками и Римлянами, или, по крайней мѣрѣ, объ одинакомъ съ ними происхожденіи изъ древняго уголка Азіи — разсадника всѣхъ Европейскихъ народовъ и всего земнаго населенія (65).

Если по сходству обычаевъ и языка одного народа съ другимъ можно заключать о сродствѣ оныхъ: то и о сродствѣ Славяно-Руссовъ съ Восточными, Германскими племенами, Греко-Римлянами и другими народами можно судить по сходству нѣкоторыхъ ихъ повѣрій, религіозныхъ обрядовъ и многихъ словъ въ языкахъ. Время и мѣсто такого сродства между сими народами скрываясь во мракѣ предъисторическихъ временъ, объясняются отчасти соображеніями, внѣшними и

(65) Журналъ Министерства вн. дѣлъ, С. П. 1835, Іюнь.

внутренними признаками: къ нимъ относится бытъ и духъ народа съ его повѣрьями, обычаями и праздниками, изъ коихъ обыкновенно заимствуетъ одинъ народъ у другаго болѣе сообразные съ мѣстностію своей и съ естественными и нравственными потребностями. Кромѣ сего, сходство можетъ быть въ symволахъ, почерпаемыхъ изъ одного общаго источника — природы, по врожденному человѣку побужденію. Поклоненіе первенствующимъ стихіямъ огню и водѣ, благоговѣніе къ рѣкамъ, напр: Бугу, Дунаю, Дону, прославляемымъ въ пѣсняхъ народныхъ, частыя омовенія и купанье, сожиганіе мертвыхъ, общи у жителей Востока съ Славяно-Руссами въ ихъ Язычествѣ. О перескакиваніи черезъ огонь для очищенія, о почтеніи къ священнымъ дубравамъ и горамъ упоминается въ Ветхомъ Завѣтѣ, какъ о памятникахъ древняго идолопоклонства, заимствованныхъ Евреями отъ Сvріянъ и Финикіанъ (66). Гебры и Парсы въ Остъиндіи исповѣдуя Сабеизмъ и признавая единство Бога подъ именемъ Yerd, почитаютъ солнце и огонь его сvмволами. У Халдеевъ небесное божество называлось Nebo, по Санскритски Nabo, Nibu, по Арабски nèba — наше *небо*.

(66) IV Царствъ, XVII. Archaeologia biblica, in epitomen redacta a *J. Jahn*. Viennae, 1814. 8.

въ богоученіи восточныхъ Индѣйцевъ встрѣчается Славянскій *Перунъ*, въ честь котораго совершается въ Январѣ, во время зимняго солнцестоянія, праздникъ *Перунъ - Понголъ*, или великій Понголъ, сопровождаемый гаданіями — *Угадами* (Ougahdy): оный продолжается три дня, въ кои приносятся жертвы землѣ и огню: первый день называется *радостью*, другой днемъ *солнца*, третій днемъ *быковъ и коровъ*. Представители огнепоклоненія у Персовъ именовались *Пирами* и *Магами*. Кто не узнáетъ въ Индѣйскомъ *Копалъ*, покаянникѣ, нашего *Купалу*? Самая обитель усопшихъ предковъ, темное мѣсто, Индра, у Индѣйцевъ именуется *Ямою* (Yama), священныя игры 1 Апрѣля — *Гулями* (Houli, Huli, Holaca), *гулючками*? и т. д. (67). Знатоки при дальнѣйшемъ изслѣдованіи Восточныхъ писателей и обычаевъ найдутъ болѣе сходнаго Восточныхъ съ Славяно-Рускими.

(67) Voyage aux Indes orientales et à la Chine, par *Sonnerat*. à Paris, 1807. t. I, p. 240. 8. — *Карамзина* И. Г. Р. т. VIII. — Moeurs, institutions et cérémonies des peuples de l'Inde, per *I. A. Dubois*, á Paris, 1825, t. I, 8. — Edda Saemundina, t. III. — Religions de l'Antiquité par *F. Creuzer*. t. I — III. — Ueber die Sprache u. Weisheit der Indier. Ein Beitrag zur Begründung der Alterthumskunde, von F. Schlegel. Heidelberg. 1805. 8.

По сходству Греческихъ миѳовъ и обрядовъ съ Индѣйскими многіе ученые заключали, что они вмѣстѣ съ Славянскими почерпнуты изъ одного источника въ предъисторическія времена. Послѣ переселенія народовъ, возобновилась связь Славянъ съ Греками — первые проникли въ самую Грецію и тамъ въ Пелопоннесѣ запечатлѣли слѣды свои въ наименованіи разныхъ урочищъ. Въ послѣдствіи войны, мирные и торговые договоры, путешествія Славяно-Руссовъ въ Грецію, наконецъ принятіе ими Христіанской вѣры отъ Грековъ, служили проводниками въ Рускій міръ Греческихъ обычаевъ, повѣрьевъ и рѣченій, изъ коихъ многія еще могли быть общими у Славянъ съ Греками въ тѣ предъисторическія времена, когда сіи народы, по всему вѣроятію, составляли одно племя: посему сходство въ словахъ и повѣрьяхъ того и другаго было не случайное, а существенное, основанное на происхожденіи сихъ племенъ древняго міра отъ одного корня. Какъ Византійцы называли язычниковъ *Еллинами* для отличія отъ правовѣрныхъ — Грековъ (68), а языческіе

---

(68) Antiquités grecques, trad. de l'Anglais de *Robinson*. 2 v. à Paris, 1822. 8.

обряды *Еллинскими*: то и Руские именовали свои древніе, дохрістіанскіе обычаи *Еллинскими.* Безъ сомнѣнія, отъ Грековъ заимствованы, кромѣ церковныхъ праздниковъ, и житейскіе, вмѣстѣ съ ихъ обычаями и уставами, кои больше дѣйствовали на высшія сословія народа, чѣмъ на простолюдиновъ, приверженныхъ къ древнимъ обычаямъ и повѣрьямъ своихъ предковъ. Гомеровскій епитетъ Ареса (Марса) θοῦρος ярый, столь сходный съ Арабскимъ тавромъ, съ Скандинавскимъ *Туромъ* и Етрускимъ Turan, находится и въ Игоревой пѣсни Буй-*Туръ*, такъ равно епитетъ Вулкана παλίγκοτος паки-гнѣвающійся, близокъ съ прозваніемъ С. Бориса въ Бѣлоруссіи, который слыветъ *паликотомъ* или *паликопомъ*, потому что, подобно древнему Вулкану, на нечтущихъ памяти его низводитъ перуны! Въ самомъ словѣ *Перунъ* отзывается Греческое πῦρ огнь. Наша *мать земля* близка съ Γῆ μήτηρ, или Δᾶ μάτηρ земля мать, или Церера, кормилица рода человѣческаго. Въ древностяхъ Еллинскихъ встрѣчаются сходныя съ Славянскими *родительскія* (Γενέσια, Ὅσια), *птицеволхвованіе* (οἰωνομαντεία), *литье воска въ воду* (κηρομαντεία), *гаданіе* или *колядованье* (κληδόνες, новогреч. κλήδονα), при коемъ и донынѣ кладутъ не только женщины,

но и мущины въ сосудъ перстень или монету, которую вынимали подъ пѣсни (69). У Грековъ также извѣстенъ былъ божескій судъ — испытаніе желѣзомъ (*μύδρος*) (70). Нашъ Семикъ имѣетъ сходство съ Адонисовымъ праздникомъ, при окончаніи коего Греки бросали въ море или рѣку вѣнки, цвѣты и древесные листья (71), или съ упоминаемымъ въ Θеодосіевомъ Уложеніи *Δενδροφορία* — ношеніемъ вѣтвей древесныхъ по городу въ честь одного божества; Руская игра *живъ, живъ* (*ζῆ, ἔζη?*) *курилка*, похожа на торжественное въ честь Прометея бѣганье со свѣточами (*λαμπαδοφορία, λαμπαδοῦχος ἀγών*) (72). Гнѣдичь объясняетъ праздникъ и пѣсни Колядны Греческимъ словомъ *χολάδες*, т. е. внутренности, кишки, по сходству съ Малороссійскимъ обычаемъ при коледованіи просить въ награду *кольцо колбасы* (73). У Гомера въ Иліадѣ

---

(69) *I. Sauberti* de sacrificiis veterum. Lugd. Bat. 1709. 12. Wachsmuth Hellen. Alterthumsk. II. 2.

(70) *Sophocl.* Antig. 264.

(71) Умозрительныя и опытныя основанія Словесности, въ IV част. сочин. Г. *Глаголева*. С. П. 1834. 8.

(72) Dissertations sur les antiquités de Russie, par M. *Guthrie*. à S. P. 1795. 8.

(73) Простонародныя пѣсни нынѣшнихъ Грековъ, изд. Н. *Гнѣдичемъ*. С. П. 1825. 8.

надъ трупомъ Гектора дѣлается *причитаніе* (*ἰάλεμος*), какія сохранились въ лѣтописяхъ нашихъ и какія употребительны у простолюдиновъ. Самое слово *игра* однородно съ Греческимъ *ὑγρὰ*, кои были хороводы при таинствахъ Цереры (74), даже нашъ *хороводъ*, или *короводъ*, у другихъ Славянскихъ племенъ извѣстный подъ именемъ *коло* (75), Еллинскаго происхожденія, отъ *χορὸς хоръ*, ликъ поющихъ и пляшущихъ, и *ἄγω веду*, какъ бы *посолонь*, или отъ *χοροβατέω* ступаю въ хорѣ; ибо собственно хороводъ прообразовалъ теченіе солнца. Многіе изъ праздниковъ Еллинскихъ, также какъ у Рускихъ, продолжались *три дня* (*τριημερία*); самое слово *сорокоустъ* есть позднее Греческое *Σαράκοντα* и *Σαράντα* сорокъ дней. Ф. Грефъ доказываетъ изъ Иліады VII п. ст. 171, что нашъ простой народъ также метаетъ жребіи, какъ метали Греки на поляхъ Троянскихъ (76).

---

(74) *P. Köppen's* die dreygest. Hekate. Wien, 1823. 8. *Horat.* IV, od. 7: choros ducere вести хоры, лики.

(75) Впрочемъ можно производить и отъ *коло*: тогда выдетъ *колободъ*, выражая также понятіе круга, какъ и на Греческомъ.

(76) Antiquitatis Graecae et Romanae loca quaedam e Rossorum lingua et usibus illustrata, auct. F. *Graefio*. part. I. Petropoli. 1827. см. Библіогр. листы, 1825. No 22.

Нынѣшніе Греки удержали у себя многіе обычаи и повѣрья древнихъ предковъ своихъ: у нихъ есть родники, *криницы* (*κρῆναι*), почитаемыя священными, такъ какъ у насъ, куда они приносятъ больныхъ для исцѣленія (77). *Перваго Мая* (*Πρωτομαΐα*) у нихъ двери всѣхъ домовъ, какъ у насъ въ Семикъ, украшаются цвѣтами и вѣтвями древесными и вся Греція встрѣчаетъ начало лѣта увеселеніями народными. Грекамъ, вѣроятно, Славяне Руcкіе подражали въ замѣненіи боговъ Язычества Святыми Христіанства. Какъ все прекрасное и благое происходитъ отъ Бога чрезъ посредство Ангеловъ и Святыхъ, которые у Грековъ заступили мѣсто полубоговъ и геніевъ: посему у нихъ также Сорокъ Мучениковъ приводятъ весну и соловьевъ, С. Николай Чудотворецъ утишаетъ бури, а С. Георгій, весьма уважаемый самыми Турками, покровительствуетъ земледѣлію и скотоводству, и тамъ его днемъ торжественно открывается годъ пастушескій и празднуется семейнымъ пиршествомъ, на коемъ съѣдаютъ первенца стадъ (78).

---

(77) Вѣстникъ Европы, 1821, No 14.

(78) Voyage dans la Grèce par *F. C. Pouqueville*, à Paris, 1820. 5 v. 8.

Отъ древняго сродства, въ предъисторическія времена, Славянъ съ Римлянами, которые сами хвалились происхожденіемъ своимъ отъ Венетовъ, Славянскаго племени, потомъ отъ сосѣдства Латинскихъ колоній съ Славянскими народами по Дунаю и наконецъ, отъ вліянія Греко-Римлянъ въ средніе вѣка на Россію, вошло въ Рускій міръ много повѣрій и обычаевъ, а въ языкъ много словъ Римскихъ. Древній Римскій языкъ, по мнѣнію Арндта и Г. Мейдингера, ближе съ Славянскимъ, чѣмъ съ Нѣмецкимъ (79). Сколько Римскаго доселѣ осталось въ общихъ чертахъ Рускаго народа, въ его быту, въ законахъ, въ календарѣ и т. п.! Выше замѣтили мы о сходствѣ нѣкоторыхъ народныхъ суевѣрій и религіозныхъ обрядовъ у Римлянъ съ Славяно-Руссами, къ которымъ могли перейти оные посредствомъ Нѣмцевъ и Литовцевъ. Геній хранитель, *постѣнь*, (incubus, succubus, *ἐφιάλτης*), *домовой* (domiducus, ca), *родительскія* (parentalia), *девятины* (novemdialia) и пр., возводятъ насъ къ религіямъ Пеласгійскимъ, столь сходнымъ съ древне-Италійскими. Если ближе сличить происхожденіе и знаменованіе нѣкоторыхъ боговъ Римскихъ: то они, мо-

(79) E. v. Arndt über den Urspr. u. die Verwandschaft der europ. Spr. Frkf. 1827. 8. — H. Meidinger die deutschen Volksstämme. Frkf. am M. 1833. 8.

жетъ статься, найдутся нечужими Славянскимъ. Скандинавская Freya, вѣроятно, родственница съ Римскою Frutis-Seja, или Seiana, и Славянскою *Сѣваною*, происходящею отъ *сѣянія*, какъ Vertumnus богъ садовъ и плодовъ отъ *верта*, сада (80). Древнія Рускія слова́ *дивъ* и *дива* близки съ Латинскими divus, diva, или съ упоминаемыми въ Салійскихъ пѣсняхъ Deivos sanos и Deiva sana, божествъ солнца и луны, сходныхъ съ нашими *Ладо* и *Ладою*. см. стр. 14. Неопредѣленность пола божествъ ясно выражается въ самыхъ молитвахъ Квиритовъ: sive deus, sive dea (81). Благоговѣніе къ аэролитамъ и камнямъ одинакое почти было у Славянъ Русскихъ съ Римлянами и Греками, которые имѣли у себя ombria, lapides sacri, baetyli, *κεραυνίας* и Jupiter lapis, которымъ они клялись.

У Латинъ хожденія вокругъ полей предъ посѣвомъ и послѣ посѣва Ambarvalia, Sementinae похожи на подобные Рускіе обряды, кои и донынѣ существуютъ между простымъ народомъ. Упомянутые въ Стоглавѣ *гудцы* и *прегудницы*, игравшіе со скоморохами на моги-

(80) Edda Saemundina, t. III. L. M. — Die Etrusker, IV B. von H. O. Müller. Breslau, 1828. 8.

(81) Religions de l'antiquité par *F. Creuzer*, trad. par D. J. *Guigniant*. t. II, 1 p. à Paris, 1829. 8.

лахъ покойниковъ, близки съ Латинскими tibicines и fidicines, а *плакуши* съ praeficae. Подобно древнимъ Римлянамъ, народцы, населявшіе Русь, сожигали своихъ умершихъ для того, чтобы тлѣнные остатки сохранить отъ поруганія и душу очистить отъ скверны плоти. У Рускихъ и донынѣ, по Уставу церковному, бросаютъ землю на мертваго, какъ бывало у жителей Лацiйскихъ (82), по совершеніи же похоронныхъ обрядовъ, даютъ обѣдъ въ память усопшихъ — Латинскій silicernium, charistia. Какъ у Римлянъ дѣлались возліянія (libationes, manibus parentabatur) на жертвенникъ, сооруженный предъ гробницею (83), такъ доселѣ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Россіи, напр. въ Галичѣ, въ родительскія, третины, девятины и сорочины льютъ панихиду (канунъ) на могилы покойниковъ. Изъ Луціана и Ювенала видимъ, что Греки и Римляне клали на гробницы яицы, какъ очистительныя жертвы: что̀ донынѣ наблюдается въ Радуницу между простымъ народомъ въ Россіи. Упоминаемыя въ Кормчей *Каланды Январскія*, неизвѣстныя Елли-

(82) *Ciceronis* de legibus, (ed. Goerenz, Lipsiae, 1809. 8.) c. 22: in os injecta gleba est. См. о двусмысліи сло̀ва os к о с т ь и *лице*, Гёренцовъ екскурсъ: de gleba post crematum corpus, ad complendam sepulturam, in os mortui injecta.

(83) *J. Sauberti* de sacrificiis veterum. Lugd. Bat. 1709. 12.

намъ, во многомъ сходны съ играми святочными, такъ какъ и старинныя слова *скураты* и *ларвы*, или личины, хари, встрѣчающіяся въ отеческихъ книгахъ, въ свойствѣ съ Латинскими scurra и larva; даже въ Номоканонѣ Аѳонской горы, напеч. въ Кіевѣ 1624 г. говорится, что „ныне »въ одежду женскую мужіе облачатся, и жены »въ мужескую, или наличники, якоже въ стра»нахъ *Латинскихъ* (Хрістіанъ Запад. Церкви) злѣ »обыкоша, творятъ.« Впрочемъ можетъ быть и то, какъ замѣчаетъ Р. Тимковскій, что »наряды въ маски и разныя странныя одѣянія, какія и теперь бываютъ во время Масляницы, заранѣе перешли къ предкамъ нашимъ отъ Скандинавовъ и Грековъ (84).“ Римляне во время *Палилій*, праздника основанія Рима, какъ у насъ въ Купалу, *палили* сухое дерево и хворостъ, и черезъ сноп огонь проворно перескакивали. Канне въ Миѳологіи своей вмѣстѣ съ издателями Edda Saemundina находитъ очевидное сходство Латинской *Палесы* Pales съ Азіатскимъ Bal, Baal, Скандинавскимъ Bål огнь, пламя, и Рускимъ *палити* жечь и *палило*. *Паліемъ* въ Малороссіи прозывается Св. Пантелеймонъ потому, что онъ *палитъ* копны сѣна и скирды хлѣба у тѣхъ, кто работаетъ въ его праздникъ. ср. стр. 61.

---

(84) Рускія достопамятности, ч. I, М. 1815. 8.

Въ Маѣ мѣсяцѣ совершался въ Римѣ при Остіи праздникъ (Maiuma), во время коего мущины обливали другъ друга водою (85), какъ бывало на Руси во время всей Свѣтлой седмицы, см. выше стр. 40. Въ Римѣ, въ идахъ Мая, торжественно кидали съ священнаго моста въ Тибръ XXX тростниковыхъ болвановъ (simulacra scirpea): Нѣмецкіе Славяне и жители нѣкоторыхъ областей Россіи доселѣ бросаютъ въ рѣки съ различными обрядами соломенныя чучелы весной и лѣтомъ. Какъ у Римлянъ, такъ и у Рускихъ, Май мѣсяцъ почитался неблагопріятнымъ для супружествъ; у первыхъ была пословица: Mense Maio nubunt mali, сходная съ примѣтою послѣднихъ: *Кто въ Маѣ женится, тотъ будетъ маяться* и съ Французскою: Noces de Mai, noces mortelles (86). Въ свадебныхъ обрядахъ Римлянъ и Рускихъ находится много сходнаго: самое слово *свадьба*, стар. *сватба*, одного корня съ Латинскимъ suada, т. е. привлекательная, прозваніе Венеры, такъ равно и свадебный *коровай* съ Латинскимъ древнимъ обрядомъ бракосочетанія confarreatio, при коемъ, по свидѣтельству Т.

(85) J. *Sauberti* de sacrificiis veterum. Lugd. Bat. 1709, 12. — Вѣстникъ Европы, 1811, No 20.

(86) *Ovidii* Fast. V. v. 489, 90. Hac quoque de causa, si te proverbia tangunt, Mense malas Maio nubere vulgus ait.

Варрона, въ древности у Римлянъ на порогѣ ставились огонь и вода — первый знаменовалъ мужа, а вторая — жену: ибо огонь оплодотворяетъ, а вода производитъ.

Кто не узнаетъ въ приводимомъ церковными книгами *ворониграѣ*, *птицеволхвованіи* и въ сохранившихся доселѣ между простымъ народомъ гаданіяхъ по клеванію, пѣнію и полету птицъ Етруско-Римскія auguria и auspicia? Сколько было примѣтъ у нихъ сходныхъ съ нашими! Чиханіе (sternutatio), при коемъ они говорили, также какъ и мы, *здравствуй* (salve) (87), *звонъ въ ушахъ* (tinnitus aurium) (88), *чесотка зубовъ* (pruritus dentium) (89), *просыпаніе соли* на столѣ и т. д.

У Римлянъ, вѣрившихъ также *призору очесъ* или *изурочиванью*, было и божество Fascinus, предохранявшее отъ етаго и младенцевъ (custos infantium); они оговари-

---

(87) *Ovidii* ep. ad H. L. v. 151. Sternuit, et vobis prospera signa dedit. Въ харат. спискахъ Нестора о современныхъ ему суевѣріяхъ находится слѣд: „Нарицающеся хрестьяне, а погански живуще — другіи же и зачиханью вѣруютъ, еже бываетъ на здравіе главѣ.“ *Карамз.* И. Г. Р. т. II, прим. 113.

(88) *Plinii* H. N. 28, 2, 5. Absentes tinnitu aurium praesentire sermones.

(89) *Plauti* Amph. I. 1, 139. Perii! dentes pruriunt. *Theocr.* Id. III, v. 37.

вались и оплевывались, когда кто хвалилъ ихъ дородство или красоту, какъ видно изъ слѣдующихъ словъ Петронія sat. p. 805: Hoc peracto carmine, me expuere jussit. У нихъ были, также какъ у насъ, *черные* или *злые дни* (dies atri), въ кои они ничего не начинали. Мѣстами жертвоприношеній и совершенія другихъ св. обрядовъ, подобно Славянамъ и Нѣмцамъ, были у Римлянъ священныя дубравы (luci) и источники (fontes); ибо, по словамъ Липсія, древнее существовало повѣрье, что „источники и рѣки почитались меньшими богами и геніями.“ Это сходно съ словами, включенными въ Слав. рукопись XI в., о коей выше приведено: „Овъ рѣку „богиню нарицаетъ и звѣрь живущь въ ней яко „бога нарицая, требу творитъ.“ Римляне также приносили богамъ своимъ цвѣты, ладанъ (90), свѣчи (91), медъ, кромѣ обыкновенныхъ жертвъ живοтными, дѣлали изъ металловъ по обѣщанію привѣски изображеній больныхъ частей тѣла (e voto), очищали люстральною водою людей, оскверненныхъ преступленіями, поля, домы и города (lustratio ordinaria et extraordinaria) (92). „Весну, по свидѣтельству I.

(90) Thurea dona. *Virgil.* Aen. VI, v, 223.
(91) *Senecae* ep. 95.
(92) *Virgil.* Aen. VI, v. 229. *Plutarch.* Quaest. IV. Cic.

Лаврентія Лудійскаго, называли они *зеленою*, присвоивая сей цвѣтъ землѣ, а лѣто *краснымъ*, посвящая красный цвѣтъ огню и Марсу (93).“ Праздники у Римлянъ продолжались, по большей части, три дни, такъ какъ у Рускихъ (94).

Западные писатели о Славянской Миѳологіи, по нелѣпому обычаю Грековъ и Римлянъ, часто сравнивали Славянскія божества съ Римскими, составили новыя, небывалыя (95).

Выше замѣтили мы о сходствѣ Славянской Миѳологіи во многихъ чертахъ съ Скандинавскою, нашли въ ней *Перуна, Волоса* своего, и другіе миѳы; тоже сходство найдется и во многихъ обрядахъ и праздникахъ народныхъ. Скандинавы, или Варяги, раздѣляли также годъ на два равноденствія, кои знаменовались праздниками — зимнее Іольскимъ (Iuul, Joel), который отправлялся въ Норвегіи болѣе въ честь Тора, а въ Даніи посвящался Одину для испрошенія благословенной жатвы и скораго возвращенія солнца: оный соотвѣтствуетъ нашимъ Святкамъ, кои у Датчанъ

(93) J. *Laurentii Lydi* de mensibus. Lipsiae, 1794. 8.

(94) Ferias indicere in triduum. *Liv.* III, 5. *Cic.* de legg. II, 2.

(95) Моск. Вѣстникъ, 1828, No 2.

называются Iuul; онѣ прежде сопровождались переряживаніемъ (96) людей въ козловъ, лошадей и быковъ. Извѣстный въ святошныхъ играхъ *суженой ряженой* почти одинакую роль играетъ съ Скандинавскимъ Julevetten, который внезапно является въ домы. При Византійскомъ дворѣ Варанги (Варяги) и Готоы, составлявшіе Царскую дружину, по свидѣтельству Константина порфир. и Кодина (97), объ Рождествѣ Хрістовѣ являлись въ личинахъ и шубахъ, вывороченныхъ на изнанку, вертѣлись, ударяли жезлами въ щиты и пѣли пѣсни подъ музыку. Сіи святочныя игры слыли въ Царьградѣ *готическими* и продолжались до самаго разрушенія Византійской Имперіи (98). Въ лѣтнее равноденствіе (Midsommersnat, или Sankt Hans Aften) у Датчанъ, вездѣ на сѣверѣ зажигались костры, нѣкогда посвящавшіеся Балдеру и называемые въ Россіи *купальскимъ огнемъ*; тамъ, подобно какъ у насъ, въ етотъ день купаются для здоровья и собираемыя травы (Sank

---

(96) Мейнихенъ въ своей *Сѣверной Миѳологіи*, изд. на Датскомъ языкѣ въ Коппенгагенѣ, говоритъ, что Iuul происходитъ отъ слова Hjul колесо; ибо годъ тогда поворачивается колесомъ.

(97) *Constantini porph.* de cerem. aulae Byzantinae. Lipsiac. 1754 f.

(98) Edda Saemundina, t. III. L. M.

Hans Urt) почитаются цѣлительными отъ порчей и недуговъ.

День Торовъ или Туровъ, четвергъ, слывущій у Датчанъ въ простонародіи *зеленымъ* и *легкимъ* для дѣлъ, изъ языческаго праздника 692 г. по Р. Х. превращенъ въ Христіанское торжество Римско-католической Церкви подъ именемъ dies viridium, на основаніи псалма XXIII, 2., въ коемъ слово viridis выражено на Слав. *злачный*. Издревле въ Исландіи, при началѣ весны, праздновали въ четвергъ Тору и донынѣ празднуютъ, такъ какъ въ Россіи *Семицкій четвергъ*. Тогда, по мнѣнію Скандинавовъ, Торъ, побѣдивъ Тіасса, зимняго гиганта, воспринималъ полное владычество въ природѣ. Исландскому названію соотвѣтствуетъ Нѣмецкое: der grüne, der hohe Donnerstag, Англійское holy Thursday, т. е. святый Туровъ день, и Шведское Helig Thorsdag (99), въ который простолюдины въ Германіи имѣли обыкновеніе ѣсть зелень. Вѣроятно, что къ міру Славяно-Рускаго Язычества относится народная

---

(99) Въ Edda Saemundina. t. III: Specimen Calendarii Borealium cum seriore ac recentissimo nostratium anni spatii computo, variis cognatarum gentium festis vel ceremoniis collatum.

поговорка о чемъ либо несбыточномъ: *Послѣ дождичка въ четвергъ.* Майскій *праздникъ*, по-Тевтонски Meye-tag, былъ радостнѣйшимъ у Шведовъ, Датчанъ, Германцевъ, Англовъ: онъ отправлялся и въ Германіи и Даніи, въ извѣстное время года, съ пѣснями и хороводами вокругъ Майскаго дерева. Какъ у насъ въ Семикъ, такъ у нихъ въ етотъ Майскій праздникъ поселяне увѣнчиваютъ себя цвѣтами и носятъ въ рукахъ зеленыя древесныя вѣтви. Майскій праздникъ при Олаѣ великомъ торжественно совершался въ Швеціи самимъ Королемъ и его дворомъ, который вмѣшивался въ веселыя толпы народа. То же бывало и въ Даніи. Какъ Персіане въ новый свой годъ, при возвращеніи весны, имѣютъ обыкновеніе дарить друзей своихъ раскрашенными яицами, такъ Скандинавы и Руские въ продолженіи Пасхи хрістосуются и мѣняются красными яицами. *Первое Апрѣля* обманываютъ другъ друга не только на Руси, но и въ Даніи, Швеціи и Норвегіи, гдѣ также празднуется 23 Апрѣля *Егорьевъ день* (Iörgen на Датск., Göran на Швед.), когда въ Исландіи и Финляндіи торжествуется наступленіе весны, или лѣтней поры, съ различными языческими обрядами. Св. Георгію суевѣріе жителей Скандинав-

скихъ придавало почти такія же качества и дѣла, какія Тору или Одину. Крещенные Варяги прежде вѣровали въ Славяно-Рускаго Перуна и въ Тора. Между именами Руссовъ, заключившихъ договоръ, находятся *Туръбидъ* и *Туръбернъ*, которые повидимому соотвѣтствуютъ Скандинавскимъ Thorfrid, Thorfid и Thorbern (100). Въ Костромской губерніи доселѣ поютъ пѣсню въ честь Тура:

Ой Туръ молодецъ удалой!
Туръ изъ города большаго,
Вызывалъ красну дѣвицу
Съ нимъ на травѣ побороться,
Ой Дидъ Ладо, побороться и пр.

Когда, по низверженіи въ Скандинавіи кумировъ Тура, одержавшаго, по народному преданію, побѣду надъ дракономъ, поставленъ былъ ликъ С. Михаила Архангела, низринувшаго сатану: суевѣріе народа стало смѣшивать лица и дѣйствія того и другаго; день Архангела (Mihiltag) празднуется, особенно въ Даніи, веселыми пиршествами, кои называются *осенними, жатвенными* (Höst-Gilde), а въ Борнгольмѣ *Михайловскими*; изображеніе его осталось въ древнихъ храмахъ Скандинавіи.

---

(100) *Карамз.* И. Г. Р. I.—Также Турвуди, Турдовъ. см. Лѣтопись Несторова по Лаврент. сп. М. 1824. 4.

Въ мірѣ Скандинавскомъ такъ же, какъ и въ Славянскомъ, есть обрядъ *изгнанія зимы и встрѣча лѣта;* въ Васильевъ вечеръ на Новый годъ тамъ дѣлаются гаданія о будущемъ, замѣчаются разныя примѣты. У Исландцевъ тогда простолюдины толпами ходятъ ночью по улицамъ съ пѣснями и крикомъ, бьютъ горшки у дверей домовъ; также наряжаются мущины женщинами, а женщины мущинами, надѣваютъ на себя разныя личины, и т. д.

При ближайшемъ сравненіи простонародныхъ Мѣсяцословов Скандинавскихъ, вѣроятно, откроется еще бо́льшее сходство древняго ихъ богоученія и богослуженія съ Славяно-Рускимъ. Что жъ касается до Германской Миѳологіи, то она занимаетъ средину между Цельтическою и Сѣверною. Древнѣйшее сосѣдство и смѣшеніе Славянскихъ племенъ съ Нѣмцами, которыхъ они называли и *Фрягами,* разумѣя вообще подъ симъ именемъ западныхъ Европейцевъ (101), особливо въ сѣверной и восточной Германіи, сильно подѣйствовало на языкъ тѣхъ и другихъ, въ коемъ находится множество сходныхъ словъ, выражающихъ потребности житейскія; тамъ чисто Славянскія названія

(101) Въ Потребникѣ, изд. въ Москвѣ 1639 г. въ л. сказано: о Фрязѣхъ: „Логговарди и Фрязи, иже и Германи нарицаются.“

многихъ городовъ, селеній, горъ, долинъ, рѣкъ, лѣсовъ повторились и въ сѣверо - восточной части Россіи, куда могла переселиться Балтійская Русь съ береговъ Ельбы, Одера, Вислы. Изъ сего можно заключить, что они заимствуя одни отъ другихъ слова, заимствовали и многія повѣрья, обычаи и праздники, какъ выраженіе ихъ мѣстности, быта и духа; Русь заморская перенесла въ міръ Славянскій туземныя преданія, поговорки и пословицы, кои у насъ обрусѣли. Какъ богоученіе, такъ и богослуженіе западныхъ Славянъ, жившихъ среди Нѣмцевъ, во многомъ было различно отъ сѣверо-восточныхъ. Когда первые отъ единобожія перешли къ многобожію; то у нихъ расплодились божества, неизвѣстныя послѣднимъ и общія съ Нѣмцами и даже сходныя съ Римскими, которые оставили тамъ слѣды свои колоніями и станами. Хотя Славяне, подобно Германцамъ, предпочтительно покланялись своимъ божествамъ на горахъ и въ священныхъ дубравахъ (Heiden), отъ коихъ и получили свое названіе язычники, такъ какъ *поганые* (pagani) отъ pagi селы, гдѣ они укрывались; однако имѣли храмы, куда стекались въ праздники на богослуженіе съ женами и дѣтьми. Столицею Славянскаго Язычества и торговли былъ *Рюгенъ*, приютъ *Руси*, смѣшавшейся съ

Славянскими племенами (102), кои иногда выдавались за Англо-Саксовъ. Нѣкоторыя божества у ней были общія съ Поруссами, или Пруссами, напр. Перунъ, который у нихъ назывался Perkun и обожаемъ былъ вмѣстѣ съ Потримпомъ юношею и Пиколомъ старцемъ; символомъ перваго былъ огонь, другаго—змія, третьяго—мертвая голова человѣческая. Sema, или Semina, была богиня земли. Венды Люнебургскіе, долго спустя по принятіи Христіанства, приносили у священнаго дерева въ жертву пѣтуха, который у Скандинавовъ былъ символомъ огня, что̀ дало поводъ къ Датской поговоркѣ о пожарѣ: der röde Hane galer over Taget, т. е. „красный пѣтухъ поетъ на кровлѣ.“ Въ Германіи говорятъ простолюдины: den rothen Hahn aufstecken, вмѣсто: зажечь. Въ Самаріи пѣтухъ былъ символомъ бога огня (103). Какъ въ Германіи на Брокенѣ горѣ въ Валпургіеву ночь сбирались колдуньи, такъ и въ Кіевѣ слетались на Ивановъ день вѣдьмы на Лысую гору: къ такому суевѣрному мнѣнію вѣроятно дали поводъ древнія сходбища язычниковъ, ихъ

---

(102) Опытъ Исторіи Россійскихъ государственныхъ и гражданскихъ законовъ, соч. Профессора *А. Рейца*, изд. Профессора Ѳ. Морошкина, М. 1836. 8.

(103) Edda Saemundina, t. III. L. M.

жертвоприношенія и совершеніе языческихъ обрядовъ на сихъ мѣстахъ (104).

Нѣмцы и Славяне, бывшіе въ близкихъ между собою отношеніяхъ по своей мѣстности и политическому вліянію, представляютъ разительное сходство во многихъ повѣрьяхъ, обрядахъ, обычаяхъ и словахъ, такъ что трудно рѣшить, кто отъ кого прежде заимствовался; но вѣроятнѣе — съ чѣмъ соглашаются Клуверій и другіе — первые отъ послѣднихъ (105). Подобно Нѣмцамъ, Славяне покланялись на *горахъ* и въ *заповѣдныхъ рощахъ* и *дремучихъ лѣсахъ*, гдѣ хоронились усопшіе, благоговѣли предъ водою и огнемъ, старыми деревьями, особливо *дубами* и *липами*, подъ коими у нихъ чинился судъ и расправа (106). Большіе *камни* (Götzensteine, Altartische) въ нижней Германіи, Скандинавіи и Целтическихъ странахъ были мѣстами жертвоприношеній и судопроизводства. Вендскій богъ *вода* (Wodha), коего особенно чтили въ Ретрѣ, принимается за одно съ Нѣмецкимъ *Воданомъ* или *Одиномъ*, такъ какъ *Водяникъ* или *дѣдушка водяной* съ Wassermann,

---

(104) Mythologie der alten Deutschen u. Slaven, von Tkany. 2 Th. Znaim. 1827. 8.

(105) *Cluver*. Germ. ant. I. 1.

(106) Deutsche Rechtsalterthümer, von J. Grimm. Göttingen, 1828. 8.

Русалки съ Nixen, Undinen, и съ Нѣм. провинціальнымъ словомъ Rüschelchen, родъ духовъ женскаго пола, а *домовые* съ Hausmänner, Gütgen, и т. д. Разныя племена Германскія имѣли различныхъ боговъ покровителей (Schutzgötter), даже всякое сѣмейство — своего бога въ источникѣ, деревѣ и оружіи, коимъ они клялись. Другія божества, особливо у западныхъ Славянъ сходствуютъ съ древними Нѣмецкими и съ Англо-Сакскими; тоже почти можно сказать и о праздникахъ.

Какъ у Славянъ, народа земледѣльческаго, и годъ назывался *лѣтомъ*: то у Германскихъ племенъ, заимствовавшихъ земледѣліе отъ первыхъ, годы считались жатвами; на древнемъ Готическомъ языкѣ year, aar, Исландск. и Датск. aar (выгов: *оръ*) и ar, годъ, весна, лѣто, жатва, потомъ Jaar, Jahr значило собственно жатву; ибо на Вендскомъ языкѣ *лѣто* именуется *яръ*, а лѣтній плодъ *ярина*, *ярица*: отсюда и наше *яровое*. У Нѣмцевъ Mittelwinter средина зимы и Mittelsommer средина лѣта соотвѣтствовали Іолійскому празднику и Иванову дню.

Въ 742 году запрещалось законами первымъ Хрістіанамъ Германіи праздновать *первое Января* переодѣваніемъ мущинъ въ женскія платья, а женщинъ въ мужскія, и маскиро-

ваніемъ тѣхъ и другихъ: тогда совершался въ Европѣ извѣстный *праздникъ дураковъ* (das Narrenfest, festival of fools, la fête des foux) до XVI вѣка. Донынѣ даже о Святкахъ (Weihnachten) въ Германіи дѣвицы льютъ олово и свинецъ въ воду, когда желаютъ узнать, какого ремесла будетъ у нихъ мужъ; въ полночь стучатся въ курятникъ, съ особенными прибаутками; ежели въ это время запоетъ пѣтухъ: то онѣ вѣрятъ, что скоро будутъ за мужемъ и т. п. (107). Многія другія суевѣрія совершались въ 12 дней сего праздника. Какъ Богоявленіе нѣкогда было праздникомъ средины зимы у Готѳовъ, Германцевъ, Датчанъ и другихъ; отъ сего и различныя названія этому дню, напр: das grosse neue Jahr, das Bohnenfest, т. е. великій новый годъ, бобовый праздникъ. Сіе названіе относится къ обычаю подавать въ этотъ день большое блюдо съ однимъ бобомъ; кому бобъ достанется, тотъ и называется *Царь-бобъ* (Bohnenkönig, Roi de la fêve), который вѣроятно перешелъ къ намъ подъ именемъ *Царя-гороха* (108). Въ этотъ день Датскія поселянки призываютъ трехъ Царей, (heilige drey Könige), которымъ и въ Костромской Губ.

---

(107) Вѣстникъ Европы, 1823, No 1, стр. 75.
(108) Edda Saemundina, t. III. Lex. Myth.

есть славленье; а въ Пруссіи въ Гумбинненскомъ округѣ, отъ Р. Х. до праздника трехъ Царей, всякой вечеръ проводятъ въ забавахъ, переходя изъ дому въ домъ, на свѣтлое Воскресенье обливаютъ водою мущины женщинъ, а женщины мущинъ, такъ какъ и въ Польшѣ и Россіи. О сходномъ обрядѣ *изгнанія зимы* (Bild des Winters) у Германскихъ Славянъ выше упомянуто нами. Дни *С. Георгія* весенняго, Хрістіанскаго витязя, и Св. *Михаила Архангела* (Jürgens-, или Georgienstag, Michelstag) служили сроками работъ и наймовъ, праздновались съ разными языческими обрядами въ Даніи, Швеціи и Германіи, особенно первою встрѣчею весны, или лѣтняго періода (109).

Первое Апрѣля обманывать — было древнимъ обычаемъ сѣверныхъ народовъ; у Нѣмцевъ это называлось: in den April schicken, а у Французовъ donner un poisson d'Avril, провести кого; отъ сего и произошла пословица: Es ist der erste April, da man einen jeden Narren hinschikt, wohin man will, т. е. Первое Апрѣля всякаго дурака проводятъ, какъ хотятъ (110). *Первое Мая* (Maietag), по Тев-

---

(109) D. J. F. Eisenhart's Grundsätze der deutsch. Rechte in Sprüchwörtern. 3 Aufl. Leipzig. 1823. 8.

(110) Енциклопедич. Лексиконъ, т. II.

тонски Meye или Meyge-Tag, сопровождался и въ Германіи и въ Даніи веселыми пѣснями вокругъ Майскаго дерева, березки (Maipole, Maien), которое замѣняется Семицкою березкой въ Россіи: мы выше замѣтили о сходбищѣ вѣдьмъ на Брокенѣ (Bructerus) подъ первое Мая, какъ на Лысой горѣ (Щекавицѣ) у Кіева на Ивановъ день. Въ Германіи, въ Тюрингенѣ, предъ Троицынымъ днемъ бываетъ сходный съ Рускимъ Семикомъ праздникъ вѣнковъ (das Kränzefest) (111); нашъ *Ивановъ день*, или *Купало*, въ существѣ своемъ одинаковъ съ Нѣмецкимъ Johannistag, или der Mittelsommer, когда зажигается *Ивановъ огонь* (Johannisfeuer). У Пруссовъ было божество весны и веселья — *Лиго*, близкій съ нашимъ Ладо. Въ честь его зажигался *подъ липою* огонь на Ивановъ день и тамъ плясали во всю ночь съ пѣснями, кои оканчивались припѣвомъ: *Лиго! Лиго!* (112).

О Троицынѣ днѣ, называемомъ цвѣтною Пасхою, и въ Германіи во многихъ провинціяхъ донынѣ употребляются Pfingst-Maien и Pfingst- или Maien-Tänze, т. е. Троицкія

---

(111) Mythologie der alten Teutschen u. Slawen, von A. Tkany. Znaim. 2 T. 1827. 8.

(112) Prutena, od. preussische Volsklieder, von *L. Rhesa*. Königs. 1809. 12.

деревья и пляски; церкви и колокольни украшаются березками (Maien, betulae). Етотъ обычай, столь близкій съ обрядами Іудейскаго праздника кущей, многіе писатели выводятъ изъ Римскаго Язычества, почитая оный остаткомъ игръ въ честь богини *Маи,* матери проводника душъ, Меркурія, (Majuma). Въ Англіи бываютъ въ Гренвичскомъ паркѣ *Троицкія игры* (Whitsunday and holy day's stories) (113).

Извѣстное въ Россіи *бабье лѣто* соотвѣтствуетъ Нѣмецкому alter Weiber Sommer, т. е. старое женское лѣто, или Marienfäden, нити паутинъ, бывающія въ Сентябрѣ (114). Въ началѣ Ноября, когда горными Шотландцами возжигаются костры въ память усопшихъ, называемые у нихъ *огнемъ мира и покоя;* тогда Нѣмцы пекутъ родъ хлѣба или блиновъ die Seelenwecke, или Zucker-Seele, сахарная душа: етотъ день (2 Ноября) у Датчанъ извѣстенъ подъ именемъ Sialudagr, день всѣхъ душъ, соотвѣтствующій нашей осенней родительской. У древнихъ Германцевъ, по свидѣтельству Та-

---

(113) Die Feste der alten Christen, von D. J. C. Augusti. Leipzig. II B. 1818. 8.

(114) Die Gründung Prag's, ein histor. romant. Drama, von C. Brentano. Pest. 1815. 8. — Edda Saemundina t. III.

цита (115), трупы знаменитыхъ мужей сожигались, а надъ прахомъ ихъ насыпаемы были курганы. У Естовъ, прибрежныхъ жителей Балтiйскаго моря, въ IX вѣкѣ погребенiе именитыхъ мужей сопровождалось *тризною*, которая состояла въ пиршествѣ и конскомъ риставiи, на коемъ побѣдители по жребiю получали имѣнiе покойнаго (116). Праздники предъ сѣянiемъ полей и по окончанiи жатвы (Erntefeste), у Нѣмцевъ сходны съ Рускими, у которыхъ *Авсень* одинаковъ съ Awsten, или Aussäen посѣвъ (117). см. стр. 12. У Нѣмцевъ бездѣльный понедѣльникъ (blauer Montag) Масляницы сопровождался обжорствомъ, пьянствомъ и разными потѣхами; тогда ѣли блины (Kringeln), или оладьи, также качались на качеляхъ.

У Славянъ Рускихъ и у Нѣмецкихъ племенъ былъ *судъ Божiй* (Dei judicium, examen, Gottes Gericht), или Ордалiи, кои ведутъ свое начало отъ Язычества, изъ глубокой древности, и кои столько укоренились въ вѣрованiи народа; онѣ долго терпимы были въ самомъ

---

(115) *Taciti* de mor. Germ. c. 27. Geschichte der Meinungen älter. u. neuerer Völker, von J. Lindemann. Stendal, 1784. 12.

(116) *Несторъ* Рускiя лѣтописи, ч. III. перев. Д. Языкова. СПБ. 1819. 8.

(117) Plattdeutsches Wörterbuch, von J. Dähnert. Stralf. 1781. 4.

Хрістіанствѣ (118); употребительные у Нѣмцевъ и Славянъ Рускихъ Божіи суды были: *испытаніе огнемъ* (Feuerurtheil, judicium ignis), *водою*, (Wasserurtheil, judicium aquae, или aquaticum Dei judicium) и *судебный поединокъ*, или *поле* (Kampfurtheil, judicium pugnae, duellum, judicium campi) (119). Первое у Рускихъ Славянъ *правда желѣзо, на желѣзо* (120), у Сербовъ mazija, или испытаніе раскаленнымъ желѣзомъ употреблялось въ важнѣйшихъ дѣлахъ, а другое (*на воду*) въ менѣе важныхъ, преимущественно въ судѣ колдуновъ, чародѣевъ и воровъ, коихъ бросали въ воду, подобно какъ и кумиры отверженныхъ боговъ. Единоборствомъ, или полемъ, какъ способомъ славнѣйшимъ и благороднѣйшимъ, рѣшались тяжбы (121). Нѣмцы и Скандинавы клялись Одиномъ и Торомъ, Славяне Перуномъ, а Литовцы Перкуномъ — божествами грома; онъ держалъ въ рукѣ кусокъ желѣза, разжигаемаго при испытаніи огнемъ обвиняемыхъ. Можетъ быть, и самое слово право происходитъ отъ *Прове, Правно*, у

(118) Deutsche Rechtsalterthümer von J. Grimm. Göttingen, 1828. 12.

(119) Опытъ Исторіи Росс. государственныхъ и гражданскихъ законовъ, Профессора А. *Рейца*, изд. Профессора Ѳ. *Морошкина*. М. 1836. 8.

(120) *Карамз.* И. Г. Р. III, прим. 248.

(121) Рускіе въ своихъ пословицахъ. М. 1831 — 34. IV ч.—Ewer's ältestes Recht der Russen. Dorp. 1824. 8.

Нѣмцевъ Probe, Prowe, или даже наоборотъ. Вагры почитали Прове богомъ права, правосудія, одинакаго съ Перуномъ (122). У древнихъ Скандинавовъ торжественное принятіе клятвы выражалось словомъ taka, сходнымъ съ нашимъ *такъ*; очистительная присяга, или клятва называлась Lâde, на старомъ Нѣм. Leita: отсюда и глаг. *такать* и *ладить* въ значеніи присягать и клясться, на пр. въ посл: *Новгородцы такали, да Новгородъ и протакали.*

Между повѣрьями есть довольно одинаковыхъ у Нѣмцевъ и Славяноруссовъ, напр: *сглазить*, или *изурочить*, beschreien, einen bösen Blick haben; у первыхъ есть Springwurzel, такъ какъ у другихъ *разрывъ-трава*, или *спрыгъ-трава*, которая отпираетъ всѣ замки́ и открываетъ сокровища. Вѣра въ *волшебницъ* и *колдуней* (Hexen, Wettermacherinnen) сходна у Рускихъ Славянъ съ Нѣмцами (123), равно какъ и другія суевѣрія, кои у послѣднихъ не могла совершенно истребить и самая Реформація. Отъ Миѳологіи древне-Нѣмецкой, столь сходной во многихъ чертахъ съ Славянскою, перейдемъ къ Финской и Литовской.

---

(122) D. J. F. Eisenhart's Grundsätze der deutschen Rechte in Sprüchwörtern. Leipzig. 1823. 8.

(123) Mythologie der alten Teutschen u. Slaven, von A. Tkany. Znaim. 2 Th. 1827. 8.

Въ началѣ Исторіи нашей Финны и Чудь суть развалины какихъ-то огромныхъ народовъ, претворившихся въ массу другихъ племенъ—Варяговъ и Славянъ: остатки Финскихъ поколѣній находятся въ разныхъ Россійскихъ Губерніяхъ, особенно сѣверныхъ и восточныхъ, подъ разными названіями. Посему и самыхъ Россіянъ можно раздѣлять на Россіянъ Славенскаго и Финскаго происхожденія, хотя при такомъ превращеніи не возможно, чтобы у нихъ не сохранились коренныя и кровныя ихъ качества въ позднѣйшихъ ихъ поколѣніяхъ (124).

Сѣверные Славяне, поселясь между Финскими племенами и по сосѣдству съ оными, и превышая ихъ своею образованностью, болѣе сообщили имъ своихъ понятій и обычаевъ, чѣмъ сами отъ нихъ заимствовали. Послѣдніе долѣе оставались въ Язычествѣ, чѣмъ первые: у нихъ глубже укоренились древнія суевѣрія, нежели у Рускихъ Славянъ. Въ именахъ миѳологическихъ между Рускимъ и Финскимъ почти нѣтъ сходства, кромѣ весьма малаго, напр: *Перунъ* въ Piru, родит. Pirum (125). У Финновъ также празднуется Ивановъ день, въ который ночью зажи-

(124) Несторъ Шлецеровъ, III, стр. 116.

(125) Ueber die Finnische Sprache u. ihre Literatur, von Dr. A. J. *Sjögren*. S. Petersb. 1821. 8.

гается костеръ хворосту и сучьевъ, извѣстный подъ именемъ Kokko (126), а въ Новгородской Губерніи, гдѣ есть и селеніе *Кокуй*, называется етотъ огонь *кокуемъ*, отъ коего вѣроятно получила свое наименованіе *Кукуевой* Нѣмецкая слобода въ Москвѣ (127). Въ XVI вѣкѣ Чудь и Рускіе на Ивановъ день, 24 Іюня, собирали травы въ пустыняхъ и дубравахъ съ суевѣрными обрядами, а ночью веселились, били въ бубны, играли на сопѣляхъ и гудкахъ; молодицы и дѣвицы плясали, обнимались съ юношами, забывая стыдъ и цѣломудріе (128).

Абевега и Георги свидѣтельствуютъ, что Ижорцы, племя Финское, на Ивановъ день подъ дубомъ закалаютъ бѣлаго пѣтуха, который у Скандинавовъ былъ символомъ огня. *Колдовство, волшебство, коби* и *кудесы*, или *чудеса* господствовали между Финскими племенами и Чудинами, даже самые Новгородцы нерѣдко ходили къ Чудскимъ *кудесникамъ*, для гаданій. Сами Скандинавы почитали Фин-

---

(126) Lexicon linguae Finnicae, auct. G. *Renvall*. Aboae, 1823. 4.

(127) *Карамз.* И. Г. Р. XI, пр. 68. Въ Уставѣ *В. К.* Святослава Ольговича упоминается въ Обонежскомъ ряду *Кукуева горà*. см. Руск. Достопамятн., ч. I, М. 1815. 8.

(128) тамъ же, т. VII, 193.

повъ величайшими колдунами и чародѣями, а землю ихъ — страною чудесъ и превращеній. Въ средніе вѣки имя *Финнъ* тоже значило, что *колдунъ*; даже и до сихъ поръ въ Финляндіи есть колдуны (Tietyät, Noijat)(129). Какъ у Балтійскихъ Славянъ главный храмъ находился въ Ретрѣ, такъ у Финновъ въ Біарміи и посвященъ былъ Юмалѣ: въ Ретрійскомъ Пантеонѣ находились вмѣстѣ съ Славянскими и Тевтонскими Финскія божества.

Достойно замѣчанія и изслѣдованія то, что суевѣрныя понятія почти одинаковы у всѣхъ жителей глубокаго Сѣвера: Финнскіе колдуны, Татарскіе шаманы, Гренландскіе ангекоксы сходны въ своихъ дѣйствіяхъ. У Шведовъ и Рускихъ Финны заимствовали многія повѣрья, обычаи и обряды. Они думаютъ, что въ лѣсахъ живетъ пара страшныхъ лѣшихъ — одинъ мужескаго пола Liekköner, являющійся иногда въ видѣ птицы, собаки, человѣка; другой женскаго, Ajattara, сбивающій съ дороги прохожихъ и проѣзжихъ. У Шведовъ домовой, извѣстный подъ именемъ Mara, у Финновъ называется pajnajainen, т. е. гнетущій, давящій — ходитъ въ

(129) Вѣстникъ Европы, 1828, No 13, статья И. Лагуса. Москов. Наблюдатель, 1836, Іюль: Мысли о старобытности Славянъ въ Европѣ.

видѣ бѣлой кошки или бѣлой женщины, освѣщающей собою всю комнату; какъ *постѣнь*, наваливается на спящаго и давитъ грудь его такъ, что онъ не можетъ поворотиться. Въ Кареліи, недалеко отъ Выборга есть гора каменная, слывущая у Финновъ Tyrjän wuori, т. е. *гора Тура*, или *Тора*, прославляемаго въ нѣкоторыхъ Финскихъ и Руских пѣсняхъ и столь извѣстнаго въ Скандинавской Миѳологіи. Какъ на югѣ Россіи вѣдьмы слетаются на Лысую гору подъ Ивановъ день: такъ, по мнѣнію Финновъ, въ ночь на Свѣтлое Воскресенье онѣ уносятъ собранную ими шерсть и хвосты на высокую гору, называемую по-Фински Bläkulla, или Blocksberget — островокъ, находящійся въ Кальмарскомъ проливѣ.

Въ праздничные дни у Финновъ совершаются разные суевѣрные обряды, частію остатки отъ временъ Католицизма, напр: въ *Егорьевъ день* (23 Апрѣля), который празднуется пѣснями, играми и попойками, въ *Екатерининъ* (25 Ноября), *всѣхъ Святыхъ*. Какъ у Велико-Россіянъ въ день Бориса и Глѣба, такъ у Финновъ въ день с. Олова (29 Іюля), не занимаются сельскими работами, чтобы не лишиться плода оныхъ. Христіанскіе праздники отправляются у Финновъ съ мно-

гими увеселеніями и играми; на Святой они приготовляютъ прѣсныя лепешки изъ муки (mämmi), объ Рождествѣ Хрістовѣ въ честь грома пекутъ большой хлѣбъ, выставляемый на канунѣ сего праздника и хранимый до весенняго посѣва, во время коего онъ раздается всѣмъ домашнимъ. Рождество (Joulu) почитается величайшимъ въ году торжествомъ; на третій день онаго (27 Декабря, память Св. Стефана) молодые мущины, ходя со двора на дворъ, спрашиваютъ: *дома ли Стефанъ?* Отвѣтомъ служитъ угощеніе пивомъ и виномъ. Въ Саволаксіи, особливо въ Кареліи и сѣверной Остроботніи, день всѣхъ Святыхъ (Kekri, или Köyry) есть большой праздникъ жатвы, совершаемый со многими суевѣрными обрядами и пѣснями. Во вторникъ на Масляницѣ во всей Финляндіи ѣдятъ блины и другія жирныя кушанья, катаются на саняхъ и лыжахъ по горамъ, а на Святой недѣлѣ, подобно Рускимъ, качаются на качеляхъ. Въ весенніе и лѣтніе праздники бываютъ *хороводы*, кои прежде важивали старухи.

Какъ Литовская Миѳологія и Ееортологія представляютъ намъ многія черты, общія съ Славяно-Рускими и древне-Прускими: то, преж-

де чѣмъ приступимъ къ сличенію оныхъ, скажемъ о самомъ значеніи *Литвы.* Подъ словомъ Литвы разумѣются два разныхъ племени, именно 1) Литва означаетъ Великое Княжество Литовское въ наибольшемъ его распространеніи. А какъ собственная Литва, говорящая своимъ особеннымъ языкомъ, составляла самую малую часть народонаселенія: то подъ Литвою разумѣли Россіянъ, или Русиновъ Великаго Княжества Литовскаго; 2) Литва — народъ отличнаго отъ Славянъ племени, говорящій языкомъ недовѣдомаго происхожденія и извѣстный въ Виленской Г. подъ именемъ *Жмуди.* У Польскихъ писателей Литва часто употребляется вмѣсто Литовской Руси и вмѣсто *Жмуди* или *Самогиціи.* Въ отечественныхъ лѣтописяхъ Литва называется *поганою,* вѣроятно, по приверженности оной къ поганскимъ, т. е. языческимъ, обычаямъ.

Литовская Миѳологія подвергалась сильному вліянію Римскихъ переселенцевъ, Германцевъ и Славянъ. Между великими и малыми богами и богинями оной встрѣчаются сходные съ Римскими и Греческими (130). У

---

(130) Dzieje starożytne narodu Litewskiego p. T. *Narbutta*, t. I. Mitologia Litewska. Wilno, 1835. 8.

Литовцевъ Perkunas, какъ у Славянъ Перунъ, почитался богомъ грома, которымъ они клялись; самое слово на Литовскомъ значило громовой ударъ. Когда гремитъ громъ; то и донынѣ Литовцы говорятъ: *Перкунъ ѣдетъ на своей колесницѣ.* У Литовскаго города Ромове стоялъ огромный вѣчнозеленый дубъ, посвященный Перкуну, предъ коимъ теплился неугасаемый огонь. Вмѣстѣ съ городомъ истребленъ и дубъ Гедеминомъ въ XIV в. Къ имени Перунъ придавалось у первыхъ Dewas, или Div, т. е. богъ см. выше Литовскій Gurko, извѣстный также подъ именемъ Ziemienikas, по мнѣнію Бандке (131), соотвѣтствовалъ Славянскому *Горовиду*, а можетъ быть, и *горкѣ*, преобразившейся въ уменьшительное отъ имени *Георгія:* Гурко былъ богомъ земнымъ урожая хлѣба. Богинею, матерью святаго огня, была у Литовцевъ Praurime, сходная съ Римскою Вестою. Ладо, какъ выше замѣтили мы на стр. 18, извѣстна была у Литовцевъ, у которыхъ, съ 25 Мая по 25 Іюня, дни посвящались сему божеству, коему приносили въ жертву бѣлыхъ пѣтуховъ, въ честь его пѣвались дѣвицами на лугахъ пѣсни съ припѣвами, какіе и въ Рускихъ

(131) Исторія Польскаго народа. С. П. 1830. 2. ч. 8.

еть пѣсняхъ: Lado, Lado, Lado, didie musu dewe, т. е. Ладо! великая наша богиня. Простолюдины величали ее *золотою Ладою*, которая, повидимому, тоже была, что у Обдорцевъ *Золотая баба*, имѣвшая храмъ свой на Оби. Мать перуновъ и молній именовалась Perkunatele, раздѣлявшая съ Перуномъ владычество на землѣ и на небѣ; въ Жмуди давалось сіе прозваніе Пресвятой Богородицѣ: Ponna Marya Perkunatele, или Perkunija. Въ Виленской Губ. 2 Февраля празднуется Пресв. Богородицѣ Маріѣ *громницѣ* (Gromniczey Nayswietssey panny Maryi); во время богослуженія народъ стоитъ въ церкви со свѣчами, кои называетъ gromnicy. (132) Руская Литва въ поговоркахъ и пѣсняхъ своихъ упоминаетъ богиню Dola и Pilwis, сходную съ Римскою Fortuna и Славянскими *Дажба*, *Дажьбогъ*. Извѣстная въ сказаніяхъ и поговоркахъ Рускаго народа *мать земля* соотвѣтствуетъ Литовской Zemmes mahti, подземной богинѣ, пребывавшей въ срединѣ земли. Что у Россіянъ на югѣ Русалки, то у Литовцевъ Dukna, у Жмуди Gudelka, а на Украйнѣ *Мавки* — особенный родъ Русалокъ. Свадебный божокъ Lub-

---

(132) Записки Профессора И. Н. Лобойки.

leniczu и Lubicz, происходящій отъ Рускаго гл. *любить,* есть Литовскій Гименей. Посредники между людьми и богами, похожіе на Рускихъ *домовыхъ,* у Литовцевъ были Siemi dewas, Koboli, *постень* — Ajtwaros, *злыдни* — Zlydni, кои завсегда дѣлаютъ пакости и разореніе; гдѣ они водворятся, тамъ спорынью съѣдаютъ (oni spor zjadają) (133). Подобно Славянамъ Рускимъ, Литовцы благоговѣли къ *камнямъ*, кои назывались Gamaheu, Gamaheus lapis, *горамъ* (katnar), къ священному огню, *Зничю* (134), сходно съ Индѣйцами къ *рѣкамъ священнымъ, святымъ озерамъ*, и изъ *деревъ*, почитаемыхъ священными: бузинѣ, дубу, липѣ, соснѣ, вербѣ, вязу, подъ коими у нихъ совершались въ извѣстные дни года особые обряды языческаго происхожденія (135).

Въ Волынской лѣтописи упоминается о крещеніи Миндовга въ XIII в., что оно было „лестиво; жря бо богомъ своимъ втайнѣ: „пръвому Нонадѣеви, Телявели и Девериксу, „*заечему богу*, и Медѣину; егда же выѣхаше „на поле и выбѣжаше заецъ на поле въ лѣ-

(133) Dzieje storożytne narodu Litewskiego. t. I.
(134) *Naruszewicz* Hist. nar. Pol. t. 1. str. 451.
(135) de la poësie Lithaunienne. v. *Catholique,* à Paris, 1826, t. I. No 3.

„сорощенія (рощи), не вхожаше в ну и не „смѣяше ни розги уломити; и мертвыхъ тѣ„леса жьжигаше (136).“ Примѣта сія о перебѣжаніи зайцемъ дороги, существовавшая у древнихъ Римлянъ, общая у Литовцевъ съ Рускими. Извѣстно, что въ Литвѣ, долго по принятіи Христіанской вѣры, оставались въ народѣ старыя суевѣрія, съ коими онъ не хотѣлъ разстаться, какъ бы съ наслѣдственной святыней и часто углублялся въ дремучіе лѣса совершать оныя.

Литовцы съ глубокой Древности дѣлили время на часы (валунда) денные и ночные, по 12ти въ каждой половинѣ; долгота оныхъ въ разныя времена года намъ не извѣстна. Седмицу, или недѣлю нашу они называли Septinin diem, семидневіе, начиная счетъ съ пятницы, которая была днемъ покоя, какъ наше воскресенье, и почиталась праздникомъ Перкуна. Жрецы ихъ измѣряли время по теченію свѣтилъ небесныхъ, знали зодіакъ, дѣлили годъ на мѣсяцы (Ménуо) съ одного новолунія до другаго; годы ихъ были лунные

---

(136) *Карамз.* И. Г. Р. ч. IV, прим. 102. — Абевѣга Рускихъ суевѣрій идолопоклоническихъ, соч. М. Ч. М. 1786. 8.

и, въ сравненіи съ солнечными, имѣли болѣе 12 мѣсяцевъ. Еще считали они время девятью періодами (кругами), заимствованными отъ Скандинавовъ. Миѳологическій ихъ годъ начинался съ Апрѣля, голубинаго мѣсяца, посвященнаго Мильдѣ, богинѣ любви, оканчивался же Мартомъ (Кавасъ), который посвящень былъ богу войны. Имена прибавочныхъ мѣсяцевъ намъ не извѣстны. Латыши вѣрнѣе сохранили память мѣсяцевъ по счисленію отъ одного новолунія до другаго, и потому ихъ мѣсяцы не совпадаютъ съ нашими календарными. Изъ празднествъ Литовскихъ, коихъ память дошла до нашихъ временъ, извѣстны слѣдующія, болѣе или менѣе сходныя съ Славяно-Рускими (137).

1. *Новомѣсячія.* Каждая первая пятница по новолуніи праздновалась болѣе другихъ.

2. *Первый день* (Swięto Wiosny) въ году торжественно праздновался въ честь богини Пергрубы, Литовской Флоры и весны: онъ приходился въ 1 день Апрѣля (по новому штилю 22го), который донынѣ празднуютъ въ южной

---

(137) Dzieje starożytne narodu Litewskiego, p. 7. *Narbutta.* t. I. Wilno. 1835. 8.

Липпѣ по селамъ: дѣвушки босикомъ, въ легкой одеждѣ выбѣгаютъ за село до восхода солнца и при первыхъ его лучахъ поютъ, что идутъ встрѣчать весну: такъ бываетъ и въ южной Россіи на Веснянкѣ (138). Прибѣжавъ къ концу села, возвращаются обратно скачутъ, и съ пѣснями и рукоплесканіемъ пробѣгаютъ по всему селенію; потомъ въ одномъ домѣ находятъ готовую пирушку, гдѣ собравшись молодежь, долго веселится. Стрыйковскій, очевидный свидѣтель остатковъ сего праздника языческаго, описываетъ намъ, что въ это время приносили жертвы богамъ первостепеннымъ, особливо Пергрубѣ. Нѣсколько селъ, сдѣлавъ складку хлѣбомъ на пиво и кушанье, собиралися въ одинъ обширный домъ, гдѣ Вуршайтъ (жрецъ) за кружкою пива, стоявшаго на столѣ, читалъ молитву, начинающуюся словами: „о госпоже наша богиня Пергруба, ты прогоняешь неприятную „зиму, возвращаешь любезную весну, зелeнишь „рощи и лѣса! молимъ тебя, умножай щедро „хлѣбъ нашъ посѣянный, дабы онъ росъ колосисто, а весь куколь вытопчи.“ и т. д. Послѣ молитвы, приносили жертвы одну

(138) см. въ Вѣстникѣ Европѣ, 1829, ст. Праздники, забавы и суевѣрія въ Новогрудскомъ повѣтѣ и пр.

за другою: Перргрубѣ, потомъ Перкуну, чтобы „онъ отвратилъ отъ земли Литов„ской грады, молніи, громы, ливни, бури „и всякіи вредныя воздушныя перемѣны", и наконецъ, ублажаютъ Свайстикса, бога свѣта, чтобы „онъ яснымъ и милостивымъ лицемъ озарялъ нивы, луга, огороды," и богиню Пильвиту, чтобы помогла наполнить житницы плодами.

3. Литовское *Секмине*, сходное съ Зелеными Святками, но неимѣющее никакой связи съ Христіанскимъ праздникомъ Троицынымъ и Духовымъ днемъ, явно языческое, миѳическое, хотя и впадаетъ въ оный. Это праздникъ пастуховъ, которые воспоминаютъ своего божка Гонигля, Литовскаго Велеса, богиню Ладу и Солнце (139). И теперь еще сохранились остатки онаго въ нѣкоторыхъ селахъ, а прочее въ преданіяхъ. Въ этотъ день пастушки съ пастухами, нарядясь въ праздничныя платья, съ вѣнками на головѣ, утромъ ходятъ по всему селу, отъ одного дома къ другому, гдѣ ихъ дарятъ и подчуютъ; въ полдень на пастбищѣ разводится большой огонь, вокругъ коего дѣлает-

---

(139) Prutena, oder preussische Volkslieder, von *L. Rhesa*. Koenigsb. 1809. 12.

ся пирушка; избранный старикъ изъ пастуховъ, или за неимѣніемъ его, старуха распоряжаетъ оною. Между тѣмъ играютъ на свирѣлкахъ и трубахъ, пляшутъ и поютъ, вспоминая Гонигля. Такъ пастухи коровъ поютъ: „Гонигле божекъ, паси мою коровку, паси „моего бычка, не допускай вора волка!“ Хоръ пастуховъ овецъ: „Пасу, пасу овцы; тебя, волкъ, „не боюсь; ибо солнцевласый богъ вѣрно не до„пуститъ тебя.“ Оба хора вмѣстѣ: „Ладо, „Ладо, солнце“ и пр. Громада (міръ) или волость собравшись въ одну пространную стодолу (ригу), приводили туда козла и посреди оной раскладывали огонь, а женщины замѣшивали тѣсто изъ пшеничной муки. Когда все было готово: тогда жрецъ (вейдалôта) садился на возвышенномъ мѣстѣ и, по произнесеніи рѣчи, выводилъ козла на средину и, призвавъ боговъ, возлагалъ на него руки. Потомъ поднявъ козла къ верху, какъ очистительную жертву, извѣстную у Евреевъ, пѣли св. пѣснь и наконецъ закалали его и кровью его окропляли народъ. Между тѣмъ, пока варилась пища, пекли калачи, перебрасывая черезъ огонь; начиналась пирушка, во всю ночь продолжавшаяся. Поутру рано выходили въ поле для жертвоприношенія подземнымъ богамъ, которое состояло въ зары-

ванiи въ землю костей и всѣхъ останковъ отъ сей трапезы. — По наблюденiямъ открывается, что торжество сiе съ обрядами и жертвоприношенiями, болѣе или менѣе сходными, было общимъ не токмо по всей Литвѣ, но и въ Литовской Руси (140). Въ южной Россiи, по свидѣтельству Г. Срезневскаго (141), пѣли слѣдующую пѣсню, которая изображаетъ жертвенный обрядъ, похожiй на Литовскiй:

За рѣкою, за быстрою, ой калѝодка!
Лѣсà стоятъ дремучiе, — —
Во тѣхъ лѣсахъ огни горятъ —
Огни горятъ великiе —
Вокругъ огней скáмьи стоятъ —
Скамьи стоятъ дубовыя —
На тѣхъ скамьяхъ добры молодцы —
Добры молодцы, красны дѣвицы —
Поютъ пѣсни калѝодушки. —
Въ срединѣ ихъ старикъ сидитъ; —
Онъ точитъ свой булатный ножъ. —
Возлѣ его козелъ стои́тъ. —

4. Наканунѣ С. Iоанна Предтечи, 23го Iюня (или Ивана Купала) въ Литвѣ от-

---

(140) Dzieje staroż. narodu Litew. t. I.
141) Украинскiй Вѣстникъ, Апрѣль, 1817 г.

правлялся *праздникъ росы* (Rassa), по старопрусски *Кекирисъ*, въ честь Ладо. Начиная отъ праздника пастуховъ до праздника росы продолжались между работами сельскими пѣсни, игры, забавы: въ ету пору и теперь Литовскіе поселяне вообще веселятся. Изъ етого, можетъ статься, лѣтописцы и заключили, что праздникъ Ладоны продолжался цѣлый мѣсяцъ; но онъ въ самомъ дѣлѣ начинался наканунѣ 24го Іюня: ета ночь собственно называлась *Роса*, которую праздновали почти всѣ сѣверные народы; ибо почитаніе богини Ладо было у нихъ общее. Праздникъ Росы на Руси извѣстенъ подъ именемъ *Купала*, въ Литвѣ *Купайла*, а въ Польшѣ — *Соботки* отъ гл. *собить*, *собина*, *приспособить*, какъ бы день, приготовляющій къ полевымъ работамъ; ибо въ теплѣйшихъ странахъ праздникъ етотъ почти сходится съ сѣнокосомъ (142). Литовцы по селамъ и городамъ празднуютъ Ивановскую ночь. Поздно вечеромъ всегда сбираются они на извѣстномъ мѣстѣ, избранномъ и освященномъ изконными обычаями: тамъ на оболоньи (полянѣ) ставятся палатки и шалаши; пѣсни, музыка, танцы и разведенные огни

(142) Gry i zababony róznych stanów. p. *L. Gołębiowskiego*. w. Warschawie, 1831. 8.

продолжаются во всю эту ночь. Донынѣ въ Вильнѣ, 24 Іюня, народъ вечеромъ сходится въ лѣсъ за городъ пить, ѣсть и веселиться; это называется у нихъ: *итти на росу*. Въ Ивановскую ночь, по мнѣнію народному, цвѣтетъ для счастливцевъ папоротъ (paproć), которой извѣстенъ во всей Бѣлостокской области, на Волынѣ. Сходбище на одномъ мѣстѣ народа называется *стадомъ* (stado), а пляска — *коркодономъ*. Въ Литовскомъ язычествѣ этотъ праздникъ имѣлъ свои религіозные обряды, до насъ не дошедшіе, кромѣ перескакиванія черезъ огонь и ношенія факеловъ и фонарей. Слѣдующій день почитался святымъ; тогда собирались травы для врачеванія скота, также для чарованія или колдовства: что̀ дѣлалось и на Руси. Миѳологи замѣчаютъ, что сей праздникъ, у Славянъ слывущій *Купалою*, соединяемъ былъ съ молитвами рѣкамъ и источникамъ. Вѣроятно, и Литовцы, которые святили свои воды текучія и стоячія, въ этотъ день приносили имъ жертвы, бросая ихъ въ воду. Даже, можетъ быть, названъ онъ *праздникомъ росы* въ слѣдствіе мнѣнія Древнихъ, что рѣки суть дѣти моря, родящіяся отъ испареній морскихъ, отъ коихъ бываетъ и роса. Замѣчательно, что оный тѣмъ отличенъ

отъ другихъ, что не оканчивался поминовеніемъ усопшихъ.

5. Когда солнце вступаетъ въ знакъ Льва, тогда, при началѣ жатвы, совершается у Литовцевъ праздникъ *Зажинокъ* (Papiumene). По описанію Ласицкаго, самъ хозяинъ, сжавъ первый снопокъ ржи, приносилъ его въ домъ и ставилъ въ переднемъ углу; на другой день начиналась жатва. Во время Язычества, вѣроятно, етотъ снопокъ нуженъ былъ для какихъ нибудь религіозныхъ обрядовъ, отправлявшихся въ домѣ. Прусскіе лѣтописцы основываютъ весь етотъ торжественный обрядъ на общемъ пирѣ всего села̀, гдѣ вкушали новый хлѣбъ. Нынѣ въ Литвѣ при етомъ случаѣ остались только слѣдующіе обряды: 1) жница, при самомъ началѣ жатвы, какъ скоро захватитъ и отрѣжетъ серпомъ первую горсть ржи, откладываетъ ее въ сторону; между тѣмъ работа продолжается съ особенными пѣснями, поющія жницы смѣняютъ однѣ другихъ. По окончаніи дневной работы, первая жница, украшенная цвѣтами, несетъ первенца жатвы впереди всѣхъ жницъ на барскій дворъ, гдѣ угощаютъ ее съ сотрудницами. Все время жатвы въ Литвѣ услаждается пѣніемъ и весельемъ: оно дѣлается непрерывнымъ празд-

нествомъ. У древнихъ етотъ праздникъ назывался Praorsiae, а у простолюдиновъ Pracacturiae, и отправляемъ былъ съ нѣкоторыми духовными обрядами. — *Толока* (Tłoka) извѣстна вездѣ въ Литвѣ, гдѣ такъ какъ и Кіевской и другихъ Губерніяхъ, на полевую работу приглашаются охотники за хорошее угощеніе, сопровождаемое пѣснями и увеселеніями.

6. *Послѣдній день жатвы*, празднуемый въ Литвѣ каждымъ земледѣльцемъ, называется Dapiumeno, коего слѣды есть въ великой, малой и бѣлой Россіи. Изъ послѣдней горсти сжатаго хлѣба жнецы сплетаютъ вѣнокъ, украшенный цвѣтами и травами. Изъ среды своей они выбираютъ молодую вѣщательницу, и по окончаніи работы, идутъ на барскій дворъ. Избранная предшествуетъ имъ съ онымъ вѣнкомъ на головѣ: шествіе сопровождается громкимъ пѣніемъ; хозяинъ встрѣчаетъ вѣнокъ, съ хлѣбомъ и стаканомъ пива на блюдѣ, и въ горницѣ принимаетъ отъ жницы вѣнокъ, какъ Божій даръ. Въ старыя времена, кромѣ такого частнаго празднованія, у всякаго хозяина бывало общее торжество для всего селенія и жертвоприношеніе богамъ, какія описываетъ Груновій, свидѣтель оныхъ въ XVI вѣкѣ.

7. Въ Сентябрѣ, по окончаніи полевыхъ работъ, когда въ Великой Россіи празднуются *Семенъ день, Семешна недѣля, бабье лѣто, Аспосовъ день; въ Литвѣ* отправлялся *великій праздникъ*, который называетъ Стрыйковскій *главнѣйшимъ*, въ честь *Земенника*. Въ ето время приносили на жертву множество домашнихъ животныхъ самцовъ и самокъ, вѣроятно, въ честь отечественныхъ боговъ и богинь. По свидѣтельству позднѣйшихъ лѣтописцевъ и по преданію народному, на етотъ праздникъ собирался народъ изъ всей общины въ одно мѣсто, принося каждый по достатку свою часть въ складчину. Въ обширнѣйшемъ зданіи по срединѣ накрывался столъ столешниками или скатертями; на четырехъ углахъ онаго ставили большія чаши (цебры) съ пивомъ, приносили туда связанныхъ попарно тельца и телицу, барана и овцу, козла и козу, борова и свинью, пѣтуха и курицу, гуся и гусыню и т. д. Жрецъ, прочитавши молитву надъ сими животными, начиналъ бить ихъ палкою, а присутствовавшіе добивали съ такими словами: „Ето тебѣ, „о Земленикъ, боже нашъ, жертвуемъ и кла„няемся, что въ минувшее лѣто ты насъ „сохранилъ въ здравіи, обиліи всякаго добра „и въ достаткѣ, соблюдалъ отъ огня, меча,

„моровой язвы и отъ всѣхъ враговъ.“ — Такимъ образомъ, побивъ звѣрей и птицъ безъ пролитія крови, варятъ, жарятъ мясо, приготовляя кушанья для пирушки, которая сопровождалась игрою на трубахъ. Сей праздникъ у Пруссовъ оканчивался при храмѣ Швентѣ (святынѣ, нынѣ *святая съкира*), гдѣ находился кумиръ бога Курко, или Сѣменника, обрядомъ сокрушенія онаго и приготовленіемъ новаго.

8. Торжественныя поминки, или Родительская въ Литвѣ извѣстна подъ именемъ *Хавтурей* (Chauturas) отъ Chau, *ховъ*, смерть: отсюда chowai хоронить, погребать: она представляла посмертные дары и подчиваніе покойниковъ. Поминки сіи *Дѣдины*, *Осенины*, (*Обга?*) отправлялись въ Октябрѣ почти въ то же время, какъ у насъ бываетъ *Дмитріевская суббота*, въ память усопшихъ родителей, родственниковъ, друзей и благодѣтелей. У Латышей день сего благоговѣйнаго обряда назывался Deewa deenos, т. е. *Божій день*, или Welli, т. е. праздникъ богини вѣчности Веллоны; въ Древности, обряды въ честь ея напоминали будущую жизнь и трудный путь въ вѣчность. Древнѣйшій этотъ обычай, общій съ Литовскою Русью, въ западной Руси слыветъ Dziady дѣды, нищіе, которымъ въ

его время раздается щедрая милостыня, или по объясненію Мухлинскаго, его торжество совершалось въ память душъ усопшихъ предковъ, которое прежде называлось *пиромъ козла*, гдѣ первенствовалъ *козляръ*, *гусляръ*, жрецъ и пѣснопѣвецъ (143). Тогда пекли лепешки, (Sikies wellonia pamixlos): это были родъ Рускихъ блиновъ, печеныхъ на сковородѣ, на коихъ изображался знакъ *темикеліосъ*, т. е. кружокъ, а надъ нимъ подобіе креста, или ключь миоическій (♁). Такіе блины употребляются еще при поминкахъ у Татаръ Литовскихъ подъ названіемъ *Джамы*, кои на Персидскомъ значатъ образки. Подобный праздникъ у Римлянъ извѣстенъ былъ подъ именемъ circumpotatio, круговая чаша, а у древнихъ Славянъ *стыпа*, или *страва*; на Польскомъ и донынѣ stypa значитъ похороны, а strawa харчь, кормъ. Радуница, празднуемая въ великой и бѣлой Россіи во вторникъ на Ѳоминой недѣлѣ, въ Рязанской Г. называется *наской* и *навій день*: что̀ сходно съ Литовскимъ словомъ navie мертвецъ (144); ибо въ этотъ день сбираются на могилки на кладбище поминать родителей.

---

(143) Huslarz Польск., а Богемское Hozlar знач. чародѣй, кудесникъ: это сходно съ происхожденіемъ Греческой *трагедіи*.

(144) Ср. *Карамз.* И. Г. Р. т. II, прим. 189.

Мѣстомъ заупокойнаго пира у Литовцевъ бываетъ или кладбище, или домъ близъ онаго. При погребеніи усопшихъ Литовцы употребляли *причитанія*, сходныя съ Рускими простонародными, напр.: „Для чего ты умеръ? „развѣ у тебя не было пищи и питья? „Для чего ты умеръ? развѣ у тебя не было „красной молодицы?" и пр. У нихъ также въ третины, девятины, сорочины дѣлались поминки пиршествами (145). Достойно примѣчанія, что обыкновеніе дѣлать пиршества въ честь усопшихъ, было почти общимъ у всѣхъ языческихъ племенъ, даже и у народа *Божія*, какъ видно изъ Пророка Іереміи (XVI, 6, 7) и другихъ.

9. *Ильги* (Ilgi), долгій праздникъ въ началѣ Ноября, неизвѣстный въ Россіи, продолжался двѣ недѣли; по свидѣтельству лѣтописцевъ, состоялъ изъ великихъ жертвоприношеній Перкуну, бесѣдъ, игръ (гуслярствъ). Литовскій лѣтописецъ говоритъ, что Самогитяне учредили *долгій праздникъ* по такому именно случаю: когда Крыжаки (рыцари креста), овладѣвъ всею Самогиціей, вездѣ имѣли свои усадьбы и долго

---

(145) Сѣверный Архивъ, 1824, No 3 и 4, статья о Литов. Миѳологіи.

державъ природныхъ жителей въ неволѣ и угнѣтеніи, вывели ихъ изъ терпѣнія грабежами и насиліемъ: тогда Самогитяне, сговорившись тайно, 3 Ноября, 1281 года, вырѣзали всѣхъ своихъ утѣснителей и потомъ, пируя двѣ недѣли сряду, приносили благодарственныя жертвы богамъ, и въ воспоминаніе этого событія учредили *долгій праздникъ*.

10. На третій день послѣ предъидущаго отправлялся праздникъ *Вайжганта*; для онаго избиралась въ селеніи прекрасная, дородная и ловкая дѣвица, которая съ вѣнкомъ на головѣ, въ бѣломъ платьѣ и съ передникомъ, наполненномъ блинами и аладьями (sikies), вводилась въ стодолу, или обширное зданіе, гдѣ приготовлялось пиршество, соединенное съ особливыми обрядами. Стоя на одной ногѣ на скамьѣ, а другую нѣсколько приподнявъ, съ лицемъ, обращеннымъ къ дверямъ, она держала въ лѣвой рукѣ длинную ленту, а въ правой стаканъ пива, и произносила слѣдующія слова: „Божокъ Вайжгантосъ, уроди „намъ ленъ такой долгій, какъ я; не допу„сти, чтобы мы нагіе ходили!" Троекратно повторивъ сіе, она сперва выпивала разомъ пиво, потомъ лила его на лѣвую сторону скамьи своей, а наконецъ бросала стаканъ на

правую сторону. Наконецъ бросала изъ фартука всѣ блины вверхъ; упавшіе направо съѣдались присутствовавшими при семъ обрядѣ, упавшіе налѣво обращались въ собственность земли и боговъ подземныхъ, а потому и глубоко зарываемы были въ землю. Ежели сія дѣвица, родъ жрицы, не могла устоять во все продолженіе обряда на одной ногѣ, теряла равновѣсіе, или падала со скамьи: изъ сего заключали о неурожаѣ льна. За тѣмъ слѣдовали пляски вокругъ скамьи; дѣвушки взявшись за руки, скакали, припѣвая: „Возьмемъ веретены, сдѣлаемъ ку„дели, уставимъ красны! Ванджаптосъ бу„детъ милостивъ до насъ; ибо *баиота*, пре„краснѣйшая дѣвушка нашего села, исправно „простояла на одной ножкѣ!“

11. Въ Февралѣ м. совершается *праздникъ Рагута* попойкою. Въ опредѣленное на сіе время, черезъ восемь дней, народъ въ Литвѣ предавался разнымъ увеселеніямъ и пьянству въ честь сѣвернаго Бахуса, коего болванъ, или нѣчто похожее на него, возили на саняхъ, запряженныхъ пестрыми быками, изъ деревни въ деревню, такъ какъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Россіи объ Масляницѣ. Поѣздъ сопровождался масками и толпою на-

рода. У древнихъ Литвиновъ этотъ праздникъ названъ: Kurzeemi, или Kurzumi.

12. *Коледою* (Okkaat-gimimas) у нихъ оканчивался старой годъ, который, по новому Римскому календарю, приходился почти въ половинѣ Марта, т. е. на исходѣ луны сего мѣсяца. Въ послѣдствіи времени, при перемѣнѣ календаря, сей праздникъ впадалъ уже въ 25 Декабря и отправлялся въ честь бога Оккапирмоса, съ ворожбою и загадываніемъ, примиреніемъ со врагами и приготовленіемъ себя къ жизни добродѣтельной въ новомъ году: для сего соединены были съ этимъ празднествомъ угощенія, навѣщанія и поздравленія. Такой праздникъ извѣстенъ былъ почти всѣмъ древнимъ народамъ. У Литовцевъ на-канунѣ Коледы бывалъ *вечеръ колодокъ*, который они таскали изъ селенія въ селеніе, перескакивали черезъ оный и потомъ сжигали его съ разными странными обрядами и пѣснями. Латыши до сихъ поръ помнятъ *Блокковой*, или *вечеръ колодокъ*, который бывалъ о Рождественскихъ Святкахъ. Въ Кіевѣ и даже во всей почти Малороссіи донынѣ женатые привязываютъ къ ногамъ холостыхъ колодку, отъ коей послѣдніе откупаются угощеніемъ и деньгами. Это на Масляницѣ называется: *волочить ко-*

лодку. По наблюденіямъ Нарбутта, въ окрестностяхъ Бовска, по сожженіи старой колоды, показывали новый болванъ изъ дерева, убранный лентами, который вырывали женщины и куда прятали съ пѣснями и криками. Повидимому, это долженъ быть символъ возрожденія Оккапирмоса, Литовскаго Сатурна. На-канунѣ Рождества Христова былъ у нихъ родъ земледѣльческаго пиршества, на коемъ были варива изъ разныхъ хлѣбныхъ зеренъ и овощей (кромѣ бобовъ), приправленныя медомъ: это вариво и теперь въ Литвѣ называется *кутьею* (kucya). Въ Украйнѣ въ тоже время приготовляется подобная кутья, или кутя, и ставится на покути, т. е. въ углу подъ образами: въ одномъ горшкѣ пшеница, въ другомъ яблоки, сливы, груша, варенья въ меду: оба горшка ставятся въ сочевники. Въ ночь на новый годъ, по вѣрованію Литовцевъ, являлись духи; они гадаютъ о будущемъ литьемъ воска и олова, такъ какъ у насъ въ Васильевъ вечеръ. О чертяхъ, упыряхъ, вулколакахъ и оборотняхъ въ Литвѣ утвердилось вѣрованіе изъ старинныхъ преданій (146).

---

(146) Lud Polski jego zwyczaje, p. Ł. *Gołębiowskiego*. Warszawa. 1830. 8.

Между свадебными обрядами у Литов цевъ вечеръ передъ вѣнчаніемъ начинается обрядомъ, извѣстнымъ подъ именемъ *кунигованія,* который состоитъ въ томъ, что невѣста сопровождается съ пѣснями къ господскому дому, гдѣ минувъ первую дверь, бросаетъ подарокъ въ уголъ каждой комнаты. Подарки сіи состоятъ изъ шерстяныхъ поясовъ, ею окрашенныхъ, изъ платенецъ, или кусковъ холста. Нѣсколько разъ поклонясь господину въ ноги, она возвращается домой съ пѣснями въ сопровожденіи взрослаго парня, называемаго ея братомъ. Въ етомъ обрядѣ видѣнъ родъ окупа за дѣвицу, выходящую за мужъ; онъ извѣстенъ былъ во всей Европѣ подъ названіемъ: Cunagium, Panienskie, или Kunica, дѣвичье, а на Руси: *куничное, свадебная, вѣнечная куница* (147). Въ Костромской губ. доселѣ поютъ въ свадебныхъ пѣсняхъ:

А попу по куницу, куницу,
А попадьѣ по лисицу, лисицу;
А попову по сынку
Бумажечку синю.

---

(147) см. Собраніе Госуд. грамотъ, ч. I. стр. 411. „А мировая куница и свадебное имати по шести грошей, а со вдовы имати по томужъ, которая пойдетъ за мужъ.“

Славяне въ танцахъ своихъ вѣрно имѣли что нибудь торжественное и религіозное. Когда собиралось *стадо Господне*: тогда съ дѣвичей горы сходили будущія невѣсты рыцарей, пригожіе молодцы, замужніе и женатые, старики и дѣти, хлопая въ ладоши и крича *Ладо Ладо!* среди танцевъ и пѣсенъ шли къ городищу, гдѣ приносились жертвы и совершались обряды (148). Какъ въ Сѣверовосточной Россіи вожденіе танцовъ или тонковъ именуется *короводомъ* (см. стр. 68): такъ Русь и Литва танцы свои прозываютъ *короходомъ* (koroḣod), говоритъ Гвагнинъ, вѣрно *скороходомъ*, при коемъ хлопаютъ въ ладоши и поютъ *Ладо.*— Собошки представляютъ тоже древніе танцы, а слѣды стада Господняго (stado boże) едва уже нашелъ Ходаковскій.

Литва почитается гнѣздомъ повѣрьевъ Славяно - Рускаго Язычества; нынѣшняя Самогицція носила имя *Святой земли.* При сличеніи же Миѳологіи и Еортологіи Литовцевъ съ Славянскими, открывается, что онѣ ближе къ Римскимъ и Греческимъ, чѣмъ Славянскія и что онѣ мало имѣли связи съ Польскими миѳами и праздниками, исклю-

---

(148) Длугошъ говоритъ, что въ Духовъ и Троицынъ день еще на его памяти народъ именно въ Литвѣ

чая тѣ обряды, кои были общими почти всѣмъ языческимъ народамъ (149). Въ чемъ же сходствуютъ божества, повѣрья и обряды Славянорускіе съ Индѣйскими, Греко-Римскими, въ томъ и Литовскіе съ ними почти тождественны, напр.: вѣчный огонь, благоговѣніе къ водамъ, превращенія, прорицанія, колдовства, жертвы и даже самыя названія боговъ и духовъ.

Какъ о Язычествѣ Россіянъ и Чеховъ, такъ равно и Поляковъ въ IX и X вѣкахъ, дошло до насъ мало свѣдѣній, какія сохранились у Длугоша, М. Мѣховскаго и Бѣльскаго; по свѣдѣнія сіи, замѣчаетъ Бандтке (150), такъ перепутаны съ Римскими миѳами, что трудно отдѣлить одни отъ другихъ; ибо, сіи историки нерѣдко называли Польскія и Славянскія божества именами Греческихъ и Римскихъ. Кромѣ господствовавшей мы-

---

и Руси подъ симъ именемъ проводилъ идолопоклонническія игрища. — Dzieje star. narodu Litewskiego. p. *T. Narbutta*. t. I. Wilno. 1835. 8.

(149) Исторія Государства Польскаго, соч. *Г. С. Бандтке*. т. I. СПБ. 1830. 8. Библіотека для чтенія, 1835, т. XIII, стр. 25, *Свитригайло*.

(150) Исторія Государства Польскаго, соч. Г. С. *Бандтке*, перев. съ Польск. т. I. Спб. 1830. 8.

ѣли о единомъ Творцѣ неба и земли, приводимыя Длугошемъ и его послѣдователями божества встрѣчаются сходныя съ божествами народовъ, соплеменныхъ Полякамъ, на пр.: *Перунъ* (piorun громъ), *Бѣлый и Черный богъ, Даждьбогъ,* или *Дашуба, Чуръ,* богъ предѣловъ, *Коляда, Купало, Ладо,* или *Лада, Хорсъ,* или *Корша,* одинъ изъ Кіевскихъ боговъ, также *Макошъ,* или *Мокошъ, Волосъ, Прове,* или *Прово, Стриба,* или *Стрибогъ, Посвистъ,* или *Похвистъ* и пр. Въ преданіяхъ, сказкахъ, поговоркахъ и пѣсняхъ у Поляковъ и Рускихъ упоминаются *Кикиморы, Дубыни, Горыни, Полканы, Волоты, Кащеи. Русалки* въ Польшѣ называются по Нѣменю и Свитезю, то *Нѣмнянками,* то *Свитезянками,* см. стр. 12. Меховита замѣчаетъ, что какъ въ Россіи припѣваютъ *Лада, Лада:* такъ Мазуры восклицаютъ *Дана Дана, Дада Дада.* Гванинъ говоритъ, что Поляки развеселясь, восклицали: Lelum polelum, сходное съ Рускимъ: *Ай люли люли!* Отъ этого и поговорка: Lelum polelum, swistum poświstum. Леля и Позвиста Войцицкій почитаетъ за языческія божества въ Польшѣ.

Длугошъ утверждаетъ, что божества сіи имѣли капища и требища; вѣроятно что онѣ, такъ какъ велось у Славянъ, что-

мы были въ заповѣдныхъ дубравахъ и на холмахъ, гдѣ совершались торжественные обряды и праздники, на кои, по свидѣтельству Длугоша, въ опредѣленные дни сходились мущины и женщины съ дѣтьми для принесенія жертвъ и исполненія обѣтовъ. Въ честь божествъ учреждались игры, сопровождаемыя соблазнительными пѣснями, плясками, скачками и рукоплесканіями, о коихъ упоминаютъ и домашніе наши писатели. „Остатки сихъ игрищъ и обычаевъ „у Поляковъ — продолжаетъ Длугошъ — „существуютъ донынѣ и по истеченіи пяти вѣковъ ихъ Хрістіанства; такъ на прим: ежегодно въ дни Пятидесятницы повторяется игрище древнихъ языческихъ суевѣрій, которое называется у нихъ *Стадомъ* (Stado); ибо народъ раздѣлясь на толпы, празднуетъ попойками, крикомъ и неистовыми плясками.“ *Стадо* это сходно съ нашею *Тюльпою* или *толпою* (turba?), какая бываетъ на Семицкой, или Троицкой недѣлѣ (151).

Праздникъ смерти зимы и возобновленія весны (Umorzona zima) сопровождается въ

(151) *Ioannis Dlugossii* Historiae Polonicae libri XII. ed. *Gabrielis Grodeckii*. Lipsiae. 1711. f.

Великой Польшѣ и Силезіи тѣмъ, что топятъ въ водѣ *Маржану*, убравши чучело въ видѣ женщины. Етотъ обрядъ совершается въ Мартѣ мѣсяцѣ, о коемъ и пословица гласитъ, что Miesiąc Marzec zwykł starych straszyć *marami*, т. е. мѣсяцъ Мартъ привыкъ *морочить* (стращать марами, мечтами) старыхъ. Въ Польшѣ, какъ и въ Россіи, извѣстно Marcowe piwo, *Мартовское пиво*, которое варится къ етому празднеству. Нарушевичь говоритъ, что Маржана, (или Марана у Поляковъ, Силезцовъ, Лузатиновъ, Сорабовъ, и даже Семиградцевъ, имѣла божескія почести, какъ богиня смерти; ибо и въ Индіи *Марана* значитъ смерть (152). Мартынъ Бѣльскій въ Хроникѣ своей говоритъ слѣдующее о происхожденіи сего торжественнаго обычая: „Мѣшко слѣпорожденный, послѣ отца своего избранъ на царство. У него было семь любовницъ, отъ коихъ не имѣлъ дѣтей: что и „печалило его; и потому уговаривали его нѣкоторые христіане, чтобы онъ крестился, если хочетъ имѣть потомковъ. Онъ „послалъ къ Чехамъ за дочерью Короля

(152) Въ Малороссіи ругаются: *Мара свитова*, т. е. Ека ты сатана! разумѣя душегубнаго злаго духа.

„Болеслава, что убилъ брата Вацлава, име-„немъ Домбровку. Король Чешскій на это „согласился съ тѣмъ, если приметъ св. „крещеніе. Мѣшко принялъ это условіе и „крестился въ лѣто отъ Р. Х. 965 въ „Гнѣзнѣ: тамъ назвали его *Мечиславомъ* отъ „*славы* доброй, а прежде именовался *Мѣшко* „отъ *замѣшательства* въ Государствѣ и отъ „того, что родился слѣпымъ. Онъ приказалъ „богатымъ и бѣднымъ креститься 7 Марта, „ввергши въ огонь деревянныхъ болвановъ и „побросавъ въ воду каменныхъ. Отъ того и „нынѣ еще тотъ обычай въ Великой Польшѣ „и Силезіи, что седьмаго Марта топятъ „Маржану, нарядивъ ее женщиною, и вышед-„ши изъ деревни, припѣваютъ: „*Смерть вьется* „*по заборамъ, ища хлопотъ.*“ Ибо не задолго „предъ тѣмъ они почитали планеты, *Погоду*, „*Погвизда, Гелу, Ладу, Дзѣвану*, т. е. Діану, „Маржану и многихъ другихъ.“ Въ продолже-ніи Хроники М. Бѣльскаго, изданномъ его сы-номъ Іоакимомъ въ 1597 г., подтверждается это слѣдующимъ свидѣтельствомъ: „Поляки, „принявъ Христіанство, перебили изображенія „болвановъ, въ коихъ почитали чертей за бо-„говъ, вездѣ по городамъ и деревнямъ, а другихъ „сожгли: также уничтожили всѣ языческія „мольбища, назначивъ для сего извѣстный день,

„т. е. седьмое Марта. Таковые болваны ви-„дѣлъ Мѣховита позолоченные въ церкви С. „Троицы въ Краковѣ, гдѣ они долго валялись „на землѣ. Во время тогоже Мѣшка, въ Кра-„ковѣ надъ Вислою, гдѣ нынѣ женскій мона-„стырь Св. Агнешки, было Греческое капи-„ще, изъ коего также Мѣшко повелѣлъ вы-„бросить чертовскіе болваны и на мѣсто „оныхъ поставить изваянія страстей Хрісто-„выхъ. На моей еще памяти, велся у насъ „по деревнямъ тотъ обычай, что въ бѣлую „недѣлю послѣ поста топили болвановъ, сдѣ-„лавъ изъ снопа или конопли подобіе чело-„вѣка и нарядивъ его въ одежду, провожали „до озера или лужи, куда бросали его, снявъ „одежду съ жалобными припѣвами.“ Етотъ обычай, существующій въ Славянскихъ земляхъ, совершается и въ Саратовской Г., гдѣ при *провожаніи весны* дѣлаютъ также соломенное чучело, наряженное въ кумачный сарафанъ и убранное цвѣтами, съ чуплюкомъ (кокошникомъ) на головѣ, съ ожерельемъ на шеѣ; накапунѣ Петрова дни носятъ оное по всему селенію, потомъ раздѣвъ, бросаютъ въ рѣку.

Первые дни Мая у Поляковъ (Maj, majówki), такъ какъ и Славянъ, посвящались ве-

селости и гулянью. Голембовскій говоритъ, будто у древнихъ Поляковъ была богиня *Мая*, покровительница сего мѣсяца, которую прославляли въ пѣсняхъ и плясках. Она сходствуетъ съ Финскимъ Ма земля; самъ Туръ или Торъ, по свидѣтельству Сагъ Исланд., былъ сынъ земли (Maja) (153), обновляющейся въ Маѣ мѣсяцѣ, который находится въ созвѣздіи Тура (Тельца). Въ Литвѣ, 1 го Мая, на лугу прежде вкапывали дерево, украшенное разноцвѣтными лоскутками, и вокругъ его плясали въ зеленыхъ вѣнкахъ, припѣвая:

Kolo toho da zielonoho kusta
Posijano soczyweczku z husta,
Kto tuju soczyweczku porwe,
To tuju dzieweczku za muż wozme.

Какъ въ Литвѣ и Россіи, Великой и Малой, такъ и въ Польшѣ празднуется почти съ одинакими обрядами *Ивановская ночь*, или *Купала* (Kupalna noc), въ послѣдней подъ названіемъ Sobótki (154), а у Волоховъ и Ита-

---

(153) *Maia* также мать Меркурія.

(154) Гора есть въ 5 мил. отъ Врацлава Sobotka Соботка, описываемая Кохановскимъ; отправлялась въ воеводствѣ Сендомирскомъ; гора Zobten есть по Нѣмецкому произношенію названіе города и горы въ Силезіи, и по Польски, Соботка.

ліанцевъ подъ именемъ Sabatina: зажигаемые на горахъ сего имени огни въ сей день могли имъ сообщить сіе названіе. „Какъ у насъ на „канунѣ Иванова дня женщины зажигали огни, „также плясали вокругъ ихъ, пѣли, возда- „вая поклоненіе діаволу (говоритъ Мартинъ, „писатель XVI вѣка): такъ и донынѣ въ „Польшѣ не оставляютъ сего обычая, принося „жертвы изъ чернобыльника (bielicy, artemisia), „который вѣшаютъ по домамъ и опоясыва- „ются имъ, отправляютъ Собошки, зажигая „огни, кои добываются тренiемъ дерева объ „дерево" (155). Въ день Святаго Ивана у Поляковъ сельскіе жители имѣютъ обыкновеніе опоясываться чернобыльникомъ и цѣлую ночь возлѣ огня прыгать, говоритъ *Голембовскій*. Краковскія Собошки праздновались на Кремiонкахъ и звѣринцѣ, Варшавскія на берегу Вислы и на островѣ, нынѣ называемомъ *Саксонскимъ*; въ цѣломъ краю зажигали Собошку, на площадяхъ и близъ лѣсовъ: вездѣ можно было видѣть по домамъ цвѣты и травы, говоритъ въ своемъ путешествіи по Польшѣ *Огіеръ* 1635 въ 3 томѣ Памятниковъ Нѣмцевича. Ивановскій огонь назывался Kresz.

---

(155) Marcin Urzedow herbarz czyli zielnin. 1595. f.

Янъ Кохановскій въ изданныхъ имъ 1639 г. пѣсняхъ Свято-Собопскихъ пакъ изображаепъ епопъ обрядъ: „Когда солнце согрѣваепъ „рака, а соловей болѣе не поепъ: Субопка, „какъ было вспарь, запалена въ Черномъ „лѣсѣ. Такъ намъ передали мапери, сами „также запявъ опъ другихъ, чпобъ на день „С. Іоанна завсегда горѣла Субопка.“ Епа Субопка зажигалась или на лугу, или при лѣсѣ.

Бабье лѣто (Babie lato) извѣспно у Поляковъ, копорые подъ симъ именемъ разумѣюпъ ясную, продолжипельную осеннюю погоду. Линде объясняепъ ето lato swięto-Marcińskie: можепъ спапься, попому, чпо осень продолжается до 11 Ноября, до Marcina Biskupa. Народъ празднуепъ епопъ день; въ Вильнѣ во всякомъ домѣ жаряпъ для служипелей гуся, копорый называепся *Мартынскимъ.* Канунъ новаго года (Wilia nowego roku, kolenda) сопровождался угощеніями, поздравленіями и наблюденіемъ примѣпъ: чпо и донынѣ продолжаепся (156). Какъ у насъ на Новый годъ въ Васильевъ вечеръ, пакъ во всей Польшѣ въ Андреевъ день (30 Ноября) дѣвушки

---

(156) Вѣспникъ Европы 1826, № 3 и 4.

тайно гадають о будущей судьбѣ своей литьемъ воска и олова въ воду и катышками хлѣба.

У Поляковъ и Русиновъ въ Древности совершался праздникъ Kolęda, ko Lado, коего обряды съ нѣкоторыми перемѣтами донынѣ повторяются. Во время Коледы, въ Польшѣ гадали и игрывали Нѣмецкія комедіи. Въ Прусской Польшѣ, въ Гумбингенскомъ округѣ, отъ Рождества Хрістова по Богоявленіе съ дѣвицами съ цѣлой деревни сбираются въ одну какую нибудь избу забавляться разными играми и плясками до самаго пѣнія пѣтуха. Какъ *Юрьевъ день весенній*, такъ и *Михайловъ осенній* бываютъ въ Литвѣ и Польшѣ предѣлами сроковъ и сдѣлокъ; съ нихъ начинаются и оканчиваются ими хозяйственныя условія.

Въ праздникъ *трехъ Царей* (trzech królów), о коемъ мы выше упоминали, въ Литвѣ и даже въ нѣкоторой части Польши наряжаются въ маски и ѣздятъ одинъ къ другому въ гости. Масляница, у Поляковъ Zapusty, бывала временемъ забавъ и веселостей, кои состояли въ маскированіи и наряжаніи въ разные образы, плясках, пѣніи, въ катаньѣ и пиршествахъ. Въ Россіенскомъ повѣтѣ Виленской г. привязываютъ чучело, похожее на человѣка, къ колесу, съ коимъ оно вертится. Что бываетъ, какъ

увидимъ, и въ нѣкоторыхъ губерніяхъ Великой Россіи. Запустные дни были въ великомъ уваженіи у старобытныхъ Поляковъ (157).

Какъ на Рождество Христово, Новый годъ, на Свѣтлый праздникъ, въ Троицынъ и Духовъ дни, такъ особенно отъ масличнаго четвертка до пепельной середы первой недѣли Великаго поста бывали въ Польшѣ по разнымъ домамъ пляски и пированья, кои оканчивались въ четвертокъ *полосканьемъ* рта, какъ у Рускихъ простолюдиновъ чистымъ понедѣльникомъ.

При похоронахъ у Славянъ Польскихъ отправляемы были ристалища съ пиршествами, кои извѣстны и въ Россіи подъ именемъ *Тризны*, а у западныхъ Славянъ — *Стравы*: strawa значитъ на Польскомъ кушанье, приготовленное на огнѣ; отсюда trawić ogniem, сожигать огнемъ. Длугошъ свидѣтельствуетъ, что подобныя ристалища и пиры языческіе при похоронахъ отмѣнены были владѣтельными Князьями. Надъ прахомъ усопшихъ насыпались могилы, называемыя въ Россіи *курганами*; оныя насыпи въ Великой Польшѣ, въ землѣ

(157) Gry i zabawy rożnych stanów w kraju całym, lub niektórych tylko prowincyach. p. L. *Gołębiowskiego*. Warschawa, 1831. 8.

Добрѣтской, въ Кујавахъ и въ землѣ Хельминской въ Пруссіи извѣстны подъ именемъ *жалей*, а въ Новгородской г. подъ именемъ *жальниковъ*.

При сравненіи свадебныхъ обрядовъ, имянинныхъ и родинныхъ пировъ, игръ и забавъ Польскаго народа съ Рускими, найдется много сходнаго, общаго или заимствованнаго однимъ у другаго. Не останавливаясь на етихъ предметахъ, о коихъ подробно пишетъ Голембовскій въ приведенныхъ нами сочиненіяхъ, пойдемъ далѣе. О древнемъ обычаѣ Славянъ, вѣроятно, языческомъ свидѣтельствуетъ поговорка у Поляковъ Jak kamén w wodę, сходная съ Рускою: *Какъ камень въ воду* — которая означала вѣчное забвеніе гнѣва и оскорбленія. Етотъ обрядъ совершался при заключеніи мира съ врагами (158).

Съ водвореніемъ Католичества въ Польшѣ водворились и распространились въ ней разныя сценическія представленія и обряды, смежные съ Римскимъ Язычествомъ, кои допустила къ себѣ Римско-Католическая церкви

(158) *Вѣстникъ Европы*, 1827, No 16 ст. „о происхожденіи нѣкоторыхъ пословицъ Польскихъ."

ковъ. Оно вытѣснило многіе древніе Польскіе обычаи, такъ что въ нихъ осталось мало *народности,* хотя Мазуры и твердятъ объ оной. Безпрерывныя сношенія Россіи съ Поляками и владычество ихъ въ югозападной части оной запечатлѣли слѣды свои въ повѣрьяхъ, обычаяхъ и языкѣ Рускаго народа.

Ближайшее и точнѣйшее сравненіе Миѳологіи и Еортологіи Славянъ Закарпатскихъ и Задунайскихъ съ вѣрованіями и празднествами Славянъ Рускихъ могло бы открыть: что у тѣхъ и другихъ сохранилось общаго, характеристическаго и въ чемъ именно они различались по мѣстности, духу своему и образу жизни на Западѣ и Югѣ. Но какъ не у всѣхъ народовъ Славянскаго племени описана съ точностію и полнотою Миѳологія и Еортологія и не всѣ существующіе источники у насъ подъ руками: то мы и ограничимся здѣсь нѣкоторыми только извѣстными, болѣе общими чертами, а другія присоединимъ къ частнымъ описаніямъ праздниковъ народныхъ (159). Такъ называемая Славянская Миѳо-

---

(159) Mythologie der alten Teutschen u. Slaven, von A. Tkany. Znaim. 2 T. 1827. in 8.

логія и Еортологія не можетъ ограничиться одними Рускими, но должна быть изслѣдована у всѣхъ прочихъ народовъ Славянскаго племени, живущихъ около Вислы къ Западу до Ельбы и Везера, а къ Югу до Адріатическаго моря; ибо у нихъ болѣе осталось древнихъ памятниковъ Язычества; а миѳы и обряды ихъ служатъ къ дополненію и истолкованію первыхъ.

Ни у какихъ народовъ, замѣчаетъ Тунманнъ, не было столько мѣстныхъ боговъ, сколько у Славянъ, которые издревле слыли набожнѣйшими (160). Какъ сами Славяне являются въ мірѣ политическомъ подъ разными именами: такъ нерѣдко одни и тѣ же божества у нихъ носятъ различныя наименованія, отъ коихъ размножилось число оныхъ у позднѣйшихъ Миѳографовъ. Гельмолдъ, Кромеръ, Длугошъ, Мартинъ Бѣльскій и другіе, слѣдуя обычаю Грековъ и Римлянъ, сравнивали истинныя и мнимыя божества Славянъ съ Римскими и Греческими, и наоборотъ, сіи послѣдніе объясняли Славянскими. Въ Словарѣ Латино-Чешскомъ, Соломона, IX вѣка, отысканномъ Ганкою въ Пражской библіотекѣ, находимъ слѣдующія объясненія миѳологическихъ именъ: Лѣто Siva, Ваалъ bel

(160) *Helmoldi* Chronica Slavorum, l. I. 2 — 10.

Boh, Діана Déwana, Дріады Poludnice, Латона Letnice, Марсъ Zuatovit, Панъ Veless; Пенаты Screti, Пикъ сынъ Сатурновъ Ztracec Sitivratow zin, Сатурнъ Sytivrat; Сирена Lichoplesi; Тифоны Sani, Венера Lada; Церера Siva, Юпитеръ Perun; Меркурій Radigost wnukk Kirtow, Прозерпина Poritata и т. д. (161). Цесарь и Тацитъ также объясняли именами Римскими Германскія. Хотя миѳографы и историки причисляютъ большую часть приведенныхъ здѣсь божествъ и духовъ къ Миѳологіи Славянъ Рускихъ; но оныя болѣе принадлежатъ къ Задунайскимъ и Закарпатскимъ Славянамъ, которые имѣли свои вѣрованія и свою систему Миѳологіи. Рюгенъ и Ретра были столицами богоученія, богослуженія и торговли Славянъ (162); изъ етихъ разсадниковъ Язычества могли распространяться повѣрья и на Югъ и на Сѣверо-востокъ. Какъ въ единоплеменныхъ и соплеменныхъ народахъ господствуетъ одинъ общій духъ; не смотря на случайныя уклоненія: то и у Славянъ, говорившихъ нарѣчіями одного слова, могли

(161) Москов. Вѣстникъ, 1828, No 2.

(162) Wyklad čili přjmětky a Wyswětlitwky kn Sláwy Dcer̆e. od *I. Kollára.* w Pesti. 1882. 8.

быть общія, коренныя и взаимно сходныя понятія. Византіецъ Прокопій говоритъ объ Иллирійскихъ Славянахъ, что „они признавали Творца молніи за единаго Бога." Вѣроятно, что Славяне на Одерѣ смѣшавшись съ тамошними Нѣмцами, утратили чистое познаніе о единствѣ Бога, поклонялись ему подъ видомъ многообразныхъ и многочастныхъ предметовъ и явленій природы. *Перунъ* былъ общимъ божествомъ у племенъ Славянскихъ. У Люненбургскихъ Вендовъ и день Юпитера громовержца, четвергъ (dies Iovis), назывался peren dan, т. е. Перуновъ день. На Виндійскомъ нарѣчіи растѣніе Perúnica знач. iris Germanica. Perunova dubrava и Cerneborg находятся въ Сербіи; въ Далмаціи есть лѣсъ Pirun Dabrava (163). Тунманнъ и Славянскаго Прона почитаетъ за одно съ Перуномъ (164). По мнѣнію Карпато-Россовъ, (165) Перунъ владычествуетъ надъ *веснянками*, *осенянками*, *зимнянками* и *упырями*. Славянскій Панъ *Велесъ*, *Волосъ*, о сходствѣ коего съ Скандинавскимъ

---

(163) *Карамз.* И. Г. Р. ч. I, примѣч. 185, 203.
(164) Ученыя Записки И. М. У. 1835. No IV: о Руской Правдѣ.
(165) Въ Жупанствахъ (Графствахъ) Венгр. Мараморошскомъ, Угочьскомъ, Берегскомъ и Унгварскомъ.

Vali-ass выше замѣчено, былъ божествомъ общимъ, особенно у Славянъ, занимавшихся скотоводствомъ. *Ладо* воспѣвалась и донынѣ воспѣвается не только у Рускихъ, но и у Сербовъ, Болгаръ, Словаковъ, Славонцевъ, Хорватовъ (166). У южныхъ Славянъ вспоминается Ладо въ слѣд. пѣснѣ:

Лепи Иве терга роже,
Теби Ладо свети боже,
Ладо, слушай насъ Ладо!
Пѣвкѣ Ладо пева моти
Сердце наша вкланямоти,
Ладо, слушай насъ, Ладо! (167)

У Алдербургцевъ (Старогородцевъ) главнымъ божествомъ былъ *Проне,* у Полабовъ богиня *Сива,* у Оботритовъ *Радигастъ*, коимъ праздновали въ извѣстные дни года съ великимъ торжествомъ. Въ Моравіи есть гора Radgost, а Provo гора на Ругенѣ. Покровителемъ зем-

---

(166) Въ Болгаріи также въ разныхъ пѣсняхъ есть припѣвъ:

Ой Ладо, Ладо;
Момиче Ладо, т. е. дѣвица Ладо.

(167) *Ditmar Merseb.* str. 181: Est urbs in pago Riedererum Riedigost nomine, in eadem est fanum de ligno artificiose compositum. Huius parietes variae deorum dearumque imagines mirifice insculptae.

ли Ругенской былъ Свѣтовидъ (Zwantewitz), которому въ Ругенѣ поклонялись подъ именемъ *Бѣлаго* и *Чернаго бога* (Belbog, Zernebog), по свидѣтельству П. Штёкмана. Ему воздвигнутъ былъ великолѣпный храмъ, кому Балтійскіе Славяне платили десятину (168). Какъ въ Ругенскомъ, такъ и въ Штетинскомъ храмѣ были вѣщатели и совершались гаданія (169). У Западныхъ Славянъ въ особенномъ почтеніи былъ *Кродо* (*отъ краду?*), игравшій роль Меркурія, которому покланялись на горахъ, особливо на Брокенѣ, подъ видомъ старца, державшаго въ одной рукѣ колесо, а въ другой сосудъ съ цвѣтами и плодами: отсюда преданіе о чествованіи діавола на этой горѣ, особливо въ первомайскую ночь. Въ Помераніи на островѣ Волинѣ (Юлинѣ) главнымъ покровительствующимъ божествомъ почитался *Триглавъ*, получившій названіе отъ владычества своего надъ воздухомъ, водою и землею, или отъ трехъ пристаней острова: его признаютъ за одно съ *Свѣтовидомъ*. см. стр. 18.

---

(168) Опытъ Исторіи Росс. Госуд. и Гражд. Законовъ, соч. А. *Рейца*, перев. Ѳ. Морошкина. Москва. 1836. 8.

(169) A. *Krantzii* Saxonia. Francof. 1621. in f.

О существованіи *Триглава* напоминаютъ остатки города Trojeglava въ Славоніи и гора Treglau въ Краинѣ. Голову отъ кумира Триглава С. Оттонъ изъ Штеттина послалъ въ Римъ къ Папѣ Гонорію. — Что у Карпато-Россовъ *Русалки,* то у Виндійцевъ и Сербовъ *Вилы,* кои, по ихъ мнѣнію, живутъ на горахъ и на прибережныхъ скалахъ, изображаются молодыми, въ бѣломъ платьѣ, съ долгими распущенными по плечамъ и по груди волосами изъ осоки. У древнихъ Чеховъ Morusi туже ролю играли, что у Римлянъ incubi. Булгары вѣрятъ, что *Варколаки*, или *Полтеники* могутъ входить въ домы и вредить. Мы выше замѣтили, что поклоненіе источникамъ и старымъ дуплистымъ деревьямъ, особливо дубамъ, было общимъ не только у Славянскихъ, но и у Германскихъ племенъ (170). Наши лѣтописи свидѣтельствуютъ, что Руcкіе Славяне *клали требы* озерамъ, рѣкамъ и кладезямъ. см. стр. 23. Изъ пѣсенъ и обычаевъ на Руси видно, что *у воды* дѣлались гаданія, какъ напр. въ Семикъ; въ одной старой пѣснѣ, какую поютъ въ Подольской Г. подъ Межибожьемъ, замужняя жена, вдова и дѣвица вопрошаютъ криницу (ручей), который дѣлаетъ имъ отвѣты,

(170) *Карамз.* И. Г. Р. т. I. прим. 212. 214.

какъ оракулъ. Въ рукописномъ житіи XVI в, Князя Константина Муромскаго сказано, что Руские язычники „отъ очныя немощи умывались въ кладезяхъ и бросали въ нихъ сребряники"; что и донынѣ дѣлаютъ на святыхъ колодезяхъ, ключахъ, родникахъ, озерахъ. Подобныя обыкновенія встрѣчаются у Сербовъ. Въ упомянутомъ житіи пишется, что „дуплинамъ древянымъ вѣтви убрусцемъ обвѣшивающе, и симъ покланяющеся."

Хотя Длугошъ приписываетъ фетишизмъ только Пруссамъ и Литвѣ языческой; однако оный, по мнѣнію Бандтке, господствовалъ въ томъ или другомъ племени Славянъ. *Гроды*, *гродки*, *огродки*, *городища*, *лысыя*, *красныя* (чермныя, червонныя), *поклонныя горы* и *рощи*, *дубравы заповѣдныя*, какъ-то: Swaty bor близъ Салы въ Мерзебурѣ и Branibor въ Брандебургѣ, были мѣстами священными, гдѣ совершались жертвоприношенія и другіе обряды въ честь боговъ, умилостивительные или благодарственные, обѣтные, обычные или чрезвычайные (171).

Время опредѣленное и неопредѣленное у Славянъ называлось *годомъ*, *рокомъ*, *лѣтомъ*: у Вин-

(171) *M. Frenzelii* dissertationes historicae de idolis Slavorum. Vitebergae. 1688. 4. — Lausitzische Merkwürdigkeiten von Sam. Grosser. Leipz. 1714. 2 t. f.

дійцевъ и Чеховъ *годъ* (Hod) тоже значитъ, что prásdnik, svétik. Собственно годъ дѣлился у однихъ племенъ на двѣ половины: *лѣто* и *зиму* (см. стр. 45); у другихъ на три или на четыре, и на XII мѣсяцевъ, кои имѣли особенныя названія, различныя по мѣстности; по нимъ считались *праздники весенніе*, *лѣтніе*, *осенніе* и *зимніе*, распредѣлялись работы, сроки и отдыхи. Какъ у Закарпатскихъ и Задунайскихъ, такъ равно у Предкарпатскихъ Славянъ, т. е. Поляковъ, Рускихъ и Малороссіянъ, одни и тѣже древніе народные праздники нерѣдко впадаютъ въ различныя времена года по различію мѣстности и климата, бываютъ то позже, то раньше другихъ, носятъ на себѣ по сему различныя названія, сопровождаясь особенными обрядами. Мѣстные праздники, произтекшіи отъ свойствъ мѣстности, духа и вѣрованія жителей, извѣстны только отдѣльнымъ племенамъ Славянскимъ.

Коледа и *Купало*, какъ выше замѣчено нами, составляли два главныя празднества въ году, къ коимъ примыкаютъ другія. Въ Силезіи и Богеміи Рождественскія Святки называются Vanoce, Wánoce и Январь Vanocnik; у Румыновъ *Крегунонъ*; у Карпато-Россовъ канунъ Рождества Христова извѣстенъ подъ именемъ *Керегунь-вечеръ*,

а въ Венгріи Karátson. Въ Рускихъ лѣтописяхъ и Рождественскій постъ наименованъ *Корочуномъ* (172) отъ *короткихъ* дней, по мнѣнію Карамзина. Въ Валахіи и Болгаріи родившійся 25 Декабря обыкновенно называется *Крачунъ* (173). *Корочуновъ камень* упоминается въ началѣ Воскресенской Лѣтописи. Въ Шелонской пятинѣ упоминается въ XVII вѣкѣ *Карачуницкій* погостъ. У Карпато-Россовъ *Карачунъ* (Хорсъ?) причисляется къ языческимъ божествамъ. Руская поговорка *дать Корочунъ* тоже имѣетъ значеніе, что *къ Ляду*, т. е. погубить. — Чехи подъ именемъ *Коледы* разумѣютъ бываемое у нихъ около праздника трехъ Царей благословеніе домовъ: отсюда Kóledowat, благословлять домы. У Виндійцевъ Koléda нѣкогда было божество празднествъ, или нѣкоторые религіозные обряды; а теперь только крестьянскіе мальчишки ходятъ изъ дома въ домъ съ пѣснями и плясками: это называется у нихъ kolédovati (174). Описанное Константиномъ Багрянороднымъ празднество, или

(172) *Новгор. Лѣтоп. л.* 1143. „Стояла вся осенина „дождева отъ Госпожина до Корочуна.“

(173) Библіогр. листы. *П. И. Кеппена*, 1825. No 12. въ 4.

(174) Slovénsko-Némshki in Némshko-Slovénsky Kózhni Besédnik. sloshil A. I. *Murko*. v Grádzi. 1833. 2 t. 8.

игрище, о коемъ выше сказано, подъ именемъ τὸ Γοτθικὸν, бывшее на девятый день Рождества Христова, при вечерней трапезѣ Императора, принадлежитъ къ Славянской Еортологіи; ибо подъ именемъ Готѳовъ Византійцы разумѣли иногда народы Славянскаго племени, и оно сходствуетъ съ Коледованьемъ и Святочными играми. см. выше. На стр. 52 мы привели изъ Кранца бывшіе, при Болеславѣ Храбромъ и Генрихѣ II, въ нижней Саксоніи хороводы и пѣсни безчинныя въ навечеріе Рождества Хр. на погостѣ С. Магна, сходныя съ описаніемъ въ Стоглавѣ празднованія навечерія Р. Х. и въ Никон. Лѣтоп. подъ 1068 г. Когда заето безчиніе и буйство прокляты были Галберштадскіе жители священникомъ: „тогда они, пишетъ Кранцъ, безпрестанно кружась, вертѣлись (girabantur *жировали?*) день и ночь." Богемскій Историкъ Дубравій свидѣтельствуетъ, что Чешскій Князь Брячиславъ (Бретиславъ II), по вступленіи своемъ на престолъ, 1093 г., немедленно изгналъ всѣхъ колдуновъ, предсказателей и оборотней изъ своихъ владѣній; уничтожилъ всѣ суевѣрные обряды и злоупотребленія, кои еще оставались отъ временъ Язычества; наконецъ повелѣлъ Пражскому Епископу такъ распорядиться, чтобы каждый

священникъ въ праздникъ Рождества Христова посѣщалъ своихъ прихожанъ съ св. крестомъ и св. мощами, давая знать Правительству о тѣхъ, которые не станутъ лобзать сію святыню. Набожный обычай етотъ, говоритъ Дубравій, сохранился до нашихъ временъ въ Богеміи, гдѣ слыветъ *Коледою*. Етю сходно съ Малороссійскою *Колядкою* и *Колядованьемъ* (175). — Зеленыя Святки, или Духовъ день, у Словинцевъ и Чеховъ называются Turice, отъ Тура, въ честь коего онѣ праздновались, у Словаковъ Letnice, а у Чеховъ Swatodusné Swatki. Карпато-Россы именуютъ Купало *Русальемъ*, которое празднуется болѣе въ рощахъ. Тотъ же Чешскій Князь Брячиславъ II велѣлъ вырубить всѣ заповѣдныя дубравы, въ кои Чехи собирались по старому обычаю совершать языческіе обряды. Купало, или Ивановъ день подъ собственнымъ, или подъ другими именами, извѣстенъ во всемъ Славянскомъ мірѣ. Сербы говорятъ доселѣ, что *Иван дан* столь великій праздникъ въ году, что на оный и солнце три краты отъ страха останавливается на небѣ (176).

---

(175) Вѣстникъ Европы, 1827, № 21, стр. 75.

(176) Српски рѣчник *Вука Стефановича*. Вѣна, 1818, въ 8. *Bernolák* Lexicon Slavicum, VI t. Budae. 1827—27. въ 8.

Купальскіе огни, зажигаемые въ Иванову ночь на Карпатахъ, Судетахъ и Коркопосныхъ, между Силезіею и Чехами, представляютъ великолѣпное и торжественное зрѣлище на пространствѣ нѣсколькихъ сотъ верстъ.

У Чеховъ первый день Марта называется Letnice, вѣроятно отъ *Летницы*, Славянской Латоны, или Леты (Letho), Ȝ'enske Letn'ic'ki — нашъ древній *пролѣтній мѣсяцъ*. Въ Мартѣ праздникъ замореной зимы и возобновляющейся весны, или изгнанія зимы и встрѣчи лѣта, извѣстный у южныхъ Шведовъ и Готѳовъ (177), повторяется въ Силезіи и Богеміи, гдѣ Марана значитъ весну. Виндійцы именуютъ дни Пасхи: Letnizchki Svétki, а Свѣтлое Воскресенье — Létnìze, Въ Богеміи поютъ тогда:

Giž nesm smret ze wsy;
Nové léto do wsi.

---

(177) По переводу Исторіографа: „Уже несемъ смерть изъ веси, а новое лѣто въ весь. Здравствуй, любезная весна и зелень!“ Вѣрнѣе здѣсь: обиліе зеленое. *Карамз.* И. Г. Р. т. I. прим. 232.

Wjtey léto libezné,
Obiljčko zelene (178).

Семёнъ день и *Бабье лѣто* (Babj léto, Panč̃y) извѣстны у Чеховъ и Сербовъ; у первыхъ Рождество Богородицы называется Semenná Panna Maria, у другихъ *Бабины дни* значитъ снѣгъ, идущій въ Мартѣ мѣсяцѣ. У Карпатской Руси названіе *Бабинъ морозъ* основывается на сказаніи, что Маротъ, Мартъ, заморозилъ (окаменилъ) на Полонинѣ (Альпѣ) чародѣйку бабу. Намѣкъ на происхожденіе каменныхъ бабъ на Карпатскихъ Альпахъ.

Въ *Юрьевъ день* (праздникъ Св. Георгія) у Сербовъ рано поутру, до солнечнаго восхода начинаютъ купаться. Етотъ день Статутомъ Маріи Терезіи (Urbarium, 1791) крестьянину назначенъ срокомъ для перехода отъ одного господина къ другому, какъ бывало на Руси до XVII в., а день С. Михаила — срокомъ для предварительнаго съ обѣихъ сторонъ объявленія (179). Сербы, Илли-

(178) Historia de gentibus septentrionalibus, auth. *Olao magno*, Gotho. Antverpiae. 1608. 12.

(179) Путешествіе отъ Тріеста до С.-Петербурга. изд. *В. Броневскаго*, 2 ч. Москва. 1828. 8.

рійцы, Далматы и Черногорцы въ сторонѣ день поютъ молебенъ на колодцахъ, и, окропивъ скотъ св. водою, гонятъ его вербою въ поле, такъ какъ бываетъ въ Россіи (180). У Карпатской Руси въ Берегскомъ, Угочьскомъ и Унгварскомъ Жупанствахъ въ Венгріи выгоняется скотъ въ ночь Юрьева дни на самой зарѣ; съ коего, по ихъ мнѣнію, прекращается власть вѣдьмъ надъ рогатымъ скотомъ. Отъ Юрьева до Дмитріева дни, полгода, срокъ у Булгаръ, Сербовъ и Турковъ. Въ Булгаріи, въ дни С. *Георгія*, С. *Параскевы* и С. *Архангела Михаила* приносятъ симъ святымъ въ жертву агнца, коему къ рогамъ прилѣпивъ по свѣчкѣ и окуривъ его ладаномъ, рѣжутъ его надъ сосудомъ такъ, чтобы ни капли крови не попало на землю; кровью этой крестообразно мажутъ дѣтей на лбу, щекахъ и бородѣ; потомъ зажаривъ его, съ молитвою съѣдаютъ, а кости зарываютъ въ землю. Тоже самое дѣлается съ нѣкоторыми перемѣнами въ Сербіи, Босніи, Герцеговинѣ.

---

(180) Сѣверн. Архивъ, 1825, No 14, стр. 114, No 15, стр. 221.

По собраніи хлѣба, у Славянъ языческихъ было главное торжество. Въ Арконѣ, первосвященникъ вымети накануне праздника святилище храма, въ самый день торжества взявъ изъ руки у Святовидова кумира рогъ, смотрѣлъ, полонъ ли онъ виномъ, и по тому предсказывалъ будущій урожай хлѣба, и т. д. Другіе Славяне праздновали собраніе хлѣба обреченіемъ пѣтуха въ даръ богамъ и обливаніемъ скота пивомъ, освященнымъ для предохраненія стадъ отъ болѣзней. Въ Богеміи славился *Майскій праздникъ источниковъ*. Въ Вагріи дни народнаго суда были порою общаго веселія: тогда старѣйшины, подъ сѣнію священныхъ дубовъ, въ присутствіи бога Прове, рѣшали судьбу согражданъ (181).

У Западныхъ Славянъ погребальные обряды весьма сходны съ Римскими, въ коихъ проявлялось глубокое благоговѣніе къ усопшимъ и вмѣстѣ нравственное чувство, какъ источники оныхъ. Сербская Zadusnice соотвѣтствуетъ нашей Родительской и Радуницѣ: у Виндійцевъ поминки называются Zádusní Obed. Слово Strawa встрѣ-

---

(181) *Карамз.* И. Г. Р. I. стр. 100. — Pommerische Kirchenchronik, d. D. *Cramerum.* zu alt. Stettin. 1603. 4.

чается во многихъ Славянскихъ нарѣчіяхъ; на Чешскомъ Stráwa значитъ: пища, трата, напутствіе. У Карпато-Россовъ во всѣхъ Рускихъ Графствахъ Венгріи *стравою* называется кушанье на заупокойномъ пиру или поминкахъ (*парастасъ* отъ *παράςαϭις*). Strawa, по словамъ Іорнанда, состояла въ великолѣпномъ надгробномъ пиршествѣ, на коемъ плачъ и сѣтованіе смѣшивались съ веселіемъ: Карлъ Аквинскій производитъ Strawa, или Sdrawa, отъ Иллирійскаго слова sdrav, отсюда sdraviza, то же что здравіе (182). Что жъ касается до *Тризны*, то слово сіе происходитъ, какъ и выше замѣчено на стр. 27, отъ *терзанія*, какое бывало у Евреевъ и Грековъ (183), или отъ гл. *τρίζω* шумлю, крушусь, близкаго съ Чешскимъ Tryzeň трудъ, жалость. Она состояла у сѣверныхъ Славянъ въ плачѣ надъ гробомъ, въ насыпаніи земли надъ могилою и въ питьѣ меда. Менкенъ изображаетъ *Тризну* Нѣмцевъ сходною съ Тризною Славянъ: „по „совершеніи погребенія въ лѣсахъ и поляхъ, „они по языческому обычаю, дѣлали сцениче-

---

(182) Glossarium manuale ad scriptores mediae et infimae Latinitatis. Halae. 1784. t. I—VI. 8.

(183) Archaeologia biblica, red. a *I. Iahn*. ed. 2. Viennae. 1814. 8.

„скія представленія на распутіяхъ и пере„крестках для упокоенія душъ усопшихъ, на„дѣвъ на себя разныя личины, играли и потѣшались.“ О тризнѣ въ XVI вѣкѣ упоминается въ Стоглавѣ, изъ коего выше приведено нами свидѣтельство. И такъ, по дѣйствію *Тризну* можно производить отъ *терзанія*, по времени отъ *трехдневнаго* празднованія, а по мѣсту самому сходствуетъ она съ trivium распутіемъ, на коемъ и у Римлянъ совершались религіозные обряды (184). Какъ нѣкоторыя племена Славянскія сжигали своихъ усопшихъ, по обычаю Индѣйцевъ, Римлянъ и Скандинавовъ: то, вѣроятно, у нихъ слова *Тризна*, *Тризнище* ведутъ свое начало отъ *Знича*, представителя огня, обоготворенной у нихъ стихіи, все очищающей и *царствующей* надъ стихіями; посему слова *три-Знича* составляютъ и *Тризну* и *Тризнище*. Священный же огонь, на пр. *купальской*, такъ вѣроятно и *тризнищный*, добывался *треніемъ* дерева объ дерево. Такое созвучіе въ вѣтвяхъ корня *Тризна*, выражающаго сходныя идеи, роднитъ народы, у коихъ существовали это слово и этотъ обрядъ въ разныхъ видахъ: по сжиганія усопшихъ, по

---

(184) *Mencken* S. Rer. Germ. t. I. p. 2071. ср. *Карамз.* И. Г. Р. т. I. прим. 232, 236.

въ борьбахъ на могилахъ, то въ попойкахъ, то въ сценическихъ представленіяхъ и играхъ въ память усопшихъ. *Тризнище* и *Тризна* по знаменованію своему тождественны съ *игрищемъ*, съ Греческими *Ἀγῶνες*, съ Римскими certamina, по изъясненію Лексикона Памвы Берынды: „борбище, мѣстце, гдѣ бываютъ поединки, воіованіе." Такой же смыслъ имѣетъ слово сіе въ Славянской Библіи (185). —

У Сербовъ существуетъ *отмица*, или похищеніе дѣвицъ; о подобномъ обычаѣ на Руси Несторъ говоритъ слѣдующее: Радимичи, Вятичи и Сѣверяне „схожахуся на игрищи, „и ту умыкаху жены собѣ, с нею же кто „съвѣщаваше." (186).

Въ пѣсни Чешской *Забой, Славой и Людов* (Извѣст. Росс. Акад. 1820,) упоминается объ *укладах* (вкладах) на города, кои составляли духовный сборъ или дань, *божничье*, собиравшееся и въ Новгородѣ Князьями, подобно восточной десятинѣ у Славенъ въ Щетинѣ (Штетинѣ) на Одрѣ, добычамъ храмовъ въ Арконѣ у Рановцевъ, въ Радогощѣ у Сырбовъ; тамъ поютъ, по свидѣтельству Ходаковскаго:

---

(185) *Макк.* II, 18: Бывши же пятолѣтнему *Тризнищу* въ Тѵрѣ и пр. *Hase* Griech. Alterth. — 1818. г.

(186) Лѣтопись Несторова, по Лаврентьевскому списку. Москва. 1824, въ 4.

И дашъ покормъ боговомъ,
И тамо боговомъ спасамъ,
Дашъ множество обѣти:
Ай имъ глашать милыхъ словъ
И имъ оружье побитыхъ враговъ.

Наши хороводы, называемые по Славянски *колами*, т. е. кругами, въ употребленіи у Морлаковъ и Далматовъ (187): такія точно пляски изображены рѣзьбою на гробницахъ въ Захлумской землѣ (въ Герцеговинѣ). Въ Богеміи, между прочими играми, встрѣчается совершенно сходная съ нашими *Жмурками* Z'múrka, Zmúrki, или slepa Baba: отсюда и выраженіе: Na slepu Babu (na Zmúrki,) sa hrat, играть въ Жмурки, прятаться въ игрѣ. Изъ сравненія старинныхъ пѣсенъ Закарпатскихъ и Задунайскихъ Славянъ съ Рускими можно вывести общія имъ коренныя идеи, подъ разнообразнымъ покроемъ. Въ свадебныхъ обрядахъ и житейскихъ праздникахъ у Закарпатскихъ и Задунайскихъ Славянъ проявляются слѣды Язычества, во многомъ сходные съ Рускими, кромѣ различій, произшедшихъ отъ мѣстности,

(187) Podróże w Krajach Sławiańskich odbywane w Latach 1802 i 3 roku przez X. S. (Сапѣга). Warschawa, 1811. въ 8.

духа ихъ и вліянія сосѣдственныхъ, разноплеменныхъ съ ними народовъ. Съ ихъ вѣрованіями и нравами соединено было гостепріимство, какъ отличительная черта, проведенная въ ихъ характерѣ патріархальными временами. У нѣкоторыхъ Славянскихъ племенъ, какъ-то у Морлаковъ, дружба между особами того и другаго пола освящается вѣрою и обычаемъ подъ именемъ *побратимовъ* и *посестримъ*. Кровавое право мести у Морлаковъ произвело пословицу: *Ко се не освяти, онъ се не посвяти*, т. е. кто за себя не отмститъ, тотъ не посвятится (188).

Издревле Славяне, живши среди Германскихъ племенъ, и тогда превышая ихъ своею многочисленностью, мѣнялись съ ними повѣрьями и понятіями. Не смотря на политическія отношенія тѣхъ и другихъ, первые дѣйствовали на послѣднихъ большинствомъ голосовъ. Нерѣдко случалось, что миѳы Славянскіе, подобно словамъ, обнѣмечивались, такъ что божества и суевѣрія, слывущія у Западныхъ писателей *Нѣмецкими*, собственно Славянскія. Аделунгъ въ Исторіи

(188) Соревнователь просвѣщенія и благотворенія. Спб. 1816. No 10.

Нѣмецкаго языка говоритъ, что Славяне въ Мейсенѣ и вообще въ Саксоніи смѣшались и претворились въ Нѣмцевъ, сообщивъ языку сихъ послѣднихъ нѣкоторыя свойства и слова своего языка. Такъ вѣроятно Финнскія племена претворились въ Рускія или Норманскія.

Какъ на Югѣ и Западѣ у Славянъ болѣе, чѣмъ на Сѣверѣ и Востокѣ развилась гражданственность, прозябла жизнь народная, а съ нею вѣрованія и преданія: то тамъ полнѣе образовалось богоученіе, многочисленнѣе и торжественнѣе совершаемы были священные обряды, праздники религіозные и житейскіе и игрища: зодчество, ваяніе и живопись содѣйствовали къ распространенію идей Славянскаго Язычества, коего памятники, найденные въ Ретрѣ, Шверинѣ, Ней-Стерлицѣ, Штетинѣ, Волинѣ, Ругенѣ (188), Мекленбургѣ, доселѣ сохраняются. Народныя вѣрованія, находясь въ тѣсной связи съ жизнью гражданскою и домашнею, проникнули бытъ и бытіе народа, такъ что Христіанское ученіе долго не могло истребить пер-

---

(188) Библіогр. листы П. И. *Кеппена*. Спб. 1825. 4.

(189) *L. A. Gebhard's* Geschichte aller Wendisch-Slavischen Staten, Halle. 1790, 97. 4 B. 4.

выя. Поморяне въ XII вѣкѣ изъявляли желаніе покланяться старымъ божкамъ своимъ и I. Христу; Чехи (894—967), принявъ вѣру Христіанскую, покушались обратиться къ Язычеству (190). На Сѣверѣ у Руских Славянъ скуднѣе была природа и жизнь народная, скуднѣе Миѳологія и Еортологія, чѣмъ на Югѣ, такъ что не извѣстны были храмы и капища, замѣняемые сѣнью дубравъ заповѣдныхъ и темянемъ горъ поклонныхъ. Немногіе отечественные боги перенесены съ пепелищь переселенцами на новыя мѣста, гдѣ они могли смѣшаться съ туземными старожилами, или отъ нихъ заимствовать цвѣты свои.

Три стихійныя имена Руси отъ огня, земли и воды: *красной*, *черной* и *бѣлой*, повидимому, соотвѣтствуютъ *Перуну*, *Черно-богу* и *Бѣлъ-богу*. Древніе Руссы, замѣчаетъ Эверсъ, въ географическомъ и этнографическомъ отношеніяхъ обыкновенно называли первобытное *бѣлымъ*, а измѣнившееся, производное — *чернымъ*, первымъ также свободное, другимъ рабское. Въ этой трехъцвѣтной Руси донынѣ остались болѣе или менѣе

---

(190) Исторія Рускаго народа, *Н. Полеваго*, М. т. I, 1829. 8.

замѣтные слѣды Славянскаго Язычества въ обрядахъ и обычаяхъ, въ праздникахъ и суевѣріяхъ, въ простонародныхъ пѣсняхъ и пословицахъ (191); самыя названія урочищь, рѣкъ и лѣсовъ, травъ и цвѣтовъ и тѣлъ небесныхъ напоминаютъ о древнихъ миѳахъ и символахъ.

Идея о *красномъ*, *русомъ*, *чермномъ* есть господствующая въ Славяно-Рускомъ мірѣ, гдѣ многіе предметы чувственные и отвлеченные отличены симъ цвѣтомъ народнымъ. *Червенная* или *красная Русь*, или какъ жители оной называютъ, *твердая Русь*, содержитъ въ себѣ Русаковъ отъ Вислы на Востокъ до Синяго (Чернаго) моря; красивая по своему мѣстоположенію, она была однимъ изъ главныхъ разсадниковъ Славянорускаго богоученія и богослуженія, откуда онѣ распространились на Западъ и на Востокъ Россіи, которая владѣла еще въ X вѣкѣ Червенскими городами, когда В. К. Владиміръ собралъ седмерицу боговъ въ Кіевѣ, состоявшемъ подъ однимъ владѣніемъ съ Галичемъ. Хотя она переходила изъ рукъ въ руки отъ Рускихъ къ Венграмъ и отъ нихъ къ Полякамъ, а отъ сихъ послѣднихъ

---

(191) Предварительныя критическія изслѣдованія *Г. Еверса* для Росс. Исторіи. М. кн. I. 1825. 8.

къ Нѣмцамъ; однако доселѣ сохранила свою самобытность въ языкѣ, обычаяхъ и повѣрьяхъ. Въ Галиціи почти тѣ же миѳы, что и въ Малороссіи. Вѣроятно и *Перунъ*, символъ огня, происходящій отъ Чешскаго слова Pîrenî, краснота, багръ, цвѣтъ огня, перенесенъ вмѣстѣ съ Ладою и Русалками (192) изъ Червенной Руси на Днѣпръ и Волховъ, такъ равно оттуда перешло на Сѣверо-востокъ Россіи повѣрье и названіе *красныхъ*, *червонныхъ* и *лысыхъ горокъ*; въ Богеміи извѣстны въ городкѣ Берунскѣ Krásnà hora, въ Венгріи мѣстечко и городъ Krásna horká (Schönberg). Подъ именемъ *жалей* находятся въ Галиціи, Лодомиріи и Венгріи *жальники*, кои почитаются за языческія кладбища. Въ Номоканонѣ, изданномъ во Львовѣ, 1646 г., въ 4, приводятся въ первый разъ *Купало* и *Русалки*. Миѳы о *Волколакахъ* и *Оборотняхъ* во всемъ сходны съ преданіями жителей Литвы и Волыни.

Черная Русь, между Припетью, Пиною и Сыртью, состоя изъ воеводства Новогрудскаго и повѣтовъ Минскаго воеводства Мозырскаго и

---

(192) Отъ *Ладо* произошли многія названія мѣстъ: *Ладога*, *Ладомирія* и т. д. У Чеховъ Pekna Lada прекрасная дѣвица.

Рѣчицкаго, по смежности своей съ Червонною, представляетъ многіе миѳы, обычаи и повѣрья, сходныя съ Краснорускими и Волынскими. Въ божествахъ Язычества заключаются идеи внѣшней и внутренней жизни жителей той и другой стороны, ихъ мѣстности, и климата, обильнаго черными лѣсами и топкими болотами. Тамъ *Купало*, или *Купайло*, и *Коледа* (Риздво) воспѣваются въ пѣсняхъ, сопровождаясь первое — раскладываніемъ въ полѣ огня и плясками ночными, а другая — пѣснями и гаданіями: колядники тамъ именуются *Лалымниками*. *Въ Новый годъ* (Новый рокъ), такъ какъ въ Малороссіи, дѣти ходятъ по домамъ поздравлять господъ и обсыпаютъ ихъ зернами пшеницы и *жита*, особливо *горохомъ*. Игрище называется *стадомъ*, какъ въ Литвѣ и Польшѣ; *Купало*, игра, извѣстна на Украйнѣ, Подольи и Волынѣ: тамъ въ Ивановъ день, по захожденіи солнца, сбираются дѣвицы въ одно мѣсто съ вербою, убранною цвѣтами, которую втыкаютъ въ землю. Около этого дерева, слывущаго у нихъ *Купайло*, онѣ ходятъ, схватясь руку за руку и поютъ жалобныя пѣсни въ честь Купайла. Послѣ нѣкотораго времени, холостые, стоящіе въ сторонѣ, бросаются, уносятъ и разрываютъ вербу, защищаемую дѣвицами, и

тѣмъ оканчивается етотъ обрядъ. Въ Подольской г. около Межибожья поселяне на играхъ въ день Пасхи поютъ о *Царевнѣ Ладѣ*, а подъ Брестомъ Литовскимъ о *Королевнѣ Ладѣ* (193). Въ Минской г. въ округѣ мѣстечка Юрьевичи дѣвицы пляшутъ на игрищахъ во всю Свѣтлую недѣлю танецъ *Метелицу* и *Заеѣйницу*. *Въ Юрьевъ день*, или такъ называемая *обѣдная*, въ Минской г. святятъ хлѣбъ: тамъ же *Борисо-Глѣбскій* праздникъ извѣстенъ подъ именемъ *Паликопа*, сожигающаго хлѣбъ въ полѣ у тѣхъ, кто работаетъ въ етотъ день, соотвѣтствующій Малороссійскому *Палѣю*, или С. Пантелеймону. *Проводами* у нихъ называется вся недѣля послѣ Свѣтлаго Воскресенія, которую они проводятъ въ пьянствѣ, подобно Запустамъ (194). Въ Черной Руси, на Волынѣ и Подольѣ празднуется день основанія церквей (*празныки*) угощеніемъ посѣтителей изъ сосѣднихъ деревень, и разными весельями. Каждая церковь, однажды въ годъ, для своего праздника варитъ медъ съ пряными кореньями, продаваемый отъ нея поселянамъ.

---

(193) Сѣверн. Архивъ, 1824, No 3 и 4.

(194) Записки Профессора И. Н. *Лобойки*.

Въ Черной и Бѣлой Руси, совершаются *меньшіе* и *большіе Осенины*, или *Дѣды*, къ коимъ присоединить должно *Прикладины*, или окладываніе могилокъ дерномъ, которое сопровождается служеніемъ паннихидъ, попойкою, гуляньемъ и музыкою. Изъ земледѣльческихъ праздниковъ также извѣстны, какъ и въ Литвѣ, *Дожинки*, кои отправляются во всякой деревнѣ по окончаніи жатвы жита и пшеницы, а послѣ посѣва, *Досѣвки*; при етомъ случаѣ господинъ угощаетъ крестьянъ своихъ, которые проводятъ цѣлую ночь въ пѣніи и пляскѣ.

Въ свадебныхъ, родильныхъ, именинныхъ и похоронныхъ обрядахъ видны еще слѣды Язычества и кореннаго суевѣрія, кои сроднились съ ихъ бытомъ.

Бѣлая Русь, состоявшая изъ воеводствъ Минскаго, Полоцкаго, Мстиславскаго, Витебскаго и Смоленскаго, представляетъ множество повѣрій и обычаевъ, похожихъ на Литовскія и Польскія, коихъ она была проводникомъ въ Великую Россію. Тамъ многія урочища напоминаютъ своими именами Славяно-Рускія божества (195) и обряды

(195) на пр: *Піоруново* въ Полоцкомъ повѣтѣ при озерѣ Щетилнемъ.

Язычества, какіе проявляются въ народныхъ праздникахъ, повѣрьяхъ, пѣсняхъ, пословицахъ и сказаніяхъ, въ коихъ выразился неизгладимыми чертами древній бытъ народный съ его коренными идеями. Какъ вѣрованіе и языкъ служатъ единственною связью между единоплеменными народами, такъ равно и сходныя проявленія того и другаго въ праздникахъ религіозныхъ и житейскихъ служатъ доказательствами единства ихъ происхожденія.

Въ Бѣло-Руссіи встрѣчаются многіе одинаковые съ Малороссійскими и Великороссійскими праздники и обычаи народные, кромѣ особенныхъ, на коихъ отпечатались мѣстность, климатъ и духъ туземцевъ (196). Хотя народъ Бѣлорускій имѣетъ глубокое уваженіе къ св. Вѣрѣ; однако въ немъ господствуютъ мнѣнія миѳологическія: онъ вѣритъ *Русалкамъ*, *Хлѣвникамъ*, или домовымъ, *Волколакамъ*, или оборотнямъ (197), присут-

(196) Сѣверн. Архивъ, 1822, No 24.

(197) О подобныхъ превращеніяхъ въ *Потребникѣ мірскомъ*, М. 1630 г. пишется: „И есть же ина злая волхвованія, яже в велицѣй Россіи, ово убо звѣрски рыкати творятъ, яко же медвѣдь и волкъ, і инъ скотски всяко и птическими гласы и песьими мучитися" и пр.

ствію злыхъ духовъ на мѣльницахъ, въ баняхъ и пустыхъ жилищахъ. *Купало,* извѣстное во всей Южной Россіи до самыхъ горъ Карпатскихъ и рѣки Сана, повторяется также въ Бѣлорусіи и на Западѣ къ Райгороду на предѣлахъ Пруссіи (198).

Годовые церковные праздники, въ Бѣлой Руси, какъ-то: Рождество Хріста и Богоматери, Пасха, или *Великъ день*, Троицынъ день, Успеніе Богоматери, С. Іоанна Предтечи (24 Іюня), Бориса и Глѣба и пр., сопровождаются такимижь почти обрядами и играми у простолюдиновъ, какіе найдемъ въ Великой и Малой Россіи. Праздникъ Срѣтенія Господня въ Бѣлоруссіи называется *Громницею,* Успеніе Богоматери — *большею Пречистою,* Рождество Богородицы — *малою Пречистою,* или первое — *Госпожею,* второе — *Госпожкою,* С. Борисъ и Глѣбъ — *Паликопомъ.* см. стр. 95. День, предшествующій Рождеству Хр., слыветъ *Коледою,* которая есть *Васильева,* или *богатая,* наканунѣ Новаго года, и *крещенская,* или *постная,* на канунѣ Богоявленія.

---

(198) Исторія Малой Россіи *Д. Н. Бантышъ-Каменскаго*, ч. 2. Москва. 1830. 8.

У простаго народа праздникъ Рождества Хрістова почитается первымъ изъ годовыхъ; съ него онъ ведетъ начало года въ разныхъ условіяхъ. О Святой недѣлѣ поютъ такъ называемыя *великоденныя пѣсни* съ музыкою, ходя по домамъ ночью подъ окнами ватагами, кои именуются *Волочебниками*, а предводитель ихъ, или запѣвало — *Починальникомъ.* Они первую пѣснь обращаютъ къ хозяину и хозяйкѣ, прославляя благоразумное ихъ домостроительство, обиліе и благодать Божію, упоминаютъ, что *Святой Юрій запасаетъ ихъ коровъ, Святый Николай коней, Св. Илія зажинаетъ жниво, Пречистая Мать засѣваетъ, а Покровъ собираетъ* и т. д. Послѣ всякой строфы припѣваютъ *Хрістосъ воскресе!* Въ Бѣлоруссіи, такъ какъ и въ Болгаріи, зарываютъ въ землю на поляхъ кости ягненка, освященнаго на Пасху, въ той вѣрѣ, что онѣ предохраняютъ засѣянный хлѣбъ отъ града. Послѣ *проводной недѣли,* во вторникъ на кладбищѣ совершается *Радуница,* сопровождаемая *причитаньемъ,* пиршествомъ и катаньемъ яицъ на могилкахъ, на кои иногда дѣлаются возліянія виномъ и водкою изъ рюмокъ. *Юрьевъ день* весенній въ Бѣлоруссіи есть праздникъ пастуховъ, которые выгоняютъ скотъ вербою *на Юрьеву росу;* а *Николин ъдень* весенній праздникъ

конюховъ, которые тогда вечеромъ ѣдутъ на ночлегъ съ лошадьми и цѣлую ночь гуляютъ. Послѣднимъ весеннимъ праздникомъ почитается *Троицынъ денѣ*, въ который жители украшаютъ свои домы *Маемъ*, а пастушки вѣнки на рога у коровъ. На етой недѣлѣ, слывущей тамъ *Разгарою*, завиваютъ вѣнки съ пѣснею:

Русалочки, земляночки,
На дубѣ лезли, кору грызли,
Звалилися, забилися.
Троица.

Развивѣ вѣнки, бросаютъ ихъ въ воду, для гаданія о судьбѣ своей, съ пѣснею:

На Троицу мы вѣнки завили;
На разгары развили,
Горѣлочку попили
И яикню поѣли (199).

Изъ лѣтнихъ праздниковъ примѣчательнѣйшій Рождество С. Іоанна Крестителя; тогда носятъ въ церковь травы и цвѣты для освященія. Недѣля, предшествующая сему празднику, называется *Русальною*; въ

(199) Gry i zabawy różnych stanów, p. *L. Gołębowskiego*. w Warschawie, 1831. 8.

Купальскую ночь въ нѣкоторыхъ мѣстахъ собираются въ поле при зажженныхъ кострахъ пѣть *купальныя пѣсни*, какъ и въ другихъ областяхъ Россіи: тѣже тамъ повѣрья о Русалкахъ и о кладахъ.

Между Ивановымъ и Петровымъ днемъ на Бѣлой Руси *разъигрываются навозныя толоки.*

Изъ осеннихъ праздниковъ главнѣе всѣхъ *Спасъ*, съ коего начинается торжественно посѣвъ, хотя Бѣлорусцы считаютъ осень обыкновенно съ Ильина дни, по ихъ пословицѣ: *На Илью, до обѣда лѣто, а послѣ обѣда осень.*

Важнѣйшимъ и въ каждое время года обыкновеннымъ увеселеніемъ простаго народа суть *Игрища,* на кои онъ сбирается по шинкамъ въ праздники. Какъ въ Черной, такъ и въ Бѣлой Россіи, по случаю приходскихъ праздниковъ отправляются *Кермаши*, соединенные съ угощеніемъ и весельями. Когда же почетные прихожане хотятъ почтить складчиной праздникъ какого либо святаго: это называется *Братчиной*, коихъ собственно двѣ: *Михайловская* и *Никольская.* Братщики на свои издержки приготовляютъ большую свѣчу къ празднику, поютъ молебенъ и дѣлаютъ угощеніе. Братчины, часто упоминаемыя въ монастырскихъ грамотахъ

до XVII в. (200), бывали городскія и сельскія: перѣдко совершались на погостахъ, какъ видно изъ Двинской грамоты Царя Іоанна Васильевича. Онѣ отправляются болѣе осенью, такъ какъ *свадьбы, большія и меньшія Осенины,* или *поминки, Окладины.* Ежели къ упомянутымъ здѣсь праздникамъ Бѣлорусскимъ прибавить освященіе полей, хлѣвовъ и гуменъ, веселья во время *Толокъ, Обжинокъ, Запашекъ, Увозокъ* и пр.; то число общественныхъ и домашнихъ праздниковъ въ Бѣлоруссіи покажется слишкомъ значительно (201).

---

(200) Исторія Росс. Іерархіи. ч. I—VI.

(201) О Бѣлоруссахъ Патріархъ Филаретъ въ указѣ своемъ пишетъ слѣд: „Егда убо быхъ в Польскомъ и Литовскомъ Государствѣ, и многая в нихъ видѣ несогласія церковная, в самѣхъ тѣхъ Хрістіанехъ, яже суть Бѣлорусцы в нихъ нарицаются. — И во единомъ убо дому у нихъ у отца с дѣтьми и у мужа с женою и у господина с рабы, вѣры три или четыре: и овъ держитъ в нихъ вѣру Хрістіанскую, инъ же Папежскую, і инъ Люторскую, и инъ Калвинскую, і инъ Новокрещенскую, и иже Сасскую, і инъ Аріанскую. И вкупѣ убо на единой трапезѣ ѣдятъ и піютъ и бракомъ совокупляются, а иніи вкупѣ и молитву творятъ“. *Книга глаголемая Потребникъ мірской.* М. 1639. въ л.

Хотя югозападная половина Руси въ XIV вѣкѣ присоединена была къ Польшѣ вмѣстѣ съ Литвою; однако она удержала въ нѣдрахъ своихъ много кореннаго, самобытнаго, отъ коего отличается чужеземная примѣсь, какъ насыпь отъ материка. Сколько тамъ ни изглаживалась народность Татарами, Литвою и Польшею; однако она всегда пробивалась изъ самыхъ развалинъ и снова прозябала на почвѣ родной, какъ сродное ей растѣніе. Малороссія, гдѣ съ началомъ общежитія возникли многія повѣрья, обряды и обычаи, воспитала первыя стихіи нашего отечества, пробудила жизнь гражданскую и на нашемъ Сѣверѣ. Когдажъ, въ XVII вѣкѣ, снова присоединилась она къ Великой Россіи: тогда нравственное общеніе сдѣлалось ближе и живѣе (202). Благорастворенный воздухъ, чистое небо, приволье цвѣтущихъ полей и луговъ, веселые лѣса кленовые, тополевые и дубовые съ плодовитыми деревьями, пріятнѣе возбуждали фантазію народа, по природѣ безпечнаго и гульливаго, родили многіе миѳы,

(202) Путевыя записки *Вадима* (Пассека). Москва. 1834. въ 8. — Журналъ Министерства народн. просвѣщенія, Спб. 1836, Іюнь.

вдохнули пѣсни, въ коихъ разыгрываетса душа Малороссіянина. Остатки Украинской Миѳологіи сохранились въ миѳическихъ и обрядовыхъ пѣсняхъ (думахъ), къ коимъ можно причислить и *Слово о полку Игоревѣ*, въ сказкахъ и поговоркахъ, праздникахъ и обычаяхъ. Въ первыхъ упоминаются древнія языческія божества, какъ-то: *Бѣлъ-богъ, Черно-богъ, Стри-богъ* (203), *Сылный-богъ*, *Коляда*, *Купало*, *Даждь-богъ*, *Ладо, Туръ, Лело, Полелё, Марана, Дивъ* (204), *Злота-Баба* и пр. Онѣ переносятъ насъ на какое нибудь древнее городище или на берега Дуная, съ вѣнкомъ въ рукахъ, или къ священному огню купальскому, или въ таинственный мракъ лѣсовъ дремучихъ и т. д. (205). Въ миѳическихъ сказкахъ главныя дѣйствующія лица: *бисы, водяные, лѣшіе, мавки,*

(205) Ученыя записки И. М. У. ч. VI, 1834 г. No 4; статья: Взглядъ на памятники Украинской народной поэзіи, соч. *И. Срезневскаго.*

(204) *Дивъ* на Польскомъ Dziw диво, диво, чудище. Въ No 7 Библіогр. листовъ, на стр. 88: *Овъ Дыю жретъ, а другыи Дивии.*

(205) *Стри-богъ*, *Дажь-богъ* и *Велесъ* упоминаются въ Игоревой пѣсни — вѣроятно, произведеніи южнаго края Россіи. Боянъ пѣвецъ называется *внукомъ Велесовымъ*, вѣтры — *Стрибожими внуками.* Слово внуки (nepotes) употребляется вмѣсто потомковъ, отраслей. см. *Virgilii* Aen. v. 682, 757, 787.

русалки, *вѣдьмы*, *вѣдьмаки*, *великаны*, *змѣи* и т. д. Въ Украйнѣ также между злыми духами есть *Рарашекъ*, который находится у Словаковъ и Чеховъ; объ немъ есть и поговорка: *сердитъ какъ Рарашекъ.* Вообще можно сказать, что въ Малороссіи болѣе сохранилось миѳовъ, чѣмъ въ Польшѣ.

Изъ Малороссійскихъ народныхъ праздниковъ и суевѣрныхъ обрядовъ одни сходны съ Великороссійскими по названію, а другія по содержанію своему; нѣкоторые изъ нихъ мѣстные, болѣе похожіе на западные; иные соединены съ различными повѣрьями и увеселеніями и извѣстны подъ особенными именами.

Празднованіе *Коледы* и *Купалы* въ Малороссіи сопровождается обрядами, во многихъ отличными отъ Велико россійскихъ. Въ самый праздникъ Рождества Христова, до обѣдни, дѣти ходятъ по домамъ *виршовать*, т. е. говорить поздравительные стихи, обыкновенно сочиняемые дьячками (206), носятъ *звѣзды*, родъ фонарей, и *вертепы*, родъ маріонетокъ. Въ *богатый вечеръ*, на канунѣ Новаго года, холостые мущины ходятъ по дворамъ зажиточныхъ подъ окна *щедровать*, т. е. выпрашивать пироговъ, кишекъ, куски сала свинаго и т. д. Въ Новый годъ, предъ

(206) Малороссійскія пѣсни, изд. *М. Максимовичемъ.* Москва. 1827 г. 16.

обѣднею, мальчики ходятъ по дворамъ съ разными сѣменами въ рукавицѣ или мѣшечкѣ, кои они разсыпаютъ въ хатахъ, приговаривая: *На счастье, на здоровье, на новое лито, роди, Боже, жито, пшеницю и всяку пашницю* (207)! Они также поютъ *посыпальную* пѣсню:

Ходитъ Илья
На Василья,
Нóситъ пýгу
Житяную,
Дé замахне —
Жито росте,
Роди, Боже!
Жито, пшеницю,
Всяку пашницю;
У полѣ ядро,
А въ домѣ добро! —

Такое *Колядованье* продолжается отъ Рождества Христова до *Щедрованья*. Маркевичь въ запискахъ своихъ о Малороссіи ссылается на старинную пѣснь Украинскую, въ коей за каждымъ стихомъ повторялось: *Славенъ еси, Коледо, нашъ милый боже!* Пѣсня сія, о коей упо-

---

(207) Исторія Малой Россіи, соч. *Д. Н. Бантышъ-Каменскаго*. ч. 2. Москва. 1830. 8.

минаетъ сочинитель Сvнопсиса, была извѣстна въ Украйнѣ еще за тридцать лѣтъ и донынѣ. Въ Махновскомъ уѣздѣ (повѣтѣ) Кіевской и даже Полтавской Губерніи, такъ какъ и въ Бѣлоруссіи, нарядивъ вола, коня, козла и барана, вводятъ на Новый годъ въ горницу къ помѣщику и говорятъ ему привѣтствіе, на которое онъ отвѣчаетъ угощеніемъ.

О *Купалѣ* упоминаетъ первый Гизель въ своемъ Сvнопсисѣ, изданномъ въ Кіевѣ, 1679 г. Въ Иллирійскомъ Словарѣ Іос. Вольтиджи *Купало* объясняется *купѣлью*, по Польски kapiel. Гизель такъ описываетъ сіе игрище: „Пятый идолъ Купало, егоже бога плодовъ „земныхъ быти мняху, и ему прелестію „бѣсовскою омрачении благодаренія и жертвы „въ началѣ жнивъ приношаху. Тогожде Купала бога, или истиннѣе бѣса, и доселѣ по „нѣкіимъ странамъ Россійскимъ еще память „держится; наипаче же въ навечеріи Рождества Св. Іоанна Крестителя, собравшеся „въ вечеру юноши, мужеска, дѣвическа и „женска полу, соплетаютъ себѣ вѣнцы отъ „зелія нѣкоего, и возлагаютъ на главу и „опоясуются ими. Еще же на томъ бѣсовскомъ игралищи кладутъ и огнь, и окрестъ „его емшеся за руцѣ, нечестиво ходятъ и „скачутъ, и пѣсни поютъ, сквернаго Купала

„часто повторяюще и чрезъ огнь преска-
„чуще, самыхъ себе тому же бѣсу Купалѣ
„въ жертву приносятъ." Подобнымъ обра-
зомъ описывается Купало у С. Димитрія Ро-
стовскаго въ Четьи Минеи. Въ Махновскомъ
повѣтѣ, сходно съ Червнорусцами и Бѣлорус-
цами, дѣвушки вечеромъ закапываютъ въ
землю дерево, украшенное вѣнками подъ име-
немъ *Купалы* и зажигаютъ огни съ пѣніемъ.
Близъ города Бѣлицы на Днѣпрѣ, въ Гомлѣ
тогда поютъ:

У Пана Ивана посередь двора
Стояла верба,
На вербѣ горѣли свѣчи.
Съ той вербы капля упала,
Озеро стало:
Въ озерѣ самъ богъ купался
Съ дѣтками, судѣтками.

Въ Малороссіи, на канунѣ сего праздни-
ка, молодые люди обоего пола купаются въ
рѣкахъ до захожденія солнца, въ сумерки, по-
томъ раскладываютъ огонь на выгонахъ, на
полянахъ, въ садахъ, и попарно, держась
рука объ руку, перепрыгиваютъ черезъ огонь.
Если во время перепрыгиванія руки не разой-
дутся: это означаетъ, что сія пара сово-
купится бракомъ. Подобно какъ на Карпатахъ и

Судетахъ, молодежь препоясавшись цвѣтными перевязями и надѣвъ на головы вѣнки изъ цвѣтовъ и травъ благовонныхъ, составляютъ вокругъ огня хороводы съ пѣснями въ честь Купалы (208).

Веснянка въ Малороссіи есть остатокъ *Мараны*, забытый въ Польшѣ и неизвѣстный въ Великой Россіи, гдѣ впрочемъ во многихъ мѣстахъ *кличутъ*, или *закликаютъ, весну*. Въ Слободско-Украинской Г. дѣвки пляшутъ съ пѣснями въ Семикъ и Купалу вокругъ *Марены* — чучелы изъ черноклена, одѣтаго въ женское платье. Въ Украйнѣ дѣти, нося въ рукахъ ласточку, сдѣланную изъ дерева, ходятъ изъ дому въ домъ славить весну (219). Пѣсни же называются *веснянками*; ихъ поютъ дѣвушки, сбираясь по вечерамъ, съ того времени, какъ запоетъ овсянка, до Троицы. Въ Черниговской г. *веснянки* начинаются съ Благовѣщенья.

Что въ Великой и Бѣлой Россіи извѣстно подъ именемъ *Радуницы*, то въ Малороссіи называется *Гробками*, кои продолжаются

---

(208) Опытъ краткаго повѣствованія о древностяхъ Христіанскихъ; собрано Протоіереемъ *Іоанномъ Кутеповымъ*. Москва. 1814. въ 12.

(209) Простонародныя пѣсни нынѣшнихъ Грековъ, изд. *Н. Гнѣдича*. Спб. 1825. въ 8.

три дни, отъ понедѣльника до середы Ѳоминой недѣли. Тогда приносятъ на могилки родительскія всякаго рода кушанье *(страву)* и яицы, кои тамъ катаютъ до Юрьева дни. Поминки, или *проводы*, сопровождаются попойками при церквахъ и пѣснями. Въ Махновскомъ уѣздѣ этотъ праздникъ извѣстенъ подъ именемъ *бабскаго*.

Троицкая недѣля во всей Малороссіи именуется *зеленою*, *клечальною* отъ клечанья, или Мая (210), т. е. зеленыхъ вѣтвей, *Зелеными святками*, а въ древности *Русальною* (211). Около Стародуба эта седмица слыветъ *Греною*, пѣсни — *гренухами*, или *гренушками*. Въ Малороссіи Духовымъ днемъ называется Воскресенье, что у насъ Троица, а Троицынымъ днемъ — слѣдующій за нею понедѣльникъ, въ который у насъ празднуется Духовъ день. Въ Черниговской г. въ Новгородѣ Сѣверскомъ есть уважаемый народомъ родникъ *Заручейская криница*, или *Сухомлинская*, иначе *родникъ Ярославовъ*, впадающій въ Десну;

---

(210) Въ Лютеровомъ переводѣ Библіи, III кн. Моисеевой, 23, т. 44: Schmücket das Fest mit Mayen (вѣтвями древа).

(211) *Карамз.* И. Г. Р. ч. I, прим. 210, II. прим 115. III, прим. 10, 44, 89.

на срубѣ сей криницы, на разсвѣтѣ въ Зеленую недѣлю, по народному повѣрью, сидятъ *Криницы*, прекрасныя дѣвицы съ русыми волосами, кои онѣ разчесываютъ. Сіи *Криницы* суть Русалки, кои по названію своему отъ *криницы*, или *ручья*, и отъ *русла*, ложа рѣчнаго, представляютъ одинакія понятія (212), подтверждая свидѣтельства, выше приведенныя нами изъ Славянской рукописи XI вѣка, что „рѣки нарицались богини и звѣри, живущіе въ нихъ „почитаемы были богами, коимъ приносились требы.“ — Огни, видимые на многихъ древнихъ курганахъ по сѣвернымъ берегамъ Чернаго моря, по мнѣнію суевѣрныхъ поселянъ, разводятся Днѣпровскими Русалками, чтобы привѣтнымъ свѣтомъ заманить странниковъ къ крутизнамъ и низвергнуть ихъ въ пучины Днѣпровскія (213). Въ одной старой пѣснѣ Русалка загадываетъ загадку: *Ой щъ росте безъ кореня?* — и сама разгадываетъ подобно Линнею: *Камень росте безъ кореня.* Вообще Украинцы думаютъ, будто въ Русалокъ, или Мавокъ, превращаются дѣти, умершія

---

(212) Отечественныя записки П. С. Спб. 1828, Апрѣль.

(213) Одесскій Альманахъ. Одесса. 1831. 12.

безъ крещенія; и будто злые духи похищаютъ души сихъ младенцевъ, давая имъ свободу являться только въ день Сошествія Св. Духа и въ Троицынъ. Такихъ младенцевъ хоронятъ въ Кіевской г. въ Махновскомъ повѣтѣ подъ фигурою (крестомъ) на раздорожіи (перекресткѣ). По народному мнѣнію, души ихъ черезъ семь лѣтъ уносятся на воздухъ и просятъ себѣ крещенія три раза. Если кто услышитъ етотъ зовъ и подастъ имъ св. крещеніе, говоря: *Я тебя крещаю Иванъ и Марья во имя Отца и Сына и Святаго Духа;* тогда сіи души возьмутся Ангелами; а въ противномъ случаѣ дьяволами. По сказаніямъ суевѣрныхъ поселянъ, въ глубокую полночь Мавки о Троицынѣ днѣ бѣгаютъ по берегамъ рѣкъ и озеръ, поютъ, хохочутъ, хлопаютъ въ ладоши и *мяукаютъ* на подобіе кошекъ: отъ чего онѣ и получили свое названіе. Въ *Клечальную субботу* на-канунѣ Духова дня, бѣгая по ржи, они бьютъ въ ладоши и кричатъ: *Бухъ, бухъ! соломеный духъ! мене мати народила, некрещену положила.* Въ Горобиныя (воробьиныя) ночи бываютъ *свадьбы и танцы Русалокъ* (214); тогда поселяне

(214) Малороссійскія пѣсни, изд. М. А. *Максимовичемъ.* М. 1827. въ 16.

не купаются въ рѣкахъ и не ходятъ поодиначкѣ въ поле и лѣсъ, чтобы *Мавки не защекотали* (залоскотали) или не закачали. Мущины и женщины наканунѣ етихъ дней запасаются зорею и полынью, какъ предохранительными средствами противъ нападенія Русалокъ (215). Въ Малороссіи, въ Троицынъ день приносятъ въ церковь охапку зори, калуфера, мяты и кадила (chamaepitys), которая связывается веревкою, а въ срединѣ ставится тройная свѣча, называемая *Троицею* и горящая въ продолженіе обѣдни: травы сіи хранятся дома для лѣченія отъ разныхъ болѣзней, а тройная свѣча дается въ руки умирающему при послѣднемъ издыханіи. Въ Малороссіи, Духовъ и Троицынъ дни точно праздники духовъ: впрочемъ тамъ также завиваютъ и развиваютъ вѣнки въ Троицкую недѣлю, на коей поютъ:

Ой завью вѣнки, да на всѣ святки!
Ой на всѣ святки, на всѣ праздничкы,
Да рано, рано на всѣ праздничкы!

Мы уже сказали выше о сборищѣ вѣдьмъ на Ивановъ день въ Кіевѣ на Лысой горѣ,

---

(215) Исторія Малой Россіи, соч. *Д. Н. Бантышъ-Каменскаго.* ч. 2. Москва. 1830. въ 8.

для совѣщанія; въ сію-то ночь они сбираютъ вѣдемскія травы, снимаютъ съ неба звѣзды и держатъ ихъ въ кувшинахъ на погребахъ: въ Малороссіи также вѣрятъ, что кому посчастливится сорвать цвѣтъ папоротя (папоротника, кочедыжника) въ Иванову ночь, тотъ найдетъ кладъ.

Какъ въ Бѣлоруссіи, Гродненской и Виленской Губерніяхъ, Бѣлостокской области день Св. Бориса и Глѣба почитается праздникомъ *Паликопы,* такъ на Волынѣ Pantáleona Męczenika, а въ Малороссіи день *Палея,* т. е. Св. Пантелеймона: етотъ день проводится въ праздности изъ опасенія, чтобы за нарушеніе оной не *спалились* молніею копны хлѣба и стоги сѣна. —

Въ Малороссіи извѣстно и *Бабьію лито,* которое въ Богеміи, по свидѣтельству Юнгманова Словаря, называется также Pawúčj léto, паутинное лѣто, отъ коего и поговорка: Babj léto ljta, бабье лѣто летаетъ. см. стр. 85 и 143. Въ Кіевѣ *женить Семена* значитъ у ремесленниковъ: начинать работать при свѣчахъ вечера съ *Семена дни.*

Въ Малороссіи празднуется какъ весенній, такъ и осенній *Юрьевъ день* (26 Ноября); ибо и праздникъ церковный въ честь освященія храма Георгія на златыхъ вратахъ установленъ въ

Кіевѣ въ подражаніе Греческому. Тамъ употребителенъ былъ законный обычай перехода крестьянъ отъ помѣщика къ помѣщику и поговорка: *Отъ тѣбѣ, бабо, и Юрьевъ день* (216).

Тамъ бываютъ также земледѣльческія празднества: *Дожьтки*, послѣдній день жатвы, *Оборки*; остальный день оранія; *Досѣвки*; послѣдній день сѣянія; и *Толоки* съ играми и *забобонами*. *Масляница*, у Сербовъ *бѣлая недѣля* (217), въ Малороссіи не въ такомъ уваженіи, какъ въ Великой Россіи: тамъ не катаются на горахъ; а только ѣдятъ блинцы и вареники и пьютъ горѣлку.

Въ Кіевской г. такъ же, какъ въ бѣлой и черной Руси, *праздникомъ* преимущественно называется тотъ день, въ который заложена церковь: онъ отправляется прихожанами съ большимъ торжествомъ, лѣтомъ при церкви, а зимою въ домахъ церковнослужителей. На етомъ праздникѣ, слывущемъ и тамъ *канономъ*, а въ Черниговской г. *Братчиною*, пьютъ медъ вареный. *Вечерницями* и *Досвѣтками* въ Малороссіи называются сходбища въ одну хату въ осенніе и зимніе вечера; тамъ работаютъ, поютъ, играютъ, *жартуютъ* (шутятъ) и *женихаются*.

---

(216) Руские въ своихъ пословицахъ, Москва кн. IV.
(217) Енциклоп. Лексиконъ, Спб. т. VII.

Ограничиваясь въ етомъ сочиненіи только простонародными праздниками въ Великой Россіи, замѣтимъ, что одни изъ нихъ общіе, о коихъ выше упомянули, другіе мѣстные, произтекшіе изъ духа вѣрованія, нравовъ и мѣстности туземцевъ, которые вѣроятно чествовали свои отечественныя божества, каковы въ однѣхъ странахъ были Ярило, въ другихъ Волосъ и т. д. — Общіе праздники, по мѣстамъ извѣстные подъ различными названіями, являясь тамъ въ особенныхъ формахъ, нерѣдко соединяются съ особенными обрядами, или смотря по климату страны, отправляются ранѣе или позднѣе.

Что разумѣютъ подъ именемъ *Коледы* въ Чермной, Черной, Бѣлой и Малой Россіи, такъ равно и у другихъ Славянскихъ племенъ, то въ Великой Россіи называютъ обыкновенно *Святками*, *Святыми вечерами*, а въ Новгородской Г. *Кудесами*, *Окручаньемъ*, въ Псковской *Субботками*. Однако Коледа вспоминается на Поволжьѣ; въ Костромской и Ярославской Г. поютъ: *Шла Коледа изъ Новагорода* и пр.; что свидѣтельствуетъ о переселеніи обычаевъ изъ вольнаго города при Іоаннахъ III и IV. Въ Муромскомъ уѣздѣ, и въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Рязанской Губ., съ Коледою воспѣвается *Таусень* или *Авсень*. Тамъ

же въ Чухломѣ, о Святкахъ ребятишки слѣдующею пѣсней напоминаютъ западный праздникъ *трехъ Королей:*

Двоимъ, троимъ,
Давно стоимъ:
Пожалуйте копытце;
Вамъ спасенье,
Намъ прибыльнѣе.
Пожалуйте *Королю* и т. д.

Въ Тульской Г. по селамъ 1 го Января бываетъ *застьвъ*; подобно Малороссіанамъ, крестьянскія дѣти ходятъ по избамъ сѣять изъ рукавицы зерны хлѣба яроваго, кои сбираются старухами и берегутся до посѣва осенняго. — *Соботка*, знакомая Полякамъ, Силезцамъ и Чехамъ, извѣстна также и поселянамъ по рѣкѣ Лугѣ, текущей изъ болотъ Новгородской Губерніи въ С. Петербургскую (218). По Волхову знаютъ сіе игрище подъ названіемъ *Коккуя*, см. выше стр. 90. Въ старой Ладогѣ при рѣкѣ, впадающей въ Волховъ, на горѣ Побѣдищѣ, по свидѣтельству Ходаковскаго, это купальское ликованіе ежегодно совершается въ Ивановъ день при огнѣ, который добываютъ посредствомъ тренія дерева объ

(218) Исторія Малой Россіи, соч. Д. Н. *Бантышъ-Каменскаго*. ч. 2. Москва, 1830. въ 8.

дерево, называя его въ той сторонѣ *живымъ огнемъ*, *Царь-огнемъ* и *Коккуемъ*.

Въ Переславлѣ-Залѣсскомъ ярмарка, бывающая въ день Агриппины, по просторѣчію Купальницы, слыветъ въ народѣ *Купальницею*. *Иванъ Купало*, празднуемый отъ Днѣпра до Нѣменя, между чернью называется *Ярилою* въ Ярославской, Тверской и Рязанской Губерніяхъ.

Въ Костромской Г. недѣли съ Богоявленьева дня до Масляницы у крестьянъ называются *свадебными*; потому что они всегда около етого времени играютъ свадьбы. Отъ етого же вѣроятно и Февраль въ лѣтописяхъ означенъ *Свадьбами* (219).

Красная горка, столь извѣстная въ Великой Россіи и по празднеству оной въ опредѣленное время и по многимъ урочищамъ, означаетъ мѣсто и время: въ Смоленской Г. именуется *Толпищемъ*, и напоминаетъ древнее Славянское *Стадо*. Въ однихъ краяхъ *Горкою* называется гулянье на Святой недѣлѣ, въ другихъ въ Юрьевъ день; но вездѣ Красная Горка почитается временемъ свадебъ и сопровождаема бываетъ *кликаньемъ весны*, какъ первый весенній праздникъ, съ коего, по большей части, начинаютъ *играть въ*

---

(219) *Карамз.* И. Г. Р. V, прим. 222, 386.

горълки, а когда станутъ распускаться листья на деревьяхъ — *играть хороводами*. *Семикъ*, или семицкій четвергъ, праздникъ погребенія убогихъ и завиванія вѣнковъ, въ Вологдѣ называется *Поляною* отъ мѣстоположенія, гдѣ была, по преданію, могила двухъ чудесныхъ *витязей бѣлоризцевъ* (220). Позорищемъ Семика бываетъ кладбище и роща. Всесвятское заговѣнье извѣстно въ Костромѣ и Твери подъ именемъ *Ярилы*, въ Нерехтѣ — *Конноковки*, а въ Ярославлѣ — *Солонины*. — *Бабье лѣто* въ однихъ мѣстахъ начинаютъ съ 1го Сентября, или Семена дни, въ другихъ съ 8го Сентября, или съ Рождества Богородицы; оно слыветъ въ Саратовской и Пензенской Губерніяхъ *Пасиковымъ днемъ* отъ уборки ульевъ, въ Ярославской и Вологодской Губерніяхъ *Луковымъ днемъ* отъ снимания съ грядъ лука и чеснока, въ Рязанской *Аспосовымъ* и *Спосовымъ*, вѣроятно, *отъ Спаса* или отъ другаго неизвѣстнаго доселѣ слова. Въ селеніяхъ Тульской Г. подъ Великъ день жители *заклинаютъ морозъ*, губителя овса, льна и конопель. Поселянинъ беретъ ложку киселя и просунувъ голову въ волоковое окно, говоритъ:

Морозъ, морозъ!

Приходи кисель ѣсть.

(220) Вѣстникъ Европы, 1814, No 14.

Морозъ, морозъ!
Не бей нашъ овесъ,
Ленъ, да конопли
Въ землю вколоти!

Окончивъ такія слова, онъ оборачивается въ избу, гдѣ окачиваетъ его водою старшая изъ женщинъ.

Въ Галицкихъ мѣстахъ и въ Тверской Г. послѣднее воскресенье, называемое тамъ *прощальнымъ*, а въ Сибири *Цѣловникомъ*, молодежь проводитъ въ катаньи по улицѣ, одѣляетъ пряниками окликальщиковъ, которые носятъ въ рукахъ вѣтви еловаго дерева. Это окликанье и вѣтьвь означаютъ богатую и роскошную жизнь; ель ставятъ также на дворѣ у хозяевъ, которые еще болѣе угощаютъ окликальщиковъ, возглашающихъ: *О Лелё! О Лелё! Прощальнымъ*, или *Цѣловникомъ* Воскресенье это наименовано потому, что предъ наступленіемъ Великаго поста цѣлуются со всѣми въ знакъ Христіанскаго примиренія и ходятъ на кладбище прощаться съ усопшими родственниками. Тамъ же въ Ѳомину недѣлю, именуемую *Радоницами*, гуляетъ народъ послѣ полуночи и до свѣта, распѣвая подъ окнами: *Юница, молодица, подай яицо въ перепечу!*

Тогда подают парням вино, пиво, ладышки, казанки, а дѣвкам пряники и красныя яица. Етот *Юнецъ* или *Вьюнецъ* упоминается въ 25 вопросѣ Стоглава: „и на Радоницѣ „Вьюнецъ, и всяко в нихъ бѣсованіе.“

Изъ мѣстныхъ праздниковъ въ Россіи извѣстенъ въ Вятской Губерніи подъ названіемъ *Свистопляски*, который совершается ежегодно въ четвертую субботу послѣ Пасхи, на томъ мѣстѣ, гдѣ въ 1480 г. Вятчане подъ предводительствомъ Михаила Рожухина, сражаясь ночью съ союзниками своими, Устюжанами, по невѣдѣнію, побили ихъ девять тысячь (221). Послѣ паннихиды въ часовнѣ, въ день Свистопляски продаются разныя закуски и дѣлаемыя нарочно для сего праздника глиняныя куклы, свистки и шарики, коими бросают другъ въ друга, становясь по обѣ стороны рва, и свистятъ. Липовская Swistoplaska описана въ Виленскомъ Денникѣ. — Въ верстахъ семи отъ Вологды, по Архангельской дорогѣ есть въ лѣсу на полянѣ могила воина Аники, на которую прохожіе кидаютъ сломленныя вѣтки деревъ. Отъ

---

(221) Записка Преосвящ. Кирилла, бывшаго Епископа Вятскаго, а нынѣ Архіепископа Брацлавскаго.

этого тамъ накопляется большой ворохъ, который сжигается въ одинъ лѣтній день собравшимся народомъ. На этомъ сходбищѣ ѣдятъ блины и гуляютъ. — Предъ Троицынымъ днемъ, въ Лихвинскомъ уѣздѣ Калужской Губерніи, бываетъ народный праздникъ *Маргостье*, во время коего одна кума къ другой ѣздитъ на метлѣ и угощаются пирогами. Орловской и Тульской Губ., въ этожъ время бываетъ извѣстное и въ другихъ мѣстахъ *крещеніе кукушекъ*, которое состоитъ въ томъ, что въ рощѣ избранные кумъ и кума надѣвъ крестикъ на птичку кукушку или на травку тогожъ имени, кладутъ ихъ на разостланный платокъ, садятся вокругъ его, мѣняются крестами своими, цѣлуются и съ прочими подругами ѣдятъ яишницу и поютъ пѣсни. Въ Чистопольскомъ уѣздѣ, въ *Савинѣ городкѣ*, въ Троицкую субботу служатъ молебны на ржаномъ и яровомъ поляхъ, а потомъ вплоть до ночи поютъ и пляшутъ въ честь Ярилы.

Въ Муромѣ, въ первое воскресенье послѣ Троицына дня бываетъ гульбище для *погребенія Костромы*, во Владимірѣ для *погребенія Лады*, а въ Твери недавно прекратился праздникъ *погребеніе Ярила*, совершавшійся 24 го Іюня близъ Трехъ-святскаго сада.

Въ етомъ же краю съ перваго Воскресенья послѣ Петрова дни начинаются гулянки, называемыя *Петровками*, кои продолжаются по первый Спасъ. Въ Рязанской Губерніи, въ Скопинѣ, съ понедѣльника Русальной недѣли до самаго заговѣнья, съ вечера до ночи дѣвки и женщины водятъ хороводы змѣйкою, держась за конецъ платка и припѣвая: *Лелій, лелій, лелій зеленый, и Ладо мое!* — Въ Пензенской и Симбирской Г. въ Духовъ день дѣвки выбравъ изъ себя одну, нареченную *Костромою*, кладутъ ее на доску, на коей несутъ ее на рѣку, гдѣ сложивъ ее, купаютъ другъ друга въ рѣкѣ; потомъ сдѣлавъ изъ лубка барабанъ, подъ звукомъ его, возвращаются домой и, нарядясь, выходятъ на улицу играть въ хороводы до вечера. Сія миѳическая или символическая *Кострома* извѣстна и въ другихъ краяхъ Россіи.

Въ Воронежской Губерніи на берегу озера Горохова, соединяющагося съ Дономъ, строивали жители села Горохова, подъ Троицынъ день, какъ гласитъ преданіе, на полянѣ шалашъ, украшали его вѣнками изъ цвѣтовъ и душистой зелени — внутри ставили на возвышенномъ мѣстѣ болвана изъ

дерева или соломы, одѣтаго въ богатое мужское и женское платье. Около шалаша сбирались тамошніе жители, принося съ собою отборную пищу и питье, и составляли около шалаша хороводы, плясали, пѣли пѣсни и пировали *сколько душѣ было угодно*. Въ Воронежѣ, такъ какъ и въ другихъ краяхъ Россіи, молодыя дѣвушки, особливо низкаго состоянія, на Троицынъ день сбирались къ какой нибудь изъ подругъ своихъ *завивать вѣнки*, а на другой день сходились *развивать*. Обыкновенный припѣвъ въ пѣсняхъ при етомъ праздникѣ, или лучше сказать, съ самаго открытія весны до 25 Іюня, есть: *Ладо, диди и Ладо*. Въ Орловской Г. есть обыкновеніе *молить каравай* въ Троицынъ день, которое состоитъ въ томъ, что приготовляется одинъ общій каравай для стола, а другой для рощи, куда съ нимъ послѣ обѣда отправляются гулять и завивать вѣнки. Въ Псковской Губерніи пучками цвѣтовъ, съ коими стояли обѣдню и вечерню въ Троицынъ день, обметаютъ могилы родительскія; ето называется: *глаза у родителей прочищать*. — Въ Воронежѣ отправлялось, до Тихона I, ежегодно предъ заговѣньемъ Петрова поста буйное игрище, имъ уничтоженное 1763 г., въ честь *Ярц*-

ла, который, по словамъ сего Архипастыря, „въ сихъ странахъ за бога почитаемъ „былъ, пока еще не было тамъ Хрістіан„скаго благочестія.“ Это игрище соединялось съ плясками и пированьемъ, также съ кулачными боями, на коихъ случались и смертоубійства и жестокія увѣчья (222). Въ Кинешмѣ до нынѣ совершается празднество въ память Ярилы о заговѣньѣ Всесвятскомъ. — Въ Одоевскомъ уѣздѣ Тульской Г. простой народъ около Петрова дни стекается на поклоненіе двумъ камнямъ, какъ на могилы родителей, послѣ молебна въ церкви Божіей Матери Умиленія. Сіи камни, коимъ приписывается суевѣрами чудодѣйственная сила, называются *Башъ* и *Башиха*; одни ихъ почитаютъ за мущину и женщину, а другіе за супруговъ, иные за кума и куму, или за богатырей, превращенныхъ въ камень. Въ городѣ Тюменѣ Тобольской Г. въ десятое воскресенье послѣ Пасхи бывалъ за бѣлымъ городищемъ праздникъ *Ключъ* (223), начинаемый водосвятіемъ и оканчиваемый гуляньемъ, борьбою и пѣснями; нынѣ предается онъ забвенію.

---

(222) Описаніе жизни и подвиговъ Преосвящ. Тихона, Епископа Воронежскаго и Елецкаго, сочин. *Митрополита Кіевскаго Евгенія.* изд. 2. М. 1820, въ 8.

(223) Сѣверная Пчела. 1827, No 24.

У нынѣшней Мордвы, потомковъ Ростовской Мери, переселившейся за Оку и смѣшавшейся съ Мордвою во время крещенія земли Ростовской, донынѣ лѣтомъ совершается языческій праздникъ въ честь Велеса подъ названіемъ *Велъ - Оскъ*; а близъ Нерехты, также Мерянскаго поселенія, среди рѣки Нерехты лежитъ чудный *камень*, похожій на большую бочку съ обручами. Простолюдины вѣрятъ, что кто осмѣлится брать воду близъ етого камня, тотъ впадетъ въ сумасшествіе. Какъ мы замѣтили выше, что Меря покланялась Велесу подъ видомъ камня; то сіе даетъ поводъ почитать етотъ камень за Велеса (224). Въ Шенкурскѣ и Верховажьѣ, начиная отъ самаго Рождества цѣлую недѣлю ходятъ парни по домамъ, такъ какъ въ Малороссіи, *со звѣздою*, которая дѣлается изъ бумаги въ аршинъ величиной и освѣщается свѣчею. Тамъ хожденіе съ такою звѣздой и пѣніе *винограднья* называется вообще *Коледою*. Въ Бабье лѣто, въ Серпуховѣ па полѣ дѣвушки и молодцы съ плачемъ торжественно *хоронятъ мухъ* въ гробкахъ, вырѣзанныхъ изъ моркови и свеклы. Тогда женихи смотрятъ себѣ невѣстъ: что бываетъ

(224) Записки М. Я. Діева изъ Нерехты.

и въ другіе праздники и т. д. см. стр. 32. Въ Новгородѣ, Москвѣ и другихъ городахъ, въ недѣлю предъ Рождествомъ Христовымъ, совершались *обрядъ Пещнаго дѣйствія*, родъ сценическаго представленія, какія бывали и въ Римской церкви (225), въ Вербную недѣлю *обрядъ хожденія на осляти*, а 1 Сентября *чинъ лѣтопровожденія*.

Въ Осташковѣ, по воскресеньямъ бываетъ вечернее гулянье, извѣстное тамъ подъ именемъ *Беззаботной площади*. Въ Цывильскѣ сборища дѣвицъ на веселье называются *Холками*. Во всей почти Россіи празднуются *Пятницы*, соединенныя съ мѣстными торгами, или ярмарками. *Пятница* именуется *временною*; потому что день С. Параскевы, 28 Октября, временно приходится въ пятокъ. Въ Кинешемскомъ округѣ торжествуется *Обжорная Суббота*, а въ Буевскомъ *Обжорная Пятница*, на третьей недѣлѣ Великаго поста, когда зятья тестей и тещей угощаютъ киселемъ съ масломъ, который привозится туда обыкновенно въ гробкахъ. Въ Шенкурскомъ и Вельскомъ округахъ, по Вагѣ простой народъ ежегодно отправляетъ праздникъ въ пятокъ первой недѣли Петрова поста *Девятой Пятницѣ*, или въ честь С. Параскевіи, нареченной *Пятницы*, особенно у

---

(225) Древняя Росс. Вивліоѳика, ч. VI. М. 1788. 8.

древней часовни въ пяти верстахъ отъ Верховажья, куда бываетъ изъ церкви крестное хожденіе, сопровождаемое множествомъ народа изъ окрестностей. За молебствіемъ слѣдуютъ пиршество и игрище; тамъ дѣвки и парни составляютъ два круга, кои постоявъ нѣсколько времени въ нѣкоторомъ разстояніи одинъ отъ другаго, потомъ сходятся вмѣстѣ и попарно дѣвки съ парнями бѣгаютъ въ запуски; на бѣгу стараются разорвать ихъ чету дѣвка или парень, у которыхъ нѣтъ пары. Ета игра тамъ называется *Полукрестомъ*.

Въ Пермской Губерніи, въ селѣ Обычепскомъ, въ *Ильинъ день*, по свидѣтельству Лепехина, убиваютъ въ складчину быковъ и телятъ, а въ *Прокопьевъ день* — барановъ, коихъ съѣдаютъ всемъ міромъ (226).

Приходскіе праздники какъ въ Великой Россіи, такъ равно и въ Бѣлой, сопровождаются общимъ гостепріимствомъ и весельемъ, которое продолжается обыкновенно три дни. Около Галича и Буя, на монастырѣ, въ приходскіе праздники угощаютъ прихожанъ и пришлыхъ кашицей, вареныхъ мясомъ и пивомъ; ето

---

(226) *И. Лепехина* Дневныя Записки. Спб. 1768 — 69. ч. I. въ 8.

шамъ называется: *угощаться у праздника.* Самая поговорка *на нашей улицѣ праздникъ*, выражаетъ всю полноту удовольствія и торжество, какое доставляетъ поселянину его праздникъ, приносящій ему отдыхъ отъ трудовъ, разгулъ и веселье въ жизни. Ежели ближе и глубже вникнуть въ народную, жизнь развившуюся на разныхъ полосахъ сѣверо-восточной Россіи: то, вѣроятно, откроется еще болѣе мѣстныхъ повѣрій и обрядовъ древнихъ, смѣшанныхъ и новыхъ, а въ нихъ духъ народа, отлившійся тамъ въ разныхъ формахъ. Такое разнообразіе повѣрьевъ и обычаевъ подтверждаетъ и самая пословица народная: *Что городъ, то норовъ* (нравъ, обычай); *что деревня, то обычай; что подворье, то повѣрье.*

Въ етомъ сочиненіи мы ограничиваемся только праздниками и обрядами Великой Россіи, кои здѣсь при общемъ обзорѣ разсматриваемъ сравнительно съ другими, съ нею сходными по внѣшности или сущности; въ слѣдующихъ книжкахъ предложимъ каждый праздникъ особенно съ его подробностями и съ относящимися къ нему пѣснями.

---

§ 6. По отношенію къ мѣсту, народные праздники также могутъ быть раздѣлены на *сельскіе* и *городскіе*. Въ Древности,

въ епоху языческую они не имѣли такого различія; въ первые же вѣка́, при постепенномъ переходѣ Язычества къ Христіанской вѣрѣ въ Россіи, они стали разниться своимъ содержаніемъ и цѣлію, кои измѣнялись въ епохи наращенія: Греческую, Восточно-Европейскую или Азіатскую и Западно-Европейскую.

Религіозные древніе праздники и обряды истекли изъ внутренней, семейной жизни; развились и образовались вмѣстѣ съ развитіемъ и образованіемъ общества, сперва въ селеніяхъ, потомъ въ городахъ, гдѣ празднества, сопряженныя съ торговлею, судьбищемъ и гостепріимствомъ, служили средствами къ соединенію не только единоплеменныхъ, но и къ сближенію съ разноплеменными народами. Выше приведенное нами мѣсто изъ отечественнаго лѣтописца — *игрища межю селы* — доказываетъ, что онѣ начались вмѣстѣ съ началомъ общинъ, когда удовлетворены были главныя потребности жизни. Поэтому вѣроятно, что селы имѣли свои средоточія, гдѣ бывали т р е б и щ а, м о л ь б и щ а, и г р и щ а, тризнища. *Погосты* и *городища* составляли такое средоточіе, гдѣ, въ назначенное старѣйшинами селеній время, сбирались *мужи* и *жены* для совершенія богослужебныхъ обрядовъ, кои сопровождаемы были играми и пѣснями; сходство

тѣхъ и другихъ предполагаетъ сношеніе между сими разсадниками народонаселенія и богослуженія. На игрищахъ Вятичи, Радимичи и Сѣверяне, по сказанію нашего лѣтописателя, „умыкаху жены себѣ, с нею „же кто совѣщавашесь.“ Подобная игра донынѣ существуетъ на Сѣверѣ: играющіе раздѣляются на двѣ стороны, изъ коихъ каждая поетъ попеременно и одна изъ нихъ беретъ у другой *дѣвицу* за выкупъ *перенятыхъ ею коней* (227).

Хотя лѣтописцы наши и не говорятъ о священныхъ обрядахъ и празднествахъ въ честь боговъ въ Кіевѣ и Новгородѣ, кромѣ благодарственной жертвы выбраннымъ по жребію Варягомъ при Владимірѣ I и торжественной клятвы Перуномъ и Волосомъ; однако упоминаютъ о *позорахъ*, *игрищахъ*, *русальяхъ* и *тризнахъ*, кои принадлежали къ обрядамъ древняго вѣрованія и совершались какъ въ селахъ, такъ равно въ городахъ и пригородахъ.

Когда жь Христіанская вѣра съ X вѣка стала вытѣснять изъ городовъ обряды и праздники древняго народнаго Язычества: тогда тамъ съ перемѣною образа мыслей и

(227) Краткое обозрѣніе Миѳологіи Славянъ Россійскихъ. Москва. 1815. въ 8.

жизни они обратились въ обыкновенныя гулянья и катанья, сдѣлались гражданскими увеселеніями, съ коими соединяемы были другія чувствованія, другія мысли. Между тѣмъ древнія повѣрья и завѣтные обычаи укрывались въ колыбели своей — въ сельскихъ пріютахъ, гдѣ они зачались, родились и возмужали вмѣстѣ съ народностію: тамъ они нашли себѣ приволье и разгулье на поляхъ и лугахъ, въ лѣсахъ, на берегахъ рѣкъ и озеръ, на горахъ и на улицахъ селеній. Приурочками ихъ служили лѣтнее и зимнее солнцестояніе, прилетаніе и отлетаніе птицъ, развертываніе и паденіе листьевъ древесныхъ, замерзаніе и вскрытіе рѣкъ, начало и окончаніе полевыхъ работъ, кои смѣнялись днями покоя и веселья, посвященными на совершеніе праотеческихъ обрядовъ по преданію и по привычкѣ. Забвеніе или нарушеніе завѣтныхъ обычаевъ почиталось у простолюдиновъ преступленіемъ, за коимъ по ихъ мнѣнію, неминуемо слѣдовала напасть: по етому исполненіе сихъ обычаевъ сдѣлалось необходимостію. — Въ городахъ нерѣдко древніе обычаи замѣняемы были новыми, чужеземными. Въ Христіанскую епоху Государями и Духовенствомъ давались народу праздники по случаю важнѣйшихъ событій. Выше сказали о торжествахъ по освященіи церквей и о

праздникахъ приходскихъ. О пирахъ народныхъ при В. К. Владимірѣ I въ Язычествѣ и Христіанствѣ упоминаютъ лѣтописи наши и старинныя пѣсни :

Во славномъ городѣ Кіевѣ,
У Князя у Владиміра,
У солнышка Святославича,
Было пированіе почетное,
Почетное и похвальное
Про Князей и про Бояръ,
Про сильныхъ могучихъ богатырей,
Про всю поляницу удалую, и пр.

Хлѣбосольный В. К. Владиміръ, по сказанію Макарьевской Минеи, „памяти „святыхъ въ церквахъ творяше пѣніемъ и „молитвами, и праздноваше свѣтло праздники господскія: и три трапезы поставляше, первую Митрополиту съ Епископы, „и съ черноризцы и съ попы, вторую нищимъ и убогимъ, третью себѣ и бояромъ „своимъ и всѣмъ мужемъ своимъ." Великій Князь Владимірскій Константинъ Георгіевичь, по освященіи въ Ростовѣ церкви Св. Бориса и Глѣба, сотворилъ пиръ для угощенія народа и роздалъ милостыню. Изъ Печерскаго Патерика видно, что братія Печерскаго монастыря вкушали трапезу въ

обители Св. Димитрія въ храмовый праздникъ и обѣдали съ боярами въ Вышгородѣ по случаю праздника перенесенія Св. мощей Бориса и Глѣба; для нихъ же было въ самомъ монастырѣ *учрежденіе веліе.* Князья Святославъ и Всеволодъ, по изгнаніи Изяслава изъ Кіева, приглашали къ себѣ Св. Ѳеодосія на обѣдъ (228). Такія учрежденія бывали въ лаврахъ и другихъ монастыряхъ, гдѣ въ храмовые праздники безмездно угощали богомольцевъ, какъ видно изъ Исторіи Россійской Іерархіи. Со временъ Всероссійскихъ Митрополитовъ, по образцу Византійскихъ церемоній (229), въ Москвѣ, въ день Успенія Богоматери донынѣ дается въ Крестовой палатѣ обѣдъ, слывущій *Царскимъ.* Въ Древности Государи и вельможи творили пиры монахамъ, гдѣ иногда забывались уставы воздержанія и приличія, какъ явствуетъ изъ слѣдующихъ словъ Митрополита Іоанна: „Иже в манастырехъ часто пиры творятъ, „съзываетъ мужа вкупѣ и жены, и в тѣхъ „пирѣхъ другъ другу преспѣваютъ, кто лучи „творитъ пиръ. И оже сихъ творятъ и собѣ

(228) *Карамз.* И. Г. Р. III, прим. 80.

(229) *Constantini porph.* de cerimoniis aulae Byzantinae, Lipsiae, 1754. f. cap. 52. — Древняя Росс. Вивліоѳика. ч. VI.

„иже с ними пьютъ череньци и съ черньчѣ „погубляютъ, и мнѣтъ, что добро творятъ „нищелюбія (230)“.

Древняя Исторія свидѣтельствуетъ намъ, что Государи, по случаю знаменитыхъ побѣдъ, славнаго мира, полезнаго союза и другихъ великихъ событій, дѣлали народу празднества и угощенія. Такъ Царь Давидъ при торжественномъ перенесеніи ківота во градъ, „раздалъ отъ мужа даже до жены коемуждо по „укруху хлѣба печенаго и по части печенаго „мяса и по *сковрадному млину* (231)“.

Въ отечественныхъ лѣтописяхъ встрѣчаются примѣры народныхъ обѣдовъ, какіе давали Великіе Князья. В. К. Владиміръ I далъ народу свѣтлый праздникъ послѣ спасенія своего отъ Печенѣговъ: „створи праздникъ великъ, варя 40 проvиръ меду и съзываше боляры своя и посадники, старѣйшины по всѣмъ градомъ и „люди многи, и раздая убогимъ 40 гривенъ.“ Въ 1148 г. В. К. Изяславъ Мстиславичь сдѣлалъ великолѣпное пиршество народу на Городищѣ, по прибытіи своемъ въ Новгородъ, гдѣ внукъ

---

(230) Рускія Достопамятности, ч. I. М. 1815. 8.

(231) II *Царствѣ*, VI, 19. Млинъ тоже что блинъ.

Мономаховъ веселился съ народомъ, какъ отецъ съ дѣтьми. Въ 1195 г. В. К. Рюрикъ Ростиславичь и сынъ его Ростиславъ Бѣлогородскій съ Кіевлянами дали пиръ Князю Давиду Смоленскому, который угостилъ тамъ не только Князей, но и Берендѣевъ, Торковъ и даже самыхъ чернецовъ и нищихъ (232). Княжескіе съѣзды оканчивались пиршествами. Послѣ взятія Казани, Царь Іоаннъ Васильевичь, 1552 г., сдѣлалъ пиршество воинству, народу, Духовенству и Сановникамъ. Петръ I праздновалъ съ народомъ свои побѣды. По образцу вѣнчанія на царство Греческихъ Императоровъ, издревле Россійскіе Государи по совершеніи сего священнаго обряда давали народу праздникъ, на коемъ угощали его. Въ чинѣ и поставленіи на царство Царя Алексія Михайловича 1646 г. значится, что „вси царстѣй „трапезѣ пріемники бываютъ, пиру же зѣло „честну и велику сотворяему новымъ Ца„ремъ—и вси люди весели бываютъ, и мнози „и честніи дарове отъ Царя износятся (233)“. Извѣстно, что и донынѣ въ день коронованія своего Государи Россійскіе даютъ на-

---

(232) Опытъ трудовъ Вольнаго Росс. Собранія, ч. I. Москва. 1774. 8.

(233) *Карамз.* И. Г. Р. III, стр. 187 и прим. 331.

роду праздники съ разными потѣхами, или какъ говорится, *пиръ на весь міръ—пиръ горой.*

Такимъ образомъ городскіе, или гражданскіе праздники приняли совсѣмъ другой характеръ, проистекая изъ новыхъ, болѣе иноземныхъ источниковъ; чтожъ касается до сельскихъ народныхъ праздниковъ, то они еще удерживаютъ остатки древняго своего характера; потому что бытъ поселянина донынѣ мало измѣнился въ существѣ своемъ.

На погостахъ и доселѣ въ праздники бываютъ сборы или торги, на кои стекаются гости изъ сосѣднихъ весей и селеній. Самое слово *погостъ* значитъ округъ нѣсколькихъ деревенскихъ дворовъ, приходы, тоже что прежде извѣстно было подъ именемъ *вервь*, упоминаемомъ въ Руской Правдѣ (234), также бѣлую землю вокругъ церкви, и кладбище или буйвище, какое почти всегда бываетъ въ концѣ селенія. До XVI вѣка Новгородъ и Псковъ раздѣлены были на погосты, такъ какъ Сербія на жупанства. *Погостъ* сроденъ въ Греческимъ πάγος холмъ, деревня, и съ Латинскимъ ра-

(234) Руская Правда, изд. *А. Шлецера.* Спб. 1767. въ 8. — Въ Славенороссскомъ Лексиконѣ Памвы Берынды гробъ и гробище толкуется *жупище.* Что у Сербовъ было *жупа* (Zupa, Juppa), по замѣчанію Князя М. А. Оболенскаго, то у Рускихъ погостъ, какъ средоточіе селенія или волости.

gus (235), отъ коего произошло и paganus (ἰδιώτης, κωμιτικὸς) поганый не только по производству, но и по знаменованію. При введеніи въ Римской Имперіи Христіанской вѣры, язычники и идолопоклонники обыкновенно назывались pagani (236); потому что они укрывались въ весяхъ, селахъ (in pagis) и тамъ на привольѣ совершали запрещенные законами обряды Язычества. Отъ этого paganus значилъ также сокровенный, тайный (237). Константинъ Багрянородный свидѣтельствуетъ (238), что у Славянъ слово παγάνοι употреблялось для означенія *некрещеныхъ деревенскихъ обывателей*. Вѣроятно, оно въ этомъ смыслѣ перешло на Русь отъ Болгаръ и Сербовъ, у которыхъ находится въ языкѣ. Съ того времени, а можетъ быть, и ранѣе, слово *паганъ* обратилось въ укоризнен-

---

(235) По мнѣнію Сервія Грамматика: *Pagi* dicti a fontibus; quod eadem aqua uterentur: aquae enim lingua Dorica παγαί appellantur.

(236) *Augustin*. Retract. 42: Deorum falsorum multorumque cultores, *paganos* vocamus.

(237) Glossarium mediae et infimae Latinitatis. Halae. I—VI. 8. — Обозрѣніе Кормчей книги въ историческомъ видѣ, соч. *Б. Розенкампфа*. М. 1829. 8.

(238) de administrando imperio, p. 29, 36. c. 32 p. 99.

ное прозвище невѣрнаго человѣка, какъ напр: у Чухонцевъ въ Естляндіи и у Рускихъ поселянъ *поганый* значитъ нечистый, скверный. Въ Кормчей, Номоканонѣ, Стоглавѣ, Требникахъ и въ посланіяхъ Рускихъ Святителей именуются *поганскими* древніе языческіе обряды, какіе явно и тайно отправлялись въ селахъ и даже городахъ. У Римлянъ также сельскіе праздники назывались Paganica; а Paganalia праздновались въ каждомъ округѣ Римской области ежегодно въ честь бога хранителя окружнаго, обыкновенно по окончаніи жатвы. У Византійскихъ писателей Далмація и Сервія именуются Pagania (239). По етому, не безъ основанія, простонародныя повѣрья и обычаи называются *сельскими, деревенскими*, какъ удѣломъ черни, необразованныхъ простолюдиновъ.

О земледѣльческихъ праздникахъ мы замѣтили еще прежде. Трудъ земледѣльца услаждается весельемъ; рабочая пора, или *страда, страдная пора,* у него соединенаєъ особенными обрядами и пиршествами: предъ посѣвомъ и жнитвомъ и послѣ жнитва бываютъ крестные ходы съ св. образами. Начатки житъ и первые соты, такъ равно и первые

(239) *Stritteri* memoriae populorum. t. IV. in 4.

плоды приносятся въ храмъ Божій. Въ Симбирской и Пензенской Губерніяхъ, по окончаніи жнитва, весь народъ сбирается въ поле дожинать послѣдніе загоны, и когда уже свяжутъ послѣдній снопъ: то нарядивъ его въ сарафанъ и кокошникъ, несутъ на барскій дворъ, гдѣ господа подчиваютъ ихъ пивомъ и виномъ, поздравляя съ окончаніемъ жатвы. Въ сѣверныхъ Губерніяхъ, напр. Костромской, когда измолотятъ хлѣбъ (что обыкновенно бываетъ въ день *Ѳеклы Заревницы*, 24 Сентября): тогда *овинъ* нарекаютъ *именинникомъ* и варятъ для него кашу молотильщикамъ, которые когда измолотятъ на гумнѣ хлѣбъ, приговариваютъ: *Хозяину хлѣба ворошокъ, а молотильщикамъ каши горшокъ.* — У Мордвы, также и въ разныхъ полосахъ Великой Россіи, въ Августѣ бываетъ пиршество, называемое *Помочью*: малосемейные зажиточные люди сзываютъ сосѣдей себѣ на помощь для сжатія созрѣвшаго хлѣба. Тогда, для угощенія помощниковъ, ставятся на дворѣ кадки съ пивомъ и столы съ хлѣбомъ и солью, калачами, пирогами. На *сиротскую* и *вдовью Помочь* не требуется никакого иждивенія; но сиротъ и вдовъ снабжаютъ всѣмъ тѣмъ, что нужно для такого пиршества: имъ безмездно помогаютъ не только сжать хлѣбъ, но

и запасти па цѣлый годъ дровъ и лучины (240). Въ Япанскомъ и Уржумскомъ имѣніяхъ Вятской и Пермской Губерній начинають удобреніе полей съ Петрова дни *Помочами*; ето называется тамъ: *пазьмы грать*, т. е. играть (241). Такія Толоки, или Помочи для унавоживанія полей извѣстны въ Смоленской и другихъ Губерніяхъ. Кельхенъ въ Лифляндской Исторіи такъ описываетъ Толоку: „Въ половинѣ краткаго лѣта, во „время жатвы тѣ, которые имѣютъ обширную „ниву, обыкновенно сзываютъ довольное „число сосѣдей для того, чтобы съ ихъ „помощью скорѣе окончить жатву; етимъ „помощникамъ ввечеру они дѣлаютъ угощеніе, „которое тамъ называется *Талкомъ* „(Talckus). Слово сіе происходитъ отъ древняго „Естскаго, или Прускаго Talck, значащаго „работу не за какую либо плату, но „за кушанье и питье, и хотя приглашенные „на толоку занимаются цѣлый день тягостными „трудами; однако слѣдующую за

---

(240) *И. Лепехина* Дневныя записки. Спб. 1768 и 69. ч. I. въ 4.

(241) Журналъ Министерства внутр. дѣлъ, 1836, No 4. стр. 73.

„ними ночь проводятъ въ пѣніи, плясках и „весельяхъ“ (242).

Кромѣ земледѣльческихъ праздниковъ, существующихъ тамъ, гдѣ процвѣтаетъ земледѣліе, есть *пастушескіе*, какъ мы замѣтили, особливо во дни св. Георгія, св. Флора и Лавра и св. Власія. Въ Сибири, въ концѣ Октября, бываетъ у рыбаковъ праздникъ, или *Юровая*, когда они за нѣсколько верстъ по Иртышу ѣздятъ за красною рыбою. Какъ въ Германіи и Франціи собираніе винограда, такъ въ Россіи *рубленіе и сѣченіе капусты*, или *капустницы*, составляютъ родъ празднества, на какое въ приволжскихъ Губерніяхъ сбираются дѣвицы въ лучшихъ нарядахъ, переходя съ пѣснями изъ дому въ домъ, гдѣ ихъ угощаютъ хозяева (243).

---

§ 7. Кромѣ упомянутыхъ нами постоянныхъ и подвижныхъ праздниковъ и торжественныхъ обрядовъ, подчиненныхъ условіямъ мѣста и времени, приведемъ здѣсь въ дополненіе къ сказанному нами выше на стр. 51, еще *чрезвычайные* или *заповѣдные*, *обѣт-*

---

(242) Liefländische Historia, oder kurze Beschreibung der denkwürdigsten Kriegs u. Friedens Geschichte Esth-Lief u. Lettlandes. Rudolfst. 1695. 4.

(243) Письма Рускаго Офицера, Ѳ. *Глинки*. М. 1821. ч. 5.

ные: они учреждались по какому нибудь чрезвычайному случаю, во время мора или другой напасти. Изъ нихъ замѣчательно *Опахиванье*, или *Коровья смерть* во время скотскаго падежа. Опахиванье совершается въ полночь однѣми женщинами, которыя собираются у околицы, извѣстивъ напередъ, чтобы никто изъ мущинъ не выходилъ на улицу. Шествіе обыкновенно начинается дѣвкою съ образомъ св. Власія; за нею слѣдуетъ женщина верхомъ на помелѣ, съ распущенными волосами, въ одной рубахѣ: она сопровождается толпою бабъ и дѣвокъ съ ухватами и кочергами, косами и серпами, коими они бьютъ въ сковороды съ дикимъ воплемъ; за ними другая толпа съ зажженными лучинами, въ срединѣ ея нагая старуха въ хомутѣ, запряженная въ соху, коею трижды опахиваютъ всю деревню и тѣмъ самымъ, по ихъ вѣрованію, пересѣкаютъ путь коровьей смерти (244). Между простолюдинами встрѣчались примѣры самопожертвованія, или обреченія на вольную смерть, въ случаѣ моровой язвы: по суевѣрному мнѣнію, для прекращенія мора, избранную міромъ по жребію женщину, или даже мущину, зарывали живыхъ въ землю съ пѣтухомъ и кошкою.

---

(244) Путешествіе отъ Тріеста до С. Петербурга, изд. *В. Броневскаго*. Москва, 1828, 2 ч. въ 8.

На Руси извѣстны, кромѣ *временныхъ, обѣтныя Пятницы*, въ кои крестьяне зарекаясь работать, обѣщаются праздновать: ето бываетъ по случаю безведрія, неурожая, падежа и другихъ напастей. Для етого даже писались отъ міра такъ называемыя *заповѣдныя записи*; въ собраніи грамотъ И. Н. Царскаго есть двѣ записи *заповѣдныя* XVI вѣка, въ томъ, чтобы по воскресеньямъ и „пятницамъ работы не работати, дѣла не дѣлати никакого чернаго, ни угодья, ни бѣлки, ни лѣсовати, ни рыбы ловити, ни ягодъ, ни губней не носити."

---

§ 8. Главныя и важнѣйшія дѣйствія жизни человѣческой, *рожденіе, свадьба* и *смерть*, у всѣхъ почти народовъ ознаменованы особенными праздниками и обрядами. Торжественныя сіи дѣйствія у Руских Славянъ проистекли изъ древняго ихъ быта и вѣрованія, обратились въ обычаи и отчасти привились къ Хрістіанскимъ обрядамъ, коими сопровождаются сіи три акта жизни семейной. По связи оныхъ съ простонародными праздниками мы ограничимся здѣсь только очерками етихъ семейныхъ празднествъ, кои требуютъ подробнаго мѣстнаго описанія и изслѣдованія.

Вмѣсто бракосочетаній, у Радимичей, Вятичей и Сѣверянъ бывали, по свидѣтельству лѣтописца, въ Язычествѣ *игры*, (*ἴγρα*, см. выше), на коихъ они себѣ *брали* (умыкаху) женъ; отсюда, вѣроятно, выраженіе: *играть свадьбу*. Супрасльскій лѣтописецъ (245) такъ изображаетъ древнѣйшее игрище, вмѣсто брака: „Бяху бо „законъ и обычаи браныи въ нихъ (Славенахъ): „не хожаше женихъ по невѣсту, но привожаху „вечеръ, а утре приношаху по ней, что уза„конено. А Древляне потомъ начаша жити „звѣрьскимъ образомъ скотьски: убиваху дроугъ „друга, ядуще все нечисто, и бракъ въ нихъ „не былъ, но умыкаху девици. А Радимичи, „и Вятичи, и Сѣвера единъ обычаи имяху: „начашя же по малѣ и тіи ясти, нечисто „живоуще въ лѣсехъ, и срамословие и несты„дение діаволоу угажающи възлюбишя, и прѣдъ „отци, и снохами, и матерми, и мраци (браци?) „не возлюбиша, но игрища, межи сѣлъ и ту слѣ„гахоуся рищюще на плясанія, и отъ плясанія „познаваху, которая жена или дѣвица до мла-

(245) Сравни Лѣтопись Несторову по Лаврент. сп., изд. Р. *Тимковскимъ*. Москва, 1824, въ 4. и Супрасльскую рукопись, содержащую въ себѣ Новгородскую и Кіевскую сокращенныя Лѣтописи, изд. Княземъ *М. А. Оболенскимъ*. Москва. 1836, въ 4.

„дыхъ похотѣніе имать, и отъ очного воззрѣнія, „и отъ обнаженія мышца и отъ прстъ ручныхъ показаніа, и отъ прьстней даралагапіа на прьсты чюжая, тажъ потомъ цѣлованіа съ лобзаніемъ и плоти съ сердцемъ „ражедгшися слагахоуся, иныхъ поимающе, „а другыхъ поругавше, метааху на насмѣаніе до смерти: имяхоу же и по в, и по г, „жены: зане слабъ соущи женскый обычаи, „и начаша дроуга предъ другою червити лице „и белимъ тръти абы оуношя вѫжелелъ ея „на похоть." Извѣстно, что свадьбамъ предшествуютъ общія гаданія, какія бываютъ о Святкахъ, когда дѣвицами призывается *суженой ряженой*. *Свадьба*, по Чешски Weselí, в е с е л ь е, состоитъ изъ *помолвки*, *рукобитья*, или сговора, *дѣвишника* и *вѣнчанія*; симъ обрядамъ предшествуютъ и послѣдуютъ бани, пиры и наблюденіе разныхъ примѣтъ. Въ Костромской Г. свадебные пиры: *пропой*, *гостинцы*, *сговоръ* на канунѣ бракосочетанія, то что на Московщинѣ *дѣвишникъ*; а столъ въ первый день брака — *Княжій*. Въ старину употребительно было еще *осыпаніе хмѣлемъ* жениха и невѣсты предъ вѣнчаніемъ и послѣ онаго (246). Выше упомянули мы о *купичномъ*, или *вѣнечной* ку-

---

(246) Древняя Росс. Вивліоѳика, ч. XIII. —

ницъ, стр. 116, что досель сохраняется у простолюдиновъ, или упоминается въ свадебныхъ пѣсняхъ разныхъ краевъ Россіи. Въ Костромской Г., болѣе въ крестьянскомъ быту, невѣста сирота, за день до вѣнчанія, ходитъ ночью въ сопровожденіи подругъ *прощаться* съ родителями на кладбище; тамъ помолясь на могилахъ, она приговариваетъ: *родимые батюшка и матушка, не надо ни злата, ни серебра, прошу родительскаго благословенія!* Также послѣ вѣнчанія *крутятъ* молодую, т. е. заплетаютъ ей волосы на головѣ въ двѣ косы и надѣваютъ повойникъ или кокошникъ: етотъ обрядъ сопровождается *окрутильнымъ обѣдомъ*. Символическими явствами на свадьбѣ бываетъ *коровай*, *перепеча*, *сыръ* и *яишница*. Въ Вельской округѣ и по Вагѣ тещи приносятъ въ Петровъ день на второй годъ брака *сыръ въ почесть зятьямъ*, которые по сему случаю дѣлаютъ пиршество (247). Вѣнчальныя свѣчи служатъ предметами загады-

---

Moscoviae ortus et progressus. auth. *D. Printz a Bucchau.* Gubenae. 1679. 12. Описаніе въ лицахъ торжества, происходившаго въ 1626 г. Февр. 5 при бракосочетаніи Государя Царя Михаила Ѳеодоровича съ Государынею Царицею Евдокіею Лукьяновною. М. 1810. 4.

(247) *Карамз.* И. Г. Р. ч. VI. стр. 254. VII, стр. 223.

ванія о долголѣтіи молодыхъ и зажигаютъ во время трудныхъ родовъ для облегченія родильницѣ. О свадебныхъ обрядахъ говоритъ Исторіографъ, что они „отчасти Славянскіе, „отчасти Скандинавскіе и что смыслъ оныхъ „легко отгадать: нѣкоторые изъ нихъ обра„зовали любовь, согласіе, чадородіе, богат„ство; другіе должны были удалять дѣйствіе „злаго вещества.“

Въ разныхъ Губерніяхъ Великой Россіи встрѣчаются различные свадебные обряды, въ коихъ нерѣдко подъ грубымъ покровомъ скрывается нравственное основаніе, напр: въ первый день свадьбы, разуваніе мужа женою, отъ коего отказалась Рогнѣда Полоцкая, невѣста В. К. Владиміра I (248), вскрываніе новобрачныхъ послѣ первой ночи или торжественное свидѣтельствованіе невинности дѣвической, какое бывало у восточныхъ народовъ (249) и какое запрещено было Петромъ I, и т. д.

Подобные обряды, оставшіеся теперь у сельскихъ жителей или у мѣщанъ, прежде наблюдались и на Великокняжескихъ, Цар-

(248) Софійской Временникъ, ч. I. М. 1820. въ 4.
(249) *Iahn* Archaeologia biblica. Viennae, 1814. въ 8.

скихъ и боярскихъ свадьбахъ, какъ видно изъ описанія оныхъ (250).

Родины празднуются пиршествомъ, на коемъ главное блюдо занимаетъ *каша*. Чтожь касается до обычая *класть на зубокъ*, то вѣроятно оный есть подражаніе принесенію даровъ волхвами рожденному І. Христу. Кромѣ суевѣрныхъ обрядовъ, примѣтъ и предзнаменованій, предшествующихъ и послѣдующихъ родинамъ, извѣстны *розмываніе* рукъ *роженицы съ бабкою* на девятый день, и *опоясываніе младенца* черезъ шесть недѣль послѣ рожденія. Въ Славянскихъ земляхъ издревле существовалъ обрядъ, вѣроятно языческій, перваго обрѣзанія волосъ, или *Постриги* и *Посажденіе на коня* младенцевъ мужескаго пола отъ 4 до 7 лѣтъ: что донынѣ наблюдается у козаковъ (251): у нихъ отецъ и мать, посадивъ на коня младенца, у котораго прорѣзывались зубы, возили его въ церковь, гдѣ служили молебенъ Св. Іоанну воину о томъ, чтобы сынъ ихъ былъ *храбрымъ козакомъ*. Древнѣйшій Польскій Историкъ Мартинъ Галлъ

---

(250) Опытъ повѣствованія о древностяхъ Россіи, *Г. Успенскаго*. Харьковъ, 1818, 2 ч. въ 8.

(251) Руская старина, изд. *А. Корниловичемъ*. Спб. 1825, въ 16. — Сюда вѣроятно относится пословица: *Невѣста водится, а женихъ на конь садится.*

свидѣтельствуетъ, что два странника, угощенные Пястомъ, *постригли волосы* сыну его младенцу и дали ему имя Семовита. Кадлубко говоритъ, что етотъ рыцарскій обрядъ вступленія дѣтей въ бытіе гражданское раждалъ между людьми духовное свойство и что мать постригаемаго считалась названою сестрой постригающаго. Послѣ Постригѣ, говоритъ Татищевъ, свидѣтель оныхъ, дѣти переходили изъ женскихъ рукъ въ мужскія (252). Изъ лѣтописей отечественныхъ видно, что торжественные *Постриги* Великихъ Князей совершались въ церкви, какъ сдѣлалъ В. К. Всеволодъ III въ Суздалѣ съ сыномъ своимъ Юріемъ; Князь Михаилъ въ Новгородѣ у Софіи съ сыномъ Ростиславомъ и Князь Константинъ Всеволодовичъ съ дѣтьми своими Власіемъ и Всеволодомъ. Етотъ обрядъ съ XIII в. сопровождался молитвою и пиршествами.

День плотскаго рожденія у Руских не столько праздиуемъ былъ, сколько день духовнаго, или *именины*; однако лѣтописи свидѣтельствуютъ, что Царь Иванъ Васильевичь праздновалъ въ Коломенскомъ селѣ день своего рожденія пиршествомъ: „праздникъ

(252) *Татищева* Росс. Исторія. кн. III, 502. — *Карамзина* И. Г. Р. III, стр. 137, 259.

„творяше рожденію своему ; тамо бо во вся „лѣта празднованіе“ (253).

Еще и въ XVI вѣкѣ продолжался древній обычай давать особенныя имена и прозванія, кромѣ полученныхъ при св. крещеніи: отъ сего встрѣчаются въ Исторіи лица, имѣющія по два имени, какъ бывало у Евреевъ (254). Знатные люди писывались въ самыхъ государственныхъ бумагахъ *Дружинами, Истомами, Неудачами, Невѣжами, Тишинами* и т. д. Баронъ Майербергъ въ 1661 г. замѣтилъ, что Рускіе Бояре имѣли по два имени, одно, полученное при рожденіи, а другое при крещеніи; послѣднее они таили изъ опасенія, чтобы ихъ не испортили колдовствомъ или чародѣйствомъ (255). Въ доказательство приведемъ здѣсь слѣдующіе примѣры изъ лѣтописей. Въ Воскресенской Л. сказано: „родися у В. Князя Всеволода сынъ „Ѳеодоръ, а прозванъ бысь Ярославъ 6698 г.“ Въ Никоновскомъ Л. подъ 6718 г: „родися „Князю Константину Всеволодичю сынъ „Иванъ, глаголемый Всеволодъ.“ Царь Иванъ

---

(253) *Карамз.* И. Г. Р. т. VIII, прим. 409.

(254) *Iahn* Archaeologia biblica. Viennae. 1814. въ 4.

(255) Труды и Лѣтописи Общества Исторіи и Древн. Росс. ч. III.

Васильевичь названъ былъ также Вароололомеемъ.

Одинъ изъ торжественныхъ семейныхъ праздниковъ Рускаго народа — *Именины,* или *Тезоименитство* (ἐπωνυμία): последнее происходитъ отъ Чешскаго слова tés или téz, *тотъ же,* соответствующаго Рускому: *тёзка.* Именинное празднество обыкновенно продолжается три дня, сопровождаясь дарами имениннику; отъ етого и пословица: *Добрый именинникъ до трехъ дней* (256). Главною принадлежностью имениннаго пира есть пирогъ, который, по старому обычаю, разламывается надъ головою именинника, въ предзнаменованіе благополучія. У Сербовъ *итти на красный колачь* значитъ: *итти на именинный пиръ,* который у нихъ также празднуется три дня: первый называется *краснымъ,* другой — *поутріемъ,* третій — *уставцемъ.* Въ старину у Рускихъ, именинникъ хаживалъ съ пирогами или съ сгибнями къ роднымъ и знакомымъ. Царь Алексѣй Михайловичь въ день своего тезоименитства носилъ именинный пирогъ къ Патріарху; послѣ поднесенія пирога Свя-

---

(256) Абевега Рускихъ суевѣрій. М. Ч. Москва. 1786. въ 8.

шителю, онъ жаловалъ пирогами Патріаршихъ бояръ и дьяковъ (257).

При похоронахъ и поминкахъ въ третины, девятины, полсорочины, сорочины, полугодовщины и годовщины наблюдаются въ разныхъ краяхъ Россіи особенные, старинные обычаи и примѣты, кои суевѣріе и право давности приобщило къ Христіанскимъ обрядамъ.

Катаніе яицъ и возліянія на могилахъ, въ Родительскія, скаканіе и пѣсни скоморошескія послѣ плача на кладбищахъ, наконецъ попойки представляютъ сходство съ обычаями Грековъ и Римлянъ Скандинавовъ. см. стр. 28. Присутствовавшіе при поминкахъ *скоморохи,* коихъ толпы хаживали по селамъ и деревнямъ, происходятъ отъ *Скамаровъ,* народа хищническаго, жившаго въ V и VI вѣкахъ при нижнемъ Дунаѣ (258). *Радуница,* или *Навій вторникъ,* и Троицкая суббота соединялись въ Древности съ *окличками мертвыхъ.* Установленныя православною Церковью для поминовенія усопшихъ *семь вселенскихъ пани-*

(257) Древняя Росс. Вивліоѳика, ч. VI.

(258) Московскій Наблюдатель, Іюль, 1836, стр. 66. Отъ Скамаровъ происходитъ, по мнѣнію Шаффарика, Славян. скомрахъ и Руское скоморохъ (latro, nebulo).

хидъ, а Россійскою Церковью *Дмитріевская суббота* въ Октябрѣ, безъ сомнѣнія, имѣли цѣлію и замѣщеніе древнихъ языческихъ обрядовъ. Въ Гжатскѣ и вообще въ Смоленской Г. у простолюдиновъ въ родительскія сбираются родственники на свои кладбища плакать и пировать; а ввечеру сходятся туда молодцы и дѣвки свыкаться, оправдывая дѣломъ Рускую пословицу: *Начинаютъ за упокой, а кончатъ за радость.*

Къ домашнимъ праздникамъ причисляется также *Новоселье*, сопровождаемое особенными обрядами и примѣтами. На *Новоселье* приносятъ хозяину *хлѣбъ-соль*, какъ знаменіе спорыньи, довольства и хлѣбосольства — Русской патріархальной добродѣтели. *Ѣздить на пиры, братчины и свадьбы* было въ Русской древности какою-то повинностью, отъ коей освобождались монастырскіе крестьяне жалованными грамотами (259); въ нихъ запрещается „намѣстничимъ людямъ и волостельнымъ и помѣщиковымъ незваннымъ ѣздить на свадьбы, пиры и братчины.“

---

(259) Исторія Росс. Іерархіи, т. I—VII.

§ 9. Самородная поэзія есть главная стихія нравственнаго образованія народа, начинающаяся съ первыми его вѣрованіями, съ первыми понятіями о себѣ и природѣ. Изъ вѣрованій проистекаютъ праздники и обряды съ обрядовыми и миѳическими пѣснями, приговорами и причитаніями. Сіи гласные, самородные памятники Словесности, не смотря на всѣ измѣненія и обновленія въ языкѣ оныхъ, живутъ народнымъ безсмертіемъ, составляютъ завѣтную стихію отечественности. Во всѣхъ населенныхъ странахъ міра, на всѣхъ языкахъ гласъ радости и печали превращался въ пѣснопѣніе. И дикія племена и образованные народы пѣснями выражаютъ свои моленія и проклятія; ибо пѣть — для сердца человѣческаго значитъ жить. У древнихъ изкони пѣты были законы, бытія племенъ, похвалы богамъ и богатырямъ (260). Пѣснь предшествовала письму. Всякое наставленіе въ религіи и мудрости, воспоминанія о важнѣйшихъ событіяхъ въ народѣ передавались въ пѣ-

---

(260) Отъ сего νόμος значитъ пѣснь и законъ, также carmen принимается въ смыслѣ пѣсни, молитвы и словъ закона. Encyclopédie des gens du monde, t. V. à Paris. 1835. art. chanson.

сняхъ, кои были не писаны, но переходили изъ устъ въ уста и пѣвались съ игрою на мусикійскихъ орудіяхъ и плясками при богослужебныхъ и народныхъ торжествахъ. Изслѣдованія старинныхъ обычаевъ и народныхъ пѣсенъ у Нѣмцевъ и Славянъ показываютъ, что у нихъ богослужебные праздники сопровождались пѣснями, наставительными для народа (261). Въ остаткахъ древнихъ пѣсенъ увѣковѣчены нѣкоторыя важнѣйшія епохи Рускаго народа; что умалчиваетъ лѣтопись, то иногда досказываетъ пѣсня; самая пословица Руская: *Пѣсня быль*, сходная съ Нѣмецкою: Die Sage lebt im Gesang — свидѣтельствуетъ, что въ пѣсняхъ сохранялись *былины древнихъ лѣтъ*.

Главнѣйшее словесное богатство Славянскихъ племенъ состоитъ въ пѣсняхъ, коими онѣ отличаются предъ всѣми другими народами свѣта: въ VI вѣкѣ онѣ слыли у Византійцевъ пѣснолюбивыми (262); Славянскіе странники брали съ собою въ путь

---

(261) Dissertations sur les antiquités de Russie, par *M. Guthrie*. à S. Pet. 1795. въ 8. — Новое и полное собраніе Росс. пѣсенъ. Ч. 1 — 4. Москва, 1780, въ 12.

(262) *Stritteri* Memoriae populorum. t. II.

гусли (киоары), а не оружіе. Неизвѣстный пѣвецъ Игорева похода упоминаетъ о *вѣщемъ Боянѣ, соловьѣ, пѣснитворцѣ стараго времени*, а Волынская лѣтопись о *словутномъ пѣвцѣ Митусѣ*. Когда Кн. Даніилъ, по переходѣ чрезъ рѣку Нарову, избавилъ многихъ Христіанъ: тогда, по выраженію той же лѣтописи, *пѣснь славну пояху има*. Ляхи въ XIII в. побѣду надъ К. Владиміромъ Рюриковичемъ торжествовали *древними пѣснями*. Въ сихъ завѣтныхъ лѣтописяхъ души и сердца заключаются бытія, миоы, мысли, чувства, надежды народа. — Хотя древнее вѣрованіе не могло удержаться у Рускихъ Славянъ, при обращеніи ихъ въ Христіанскую вѣру; но существенная часть онаго для поэзіи, внутренняя сила поэтическая проникнула нѣкоторыя старинныя народныя пѣсни и приговоры, какъ отклики древняго времени, повторяемые въ настоящемъ (263). Народная пѣснь находится во внутренней связи съ чувственною жизнію сказанія. Богослуженіе у Славянъ Рускихъ не могло обойтись безъ пѣснопѣній: въ чемъ удостовѣряютъ насъ свидѣтельства лѣтописцевъ и остатки старинныхъ хороводныхъ пѣсенъ, миоическихъ думъ и сказаній

---

(263) *Карамзина* И. Г. Р. т. IV и X.

Сколько время ихъ ни искажало; однако не могло совершенно изгладить кореннаго ихъ свойства, которое оставило свои слѣды при всѣхъ новѣйшихъ измѣненіяхъ и прикрасахъ (264).

Однѣ изъ старыхъ Рускихъ пѣсенъ носятъ на себѣ миѳическій цвѣтъ; другія, намекающія на древніе богослужебные обряды и жертвоприношенія, принадлежатъ къ обрядовымъ пѣснямъ, къ коимъ относятся причитанія и приговоры пѣсенные. Въ остаткахъ немногихъ миѳическихъ пѣсенъ и припѣвовъ упоминаются древнія божества и рѣки, въ честь коихъ онѣ были пѣты, на пр: *Ладо*, *Дидиладо*, *Купало*, *Туръ*, *Ярило*, *Таусень*, *или Авсень* — *Дунай*, *Донъ*. Нерѣдко въ нихъ смѣшиваются языческія вѣрованія съ христіанскими понятіями, на пр. въ Тульской г. въ Троицынъ день поютъ:

Благослови, Троица,
Богородица,
Намъ въ лѣсъ пойти,
Вѣнокъ сплести,
Ой дидъ Ладо (265)! —

---

(264) Исторія Рускаго народа, соч. *Н. Полеваго*, ч. II, М. 1830. 8.

(265) Путешествіе отъ Тріеста до С. Петербурга, изд. *В. Броневскаго*, 2 ч. Москва, 1828, въ 8.

Пѣснями поселяне привѣтствуютъ въ Россіи *солнце* на Петровъ день, подобно какъ въ Липовскомъ Секминѣ. См. стр. 30. Пѣснями поселяне встрѣчаютъ первый весенній *дожжикъ* и *закликаютъ красную весну*. Пѣсни, какія пѣвались въ сѣверныхъ странахъ среди веселыхъ хороводовъ и плетней вокругъ Майскихъ деревъ, относятся къ языческимъ обрядамъ, выражаютъ союзъ между обоими полами, между небомъ и землею (266).

По отношенію пѣсенъ къ народнымъ праздникамъ въ разныя времена года, ихъ раздѣлить можно на *святочныя* (подблюдныя), *колядскія*, *весенія*, *семицкія* и *троицкія*, или *русальныя*, *купальскія*, или *ладовыя*, по названію Карпато-Россовъ, которые празднуютъ Ладу въ день Купала и пр. Почти всѣ сіи роды пѣсенъ миѳологическихъ, нашихъ сагъ, имѣютъ характеръ хороводныхъ и примѣненіе къ особливымъ обрядамъ (267), на пр: А мы просо сѣяли—Заплетися плетень и пр. Въ разныхъ краяхъ Великой Россіи онѣ представляютъ мѣстныя отмѣны по своему содержанію и выраженію, достойныя изслѣдованія;

---

(266) Edda Saemundina, t. III. in 4.

(267) Умозрительныя и опытныя основанія Словесности, соч. *А. Глаголева*. Спб. 1834. въ 8.

что онѣ утратили въ одномъ мѣстѣ, то сохраняютъ въ другомъ. Такимъ образомъ, одно дополняясь и объясняясь другимъ, составляетъ цѣлое, стройное проявленіе духа народнаго въ живущихъ, гласныхъ памятникахъ.

Рускія *заклинательныя пѣсни*, какія извѣстны въ Бѣлоруссіи, Литвѣ, Польшѣ и Швеціи, вѣроятно суть остатки древней восточной жизни, переходившей черезъ всѣ народы и достигшей до нашихъ временъ. У Финновъ *народныя пѣсни* (Lugut) древнѣе всѣхъ прочихъ самородныхъ стихотвореній; на Англосакскомъ онѣ называются Runstafas (268). У Литовцевъ загадочныя пѣсни извѣстны подъ именемъ Misles. Сюда же можно отнести, (269), собранныя И. П. Сахаровымъ *пѣсни русалокъ*, *вѣдьмъ* и *солнцевыхъ дѣвъ*.

„Безспорно, говоритъ ученый Тредьяков„скій, во всѣхъ человѣческихъ обществахъ „богослужители были первенствующими сти„хотворцами. Стихами не только прославляли „они божество; но и достоинство свое от„мѣняли симъ родомъ рѣчи отъ общаго и про-

---

(268) Соревнователь просвѣщенія и благотворенія, СПБ. 1820, No III.

(269) Catholique, à Paris. 1826, t. I. No 3.

„стаго слова. Почему и наши языческіе жре-
„цы, безъ сомнѣнія, такое жъ равно преиму-
„щество имѣли, и были главные и лучшіе,
„въ нашихъ обществахъ, слагатели стиховъ.
„И такъ, способъ, бывшій у нихъ обыкновен-
„нымъ въ составленіи стиха, долженствуетъ
„быть самое древнее стихотвореніе наше.
„Неподозрительными и живыми свидѣтелями
„*простонародныя пѣсни* наши сіе точно свой-
„ство имѣютъ въ стихосложеніи своемъ. На-
„родный составъ стиховъ есть подлинный
„списокъ съ богослужительскаго. Воззримъ те-
„перь на начало нашего Христіанства: ви-
„димъ мысленно сущую нужду его, токмо то
„истребить у насъ, что непосредственно
„касалось до богослуженія ложнаго: на народ-
„ныя, гражданскія и дружескія употребленія
„не съ толикимъ съ начала ревнованіемъ оно
„взирало. — И такъ, многодѣльное тогда
„первое наше Христіанство, хотя искоренило
„всѣ многобожныя служенія и пѣсненныя про-
„славленія богамъ и богинямъ; однако, съ
„препебреженія, или за упражненіями,
„не коснулось къ простонароднымъ обыкно-
„веніямъ: оставило ему забаву общихъ уве-
„селительныхъ пѣсенъ, а съ ними способъ
„сложенія стиховъ. Сіе точно и есть перво-
„родное и природное наше стихосложеніе,

„пребывающее и до днесь въ простонарод„ныхъ молодецкихъ и другихъ содержаній пѣ„сняхъ живо и цѣло. Начавшееся у насъ Хрі„стіанство, истребившее всѣ идольскія бо„гослуженія и уничтожившее вконецъ спле„тенныя пѣсни стихами въ похвалу идоламъ, „лишило насъ безъ мала на 600 лѣтъ богочти„тельнаго стихотворенія. Пребывало двою„родное родство его токмо, чтобъ, такъ „сказать, какъ въ залогѣ у самаго онаго про„стаго народа въ подлыхъ пѣсняхъ; и пре„ходило отъ вѣка въ вѣкъ не безъ преста„ренія" (270).

Изъ Исторіи Саксоніи и Польши извѣстно, съ какимъ стараніемъ истреблялись тамъ языческія пѣсни въ XI вѣкѣ, кои замѣняемы были хрістіанскими пѣснопѣніями (271).

Духовные наши писатели, изъ ревности къ Православію и изъ презрѣнія къ суевѣрію, называютъ старинныя пѣсни, какія пѣвались о праздникахъ простонародныхъ, *сатанинскими, бѣсовскими, отъ бѣса замышленнымъ дѣломъ.* Объ нихъ упоминаютъ Номоканоны и

---

(270) Въ ежемѣсячныхъ сочиненіяхъ, въ Спб. 1755, Апрѣль.

(271) Miscellanea Cracoviensia, an. 1806. fasc. II.

Стоглавъ. Препод. Памфилъ, при описаніи Купальскаго праздника, въ посланіи своемъ къ Намѣстнику Псковскому, говоритъ, что тогда „егда не весь градъ возмятется и въ „селѣхъ возбѣсятся въ бубны и сопѣли и гу-„деніемъ струннымъ, и всякими неподобными „играми сатанинскими, плесканіемъ и пля-„саніемъ, женамъ же и дѣвамъ, и главами кива-„ніемъ, и устнами ихъ непріязненъ кличь, всѣ „скверныя пѣсни, и хребтомъ ихъ вихляніе и „ногамъ ихъ скаканіе и топтаніе“ (272).

Въ *свадебныхъ пѣсняхъ*, нашихъ эпиталамахъ, столь обильныхъ и разнообразныхъ въ Россіи, проявляются еще неростывшіе слѣды обрядовъ древняго вѣрованія, живая картина нравовъ и обычаевъ народныхъ. Онѣ нерѣдко проникнуты бываютъ глубокими и умильными чувствованіями. Едва ли есть народъ, кромѣ Рускихъ, особливо Малороссіанъ, у коего можно бъ было собрать цѣлую книгу свадебныхъ пѣсенъ. Малороссійскія пѣсни со всѣми обрядами настоящая опера-водевиль и едва ли гдѣ она имѣла столь естественное происхожденіе.

---

(272) *Карамз.* И. Г. Р. т. I.

Похороны и поминки сопровождаются *причитаніями* или *голошеньемъ*, въ коихъ плачевнымъ речитативомъ вычисляются достоинства покойника и жалобы осиротѣвшихъ. Мы сравнивали сіи причитанія съ Греческими ἰαλεμοὶ, съ Римскими laudes funebres, naeniae и Литовскими заупокойными пѣснями. По свидѣтельству Кельхена (273), Финны и Латыши Балтійскіе, въ XIII вѣкѣ, совершая тайно свои языческіе обряды во глубинѣ лѣсовъ, плакали надъ умершими, которымъ клали въ могилы пищу, питье, топоръ и нѣсколько денегъ съ слѣдующими причитаніями: „Ступай, бѣднякъ, въ лучшій міръ, „гдѣ не тобою Нѣмцы, но ты Нѣмцами будешь повелѣвать! Вотъ тебѣ на дорогу за„пасъ, оружіе и деньги." — Сарницкій говоритъ: „на Руси пѣвались елегіи въ па„мять двухъ храбрыхъ братьевъ Спрусевъ, „павшихъ 1506 г. въ битвѣ съ Варягами. „Елегіи сіи назывались у Рускихъ думами." „Соглашая заунывный голосъ и тѣлодвиженія „со словами, они иногда сопровождаютъ пѣніе „оныхъ печальными звуками свирѣли (274)." Въ нашихъ лѣтописяхъ, умильныхъ повѣ-

---

(273) Liefländische Historia. Rudolfstadt. 1695. 4.

(274) Annales regni Polonici. II.

стяхъ, сказаніяхъ и въ иностранныхъ писателяхъ о Россіи сохранились остатки таковыхъ причитаній, кои и доселѣ употребляются между простолюдинами и староверами. *Пѣсни дьявольскія* (carmina diabolica), какія простой народъ имѣлъ обыкновеніе пѣть ночью надъ усопшими, запрещаются пастырскимъ посланіемъ къ пресвитерамъ Епископа Веронскаго Ратерія (275).

Напѣвы старинныхъ обрядовыхъ пѣсенъ почти всѣ заунывные и часто торжественные: они отзываются не звуками рабства Татарскаго, какъ думаютъ иностранные писатели; но какимъ-то благоговѣйнымъ тономъ, тоскливостію о прошедшемъ и будущемъ, какъ таинственные отголоски умиленной души. Если всѣ онѣ будутъ собраны и изданы отчетливо: тогда только съ достовѣрностію можно вывести изъ нихъ заключенія о духѣ самородной поэзіи Руской.

Что касается до *игръ*, говоритъ О. Миллеръ (276), то „надобно допустить такое время въ древней Исторіи народовъ, когда

---

(275) Glossarium manuale ad scriptores mediae et infimae Latinitatis. t. II. Halae, 1773. 8. v. vox *carmen*.

(276) Die Etrusker von O. Müller. Breslau, 1828. 8.

всякая игра, всякая пляска бывала въ честь боговъ, такъ какъ всякое большое пиршество, на коемъ съѣдались мяса, было жертвенною трапезой. По крайней мѣрѣ, историческое преданіе вездѣ объясняетъ намъ сію загадку и постепенное отдѣленіе. Также въ это раннее время искусства соединялись въ одно искусство: праздничное дѣйствіе, музыка, борьба — все составляетъ съ капищемъ и кумиромъ одно цѣлое, коего части, когда стали отдѣляться или входить въ кругъ обыкновенной жизни, мало по малу отпадали отъ своего цѣлаго.“ Всѣ праздники у Грековъ сопровождались танцами, играми и пирами. У Римлянъ въ Древности ludi составляли часть богослуженія. То же почти можно сказать о древнихъ народныхъ праздникахъ Рускаго міра.

О значеніи и происхожденіи слова *игра* мы сказали выше; здѣсь прибавимъ только, что *Тура́* (*ὄρχησις*), описанная Ксенофонтомъ, была родъ военной пляски, заимствованной Греками отъ Персовъ (277). Степенная книга, Стриковскій и Герберштеннъ свидѣтельствуютъ, что въ Новгородѣ была *игра палицами* на мосту въ память того, что Перунъ, брошенный

(277) *Xenophon Κύρου παιδείας*, l. VIII.

въ Волховъ, кипулъ Новгородцамъ на мостѣ палицу съ слѣдующими словами: *Храните ее, граждане, въ память мою!* (278). О подобной игрѣ говорится въ правилахъ Кирилла Митрополита Рускаго, какъ о *бѣсовскомъ позорѣ треклятыхъ Еллинъ*; и въ договорѣ Готландцевъ и Нѣмцевъ съ Новгородцами въ XII в., гдѣ сказано, что „неистовая забава, въ коей „люди бьются дрекольемъ, не должна быть „терпима на улицѣ между дворами Нѣмец„кими, чтобы Россіане и гости не имѣли „повода къ ссорамъ.“ — Выше упомянутое *битье бочекъ* Новгородцами, по мнѣнію М. Я. Діева, похоже на Самоѣдскій Пендеръ, описанный Бруйномъ въ путешествіи. — Чтожъ касается до *игрушекъ*, или *игръ*: то онѣ были родъ богатырскихъ потѣхъ, или турнировъ, о какихъ говорится въ лѣтописяхъ. Волынская лѣтопись свидѣтельствуетъ, что когда Князь Ростиславъ въ XIII вѣкѣ стоялъ у Ярославля, *сотвори игру* предъ градомъ. Кіевская лѣтопись говоритъ, что „Угри на фарѣхъ и на „скокохъ играаху на Ярославлемъ дворѣ (279).“

---

(278) *М. Евгенія* разговоры о древностяхъ Великаго Новгорода. Москва. 1803. 4.

(279) Исторія Рускаго народа, соч. *Н. Полеваго*, т. II, прим. 456 и т. IV, прим. 146.

Въ 1390 г. „въ Коломнѣ была игрушка, на „коей смертельно уязвленъ былъ сынъ Велико-„княжескаго пѣстуна, Осей“ (280). — Къ древнимъ потѣхамъ также принадлежатъ *колыски*, или *качели*, кои Стриковскій и сочинитель Сунопсиса называютъ *дьявольскою сѣтію* (281). Изъ лѣтописей, Номоканона и Пролога видно, что въ святки и другіе праздники Рускіе надѣвали на себя маски, личины, или *наличники*, кои также называются *скуратами* отъ Латинскаго scurra шутъ. Въ харатейной Кормчей XIII в. маскированье святочное называется: „ѡбличья игрьць и ликъственикъ.“ Въ Патерикѣ Печерскомъ упоминается *о лудѣ на бѣсѣ въ образѣ Ляха* (282): отсюда и *Москолудство*, состоящее, по мнѣнію Р. Тимковскаго, изъ словъ *маска* и *лудъ*. Въ харатейномъ Прологѣ 1432, въ листъ, хранящемся въ Императорской Публ. Библіотекѣ, говорится въ житіи Преп. Нифонта, что „въ церковные празд-

---

(280) *Карамз*. И. Г. Р. т. V, прим. 251.

(281) *I. Раича* Исторія разныхъ Славянскихъ народовъ. Спб. 1795. въ 4.

(282) см. Was bedeutet das in den russ. Chroniken unter dem J. 1024 vorkommende Wort luda? eine antiquarische Abhandlung von A. J. *Sjögren*. S. Petersb. 1834. 4.

„ники ови бьяху в бубны, друзіи же въ ко-
„зицѣ и в сопѣли сопяху, инииже възложив-
„ше на лица скураты, идяху на глумленье
„человѣкомъ, и мнози оставивше церковь на
„позоръ течаху, и нарекоша игры тѣ *Ру-
„салья.*“ Русальные сіи хороводы въ харатей-
номъ спискѣ Нестора названы *Русальче*, по
изъясненію Карамзина, игрище (283). Кромѣ
кулачнаго бою, мы приводили выше *Жмурки*,
или *Слѣпа баба*, извѣстныя въ Кіевской Г.
подъ названіемъ *Желѣзной бабы*, *Горѣлки*, *Гу-
лючки* и проч. Описаніе игръ Рускаго народа
составитъ особенный отдѣлъ, занимательный по своему содержанію и немаловажный
въ отношеніи къ духу народному. Сочиненія
Гг. Голембовскаго, Нарбута, Гюпри и И. П.
Сахарова могутъ быть руководствами въ етомъ
предметѣ народности.

При обозрѣніи Рускихъ простонародныхъ
праздниковъ вмѣстѣ съ суевѣрными обрядами
открывается, что большая часть оныхъ относится къ Славяно-Руской Миѳологіи, которая образовалась въ ту эпоху человѣческой
мысли, когда неопредѣленность оной равняет-

---

(283) *Карамз.* И. Г. Р. т. II, прим. 113.

ся ея смѣлости и когда собственная Исторія народа смѣшивается съ его богоученіемъ и богослуженіемъ. Отечественныя божества народа соотвѣтствовали образу его жизни и мѣстности; священные обряды и праздники — его вѣрованіямъ и миѳамъ. Какъ въ отношеніи одного вѣрованія къ другому открывается отношеніе между народами единоплеменными и соплеменными: то и въ праздникахъ и обрядахъ у Славянъ, разсѣянныхъ по Европѣ подъ разными именами, проявляется сходство въ главныхъ чертахъ, а различіе въ частныхъ. Такое родовое сходство въ характеристическихъ чертахъ, основываясь, по большей части, на единствѣ происхожденія и духѣ сихъ племенъ, составляетъ личность народную. Но какъ есть коренныя понятія въ человѣчествѣ, кои развиваются въ свойственныхъ имъ формахъ: то у всѣхъ почти извѣстныхъ народовъ встрѣчаются общія вѣрованія и произшедшіе изъ нихъ обряды, сходные по сущности и различные по внѣшности; ибо онѣ, уклоняясь отъ своего истока и протекая сквозь міръ и человѣчество, заимствуютъ отъ мѣстности, климата и духа народовъ различные образы. Какъ сѣмена растѣній часто заносятся вѣтромъ на чуждую имъ землю, такъ и по-

вѣрья путемъ преданій переходятъ изъ одной страны въ другую, и тамъ перерождаясь, принимаютъ особенные виды и цвѣты.

Изслѣдованіе общаго и родоваго сходства въ вѣрованіяхъ, въ обрядахъ и праздникахъ полезно и важно для познанія человѣчества и народности, коимъ столь же сродно вѣрованіе и богопочтеніе, какъ самопознаніе и самосохраненіе. Оно открываетъ коренныя черты общей жизни человѣчества и отличительныя черты народности въ завѣтныхъ ея стихіяхъ: однѣ объясняются другими.

Различіе же въ простонародныхъ Рускихъ повѣрьяхъ и праздникахъ происходитъ отъ различія стихій народности, какія входили въ оные, въ предъисторическія времена, путями мало еще изслѣдованными. Славяно-Рускія преобладающія стихіи миѳическаго міра *Восточная*, *Греческая* и *Скандинавская* проявляются въ трехъ главныхъ средоточіяхъ, или узлахъ Россіи: Кіевѣ, Новгородьѣ и Московщинѣ, гдѣ разселялись Задунайскіе и Балтійскіе выходцы. Какъ иноземныя стихіи народности нерѣдко у Рускихъ Славянъ перелицовывались на свой ладъ: то отъ сліянія оныхъ вѣроятно проистекали новыя повѣрья и суевѣрные обряды, какіе бывали у старожиловъ и

насельниковъ Рускаго Сѣверо-Востока; слѣды оныхъ остались въ тѣхъ краяхъ Россіи, гдѣ жили Финны, Меря, Мурома и прочіе народцы, исчисленные у лѣтописцевъ нашихъ. Самыя сказки наши намекаютъ о появленіи *Руси* въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ *Рускаго духа слыхомъ не слыхано, и видомъ не видано.* Хотя, при постепенномъ переходѣ Рускихъ Славянъ отъ отечественнаго Язычества къ Христіанству, живыя нѣкогда вѣрованія и суевѣрные обряды время отъ времени истреблялись, или замѣняемы были другими вновь введенными обычаями; однако они, какъ завѣтныя стихіи древней народности, обращались въ игру жизни, и подъ видомъ привычныхъ и срочныхъ потѣхъ и увеселеній, сквозь ряды вѣковъ и переворотовъ, достигли нашихъ Временъ, допускались, скажемъ словами Петра Великаго, *для народнаго полированія.* Простолюдины, живущіе болѣе по отеческимъ преданіямъ и не перемѣняющіе своего древняго быта, не хотѣли и не могли разстаться съ оными и замѣнить старые обычаи другими новыми, имъ чуждыми. Они тѣмъ болѣе старались удержать древнія отечественныя празднества, что онѣ соединены были съ различными играми и увеселеніями, что онѣ составляли стихію его жизни общественной и семейной.

Доказательства жъ о происхожденіи народныхъ Рускихъ праздниковъ и обрядовъ изъ Славяно-Рускаго Язычества находятся:

1) Въ свидѣтельствѣ нашихъ лѣтописцевъ и Церковныхъ писателей, которые сами называютъ сіи праздники *языческими, еллинскими, погаными, идольскими требами* и т. д.

2) Въ миѳическихъ и обрядовыхъ пѣсняхъ народныхъ и сказкахъ, въ коихъ нерѣдко вспоминаются имена древнихъ божествъ, также *красное солнце, свѣтель мѣсяцъ, мать земля* и суевѣрные обряды. см. стр. 223.

3) Въ обычаѣ дѣлать чучелы и болваны при нѣкоторыхъ народныхъ праздникахъ, какъ-то: при изгнаніи зимы и при встрѣчѣ весны, въ Дожинки и Обжинки; въ представленіи избранными отъ міра лицами *Ярилы* (284), *Тура* (285), *Костромы*, *Масляницы*,

---

(284) На празднествѣ Ярилы въ Костромѣ, по свидѣтельству старожиловъ, въ Всесвятское заговѣнье одинъ мужикъ нашивалъ изображеніе мущины, украшеннаго лентами съ большимъ дѣтороднымъ удомъ, въ ящикѣ; вокругъ его ходили женщины съ пѣснями, потомъ съ плачевными причётами зарывали въ землю. Ето похоже на поклоненіе Фаллу и Лингаму.

(285) Прошлаго года найденные въ селѣ Туровскѣ близъ Галича, мѣдные маленькіе идолы доставлены въ Истор. Моск. Общество. *Туръ* вѣроятно тотъ же *Ярило*.

Пятницы и т. д. Сюда же отнести должно особенное въ народѣ благоговѣніе (восточнаго происхожденія) къ нѣкоторымъ огромнымъ *каменіямъ*, къ старымъ дуплистымъ *деревьямъ* и т. д. Въ томъ и другомъ случаѣ Славяно-Руская Миѳологія представляетъ въ себѣ соединеніе Антропоморфизма съ Фетишизмомъ, такъ равно дуализмъ въ Бѣлбогѣ и Чернобогѣ, въ Купалѣ и Купальницѣ, Дидѣ и Ладѣ, Царѣ-огнѣ и Царицѣ-водицѣ и т. д.

4) Въ благоговѣніи къ первенствующимъ, *царственнымъ* стихіямъ, *огню* и *водѣ*, олицетворяемымъ то *Перуномъ*, то *Зничемъ*, то *Купалою*, то *Купальницею*, священными рѣками и озерами, кои боготворимы были собственно не для нихъ самихъ, но для духовъ, по мнѣнію народному, въ нихъ живущихъ, или ими владѣющихъ. Чтожъ касается до перескакиванія черезъ огонь и омовенія или обливанія, то онѣ не столько произошли изъ обоготворенія рѣкъ и огня, сколько изъ идеи очищенія, какую находимъ въ вѣрованіяхъ у Грековъ и Римлянъ подъ разными образами. По свидѣтельству Плано-Карпина, очищеніе огнемъ и водою употреблялось у Татаръ при Батыѣ.

5) Въ разныхъ суевѣрныхъ примѣтахъ и предзнаменованіяхъ, гаданіяхъ, чародѣйствахъ и заговариваніяхъ, съ какими особенно соеди-

цены *Святки* и *Семикъ*. см. *Сказанія Рускаго народа о семейной жизни своихъ предковъ*, изд. *И. Сахарова*. Спб. 1836. ч. 1.

Вѣроятно, что нѣкоторыя кощунства и примѣты возникли во время борьбы Христіанства съ Язычествомъ, такъ на пр: встрѣча съ монахомъ и попомъ (286) и пр.

Самыя позорища празднествъ и игрищъ народныхъ, по большей части, тѣ же, какія бывали въ Язычествѣ: *берега рѣкъ и озеръ*, проводниковъ народонаселенія на Сѣверѣ и мѣста богослужебныхъ обрядовъ идолослуженія — *горы и курганы*, сіи колыбели и могилы (287) человѣчества, сдѣлавшіяся для него алтарями — *дубравы*, первые его пріюты и кущи языческихъ требищъ. Когда же развилась общественная и семейная жизнь въ селеніяхъ: тогда и праздники народа вышли *на улицу*, тогда само-

---

(286) Изъ ругательствъ воиновъ Ростиславовыхъ на Григорія Чудотворца видно, что встрѣча съ монахомъ почиталась и въ древности Руской предзнаменованіемъ бѣдствія. см. *Патерикъ Печерскій*. Владиміръ Мономахъ въ духовной тоже говоритъ. *Въ Потребникѣ*, М. 1639, упоминается: о вѣрованіи *въ чохъ и встрѣчу*.

(287) Многія старинныя кладбища и жальники на горахъ: въ Ярославлѣ и въ Костромской Г. *Туговы горы* отъ слова *туга* — *тужить*.

бытность и общежительность высказались въ пословицѣ: *На нашей улицѣ праздникъ.*

Впрочемъ не всѣ народные праздники и повѣрья родились въ епоху языческую Славяно-Руссовъ; нѣкоторые изъ нихъ, особливо относящіеся къ житейскимъ потребностямъ, образовались въ первые вѣка Рускаго Христіанства и подчинялись идеѣ онаго, когда еще оно имѣло черезполосное владѣніе съ древнимъ закоренѣлымъ вѣрованіемъ, шло съ нимъ рука объ руку, и когда еще первое не могло сдѣлаться повсемѣстнымъ; остатки послѣдняго истреблялись постепенно въ городахъ, но еще удерживались въ селахъ и погостахъ, какъ завѣтные, отеческіе обычаи, освященные правомъ незапамятной давности. Въ ету епоху языческіе обряды и народные обычаи нерѣдко примѣшивались къ христіанскимъ, коль скоро не противорѣчили онымъ въ нѣкоторыхъ частяхъ.

Христіанство и Язычество иногда почерпало символы изъ общаго источника оныхъ— природы, только съ различнымъ знаменованіемъ и съ различною цѣлью. Первое возводило отъ чувственнаго къ духовному, другое напротивъ того низводило отъ духовнаго къ чувственному; одно стремилось къ единству, другое къ многообразію и многочастности,

какія проявились въ миѳахъ физическихъ и религіозныхъ; одно было чисто нравственное, другое, обращаясь въ кругу жизни чувственной, покланялось и стихіямъ міра и страстямъ своимъ, представляло божественное въ сліяніи съ силами природы. Мысль о первообразномъ, священномъ въ символѣ имѣетъ своимъ источникомъ древнее народное вѣрованіе, которое одушевляя весь міръ, его силы и явленія, сближаетъ человѣка съ духовными, сверхъ-естественными силами, ему содѣйствующими или противодѣйствующими, кои обращаются въ предметы его благоговѣнія. Если бы въ символахъ не было историческаго, нравственнаго и священнаго знаменованія: то они не возбуждали бы одинакихъ чувствованій, одинакихъ религіозныхъ понятій, не были бы повсемѣстными. Большая часть оныхъ просты и разрѣшаются на три составныя нача́ла, соотвѣтствующія тремъ стихійнымъ цвѣтамъ: землю, воду и огонь. По такой общности символовъ, грубое суевѣріе нерѣдко облекало въ свои пелены чистѣйшія Христіанскія понятія: отъ сего удержались въ юномъ мірѣ Рускаго Христіанства *Волосы*, *Купалы*, *Купальницы*, *Коледы* и пр. Простонародныя прозванія Святыхъ, празднуемыхъ Церковію, заимствованныя отъ

годовыхъ временъ, отъ сельскихъ работъ и житейскихъ потребностей, превратились въ какія-то знаменія, имѣющія цвѣтъ миѳическій, напр: *Лѣтопроводецъ* (св. Симеонъ), *Солоноворотъ* (св. Спиридонъ), *Запрягальникъ* (св. Іеремія), *Заревница* (св. Ѳекла), *Колосяница* (св. Ѳеодосія), *Гречишница* (св. Акилина) и т. д.

Первые проповѣдники св. Вѣры, чтобы отвлечь простой народъ отъ языческихъ празднествъ, противопоставляли имъ благочестивыя учрежденія во дни оныхъ, напр: въ день Семика обычай погребать и поминать убогихъ собратій на убогихъ домахъ, или отечественныхъ скудельницахъ и т. д. Такъ въ Римскихъ областяхъ проповѣдники Евангелія при Константинѣ Великомъ иногда снизходили тѣмъ языческимъ обычаямъ, съ коими не могъ или не хотѣлъ разстаться народъ, закоснѣвшій въ отеческихъ повѣрьяхъ, если они не представляли явнаго нечестія и разврата (288). Тамъ, вмѣсто нѣкоторыхъ суевѣрныхъ обрядовъ, установлялись крестныя хожденія.

Патріархъ Вальсамонъ въ XII в. такъ описываетъ Греческіе обряды, совершенно

---

(288) Обозрѣніе Кормчей книги въ истор. видѣ, соч. *Барона Розенкампфа.* М. 1829, въ 8.

сходные съ Рускими купальскими и святошными: „Язычники въ 23 день Іюня, „ввечеру, сбирались на берегахъ рѣкъ, и въ „нѣкоторыхъ домахъ мужи и жены украшали перворожденную дѣву на подобіе невѣсты. Притомъ пировали и плясали, кружились, совершая предпразднество въ честь „богини Весты. Между тѣмъ бросали разныя „вещи въ сосудъ, наполненный водою. Наряженная дѣвица, по вынутіи каждой вещи, „предсказывала будущее тому, кто клалъ „оную. На другой день, съ музыкою и пляской всѣ выходили за водой и кропили оною „свои домы, а потомъ во всю ночь прыгали чрезъ зажженные костры. Церковные „учители, постепенно отклоняя новыхъ Христіанъ отъ языческихъ обычаевъ, почли за „нужное при водоосвященіи сочинить для „онаго пѣсни въ честь Пресвятой Дѣвы Маріи" (289). Папа Иннокентій III писалъ слѣдующее о позорищахъ въ Рождественскихъ святкахъ къ Гнѣзненскому Архіепископу Генриху: „Въ церквахъ совершаются позорища и не только вводятся для потѣхи чудовищныя личины,

---

(289) Новая Скрижаль, или пополнительное объясненіе о церкви, о литургіи и пр., сочин. *Архіепіскопа Веніамина.* Москва. 4 ч. 1803 и 6. въ 4.

„но даже въ нѣкоторыхъ праздникахъ участ-
„вуютъ сами діаконы и пресвитеры.“ Та-
ковы были въ Римской церкви *праздники ослій, дураковъ, пьяныхъ дьяконовъ* и т. п. Св. Григорій Великій въ письмѣ своемъ къ Аббату Меллиту замѣчаетъ слѣдующее объ Англо-саксонскомъ идолопоклонствѣ (въ VI вѣкѣ), сходномъ во многомъ съ Скандинавскимъ и Славянскимъ: „Долго я размышлялъ о томъ,
„что у Англовъ отнюдь не должно истреб-
„лять капища, но только уничтожать на-
„ходящіеся въ нихъ идолы и, по окропленіи
„св. водою, сооружать въ нихъ св. алтари.
„Такимъ средствомъ надобно обращать на-
„родъ отъ служенія демонамъ къ поклоненію
„истинному Богу въ томъ самомъ мѣстѣ, куда
„онъ издавна привыкъ стекаться. А какъ при
„жертвоприношеніи демонамъ обыкновенно
„убивали многихъ быковъ; то и сіе пирше-
„ство должно также измѣниться: пусть въ
„праздники церковные дѣлаются шалаши изъ
„древесныхъ вѣтвей вокругъ св. храмовъ, пре-
„вращенныхъ изъ капищъ, и тамъ празднуютъ
„дни сіи благоговѣйнымъ пиршествомъ, снѣдая
„мясо животныхъ во славу Божію и за насы-
„щеніе принося благодареніе Подателю благъ.“

Такія пиршества въ храмовые праздники имѣли связь съ торгами или ярмарками,

такъ что промышленность и торговля издревле шли по слѣдамъ религіи и вмѣстѣ съ нею соединяли людей въ города и селенія. Такъ у Еллиновъ *ἀγορά* значило собраніе и мѣсто онаго, сборъ въ смыслѣ торга, а *πανήγυρις* торжественное собраніе для празднованія. И въ Славянской древности *торжки* и *торги* учреждались при капищахъ во время празднествъ въ честь божествъ: въ Кореліи при храмѣ Золотой Бабы, на Ругенѣ при капищѣ Святовида, въ Ростовѣ *сборъ* вѣроятно бывалъ въ праздникъ Мерянскаго Волоса, такъ какъ въ Переяславлѣ-Залѣсскомъ ярмарка *Купальница* въ память Купальницы. По древнему обычаю, въ Россіи въ храмовые праздники обыкновенно сбираются торги и ярмарки и извѣстныя десять *торговыхъ пятницъ* (290). Мы выше замѣтили, что на торгахъ бывали судъ и расправа: слѣды этого остались въ мірской сходкѣ.

Нигдѣ столько не обнаруживается духъ и характеръ народа въ полнотѣ и свободѣ, какъ въ праздникахъ его, кои имѣютъ особенную характеристику, измѣняемую, какъ мы сказали, мѣстностію. Руские народные

(290) Академическія извѣстія на 1781 г. ч. VII. Спб. въ 8. ст. *О ярмаркахъ въ Россіи.*

праздники, подобно Греческимъ, отличаясь своею веселостью и игривостью, превышаютъ ихъ своею разгульностію, какой предается простолюдинъ во дни своего покоя и свободы отъ трудовъ. Онъ ждетъ праздника какъ дня жизненной отрады, и являясь на оном въ праздничномъ кафтанѣ, веселится съ упоеніемъ, оправдывая свою отечественную пословицу: *Кто празднику радъ, тотъ до свѣту пьянъ.* Въ его понятіи праздникъ есть льгота и веселье, въ коихъ онъ почерпаетъ новыя силы къ тягостнымъ трудамъ и къ борьбѣ съ суровою своей природой. Такъ праздники народа, поезія его жизни, имѣютъ тѣсную связь съ его семейнымъ бытомъ и нравственностію, съ его прошедшимъ и настоящимъ.

Исторія всякаго извѣстнаго народа обыкновенно начинается темными временами, событіями чудными и занимательными, но и сомнительными. Осторожная критика не отвергаетъ однако етихъ древнихъ сказаній изъ предъисторическихъ временъ, находя въ нихъ часто сѣмена истины, такъ что нерѣдко невозможное дѣлается вѣроятнымъ, а вѣроятное несомнительнымъ. Съ такимъ намѣреніемъ народныя повѣрья, обряды, праздники и остатки Язычества подвергались

внимательному испытанію Философа, Историка и Филолога, служили имъ средствами къ дальнѣйшимъ изслѣдованіямъ, кои могутъ открыть разныя черты характеристическія, составляющія физіогномію древней народности. Предметы сіи всегда подстрекаютъ ученое любопытство постигнуть древность народа, его переселенія, связи съ другими племенами, открываютъ отдаленные памятники Миѳологіи и языка, необходимые для его Исторіи, и такимъ образомъ распространяютъ кругъ историческихъ и филологическихъ познаній. Что же не входитъ въ составъ Исторіи, тѣмъ пользуется народная поезія, которая обогащается изъ етого источника. По такому-то отношенію Руской Еортологіи къ Археологіи, Исторіи и Филологіи отечественной, изслѣдованіе Рускихъ простонародныхъ праздниковъ не только можетъ быть любопытнымъ, но и важнымъ для познанія завѣтныхъ стихій жизни народной, развивавшихся въ разныя ея епохи и въ разныхъ мѣстахъ.

Прибавленія и поправки.

Слово *Московщина* употреблено мною потому, что я въ такомъ значеніи встрѣчалъ его въ древнихъ грамотахъ, а *Новгородье* въ Супрасльской рукописи, изданной Княземъ М. А. Оболенскимъ. М. 1836. въ 4.

Къ стр. 67. Въ странахъ *Латинскихъ* означаетъ исповѣдывающихъ Латинскую вѣру, преимущественно въ Италіи и Германіи. Римскіе карнавалы, сопровождаемые народными маскерадами, вездѣ, безъ сомнѣнія, были предметами для подражанія. *Bál* въ *Галдерзоновомъ* Исланд. Словарѣ означаетъ также strues lignorum, rogus, pyra.

Къ стр. 73. Sankt H. A. Св. Іоанна вечеръ.

На 78 стран. стр. 13: вм. der читай den.

Къ стран. 85. стр. 14. Sialudagr, по Исլан.: Sáladagr, а по Датски Sjaeledag.

Въ Скандинавскій вѣкъ различался Bruna-old вѣкъ сожженія и Haug-old вѣкъ погребенія. Потомъ употреблялись оба сіи способа по произволу. Замѣчаніе *Сума*, сочинителя Исторіи Даніи, Норвегіи и Голштейна Шлезв., Лейпц. 1797.

Къ стран. 61. 'Ar по Исլан. annus, annona.

Къ стран. 87. Taka есть старинное Исландское слово. Кофобъ Анкеръ въ объясненіи Ютландскаго права говоритъ: *tak* cautio fideiiussoria, порука, поручитель.

Къ стран. 91. *Mara* по Исландски incubus, ephialtes, Kobold, *κόβαλος*. *Мара* по Малоросс. призракъ; по Польски то же; по Нижнесаксонски: Mahr; оттого Mährchen. Польск. пословица: Sen mara, bóg

wiara, сонъ — мечта, а вѣрить должно Богу. Сюда же принадлежитъ Marzana, которую Кромеръ сравниваетъ съ Цререрою.

На стран. 93, вм. подъ именемъ Жмуди, читай: подъ симъ именемъ и Жмуди.

Къ стран. 93. У Католиковъ с. Стефану празднуется 26 Дек.

На стран. 173, на стр. 10 вм. Орловской читай: Въ Орловской.

На стр. 218, въ концѣ слова *сказаній* поставить точку.

